
VE RI
TAS

Е. В. ПѢТУХОВЪ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
ЮРЬЕВСКІЙ, БЫВШІЙ ДЕРПТСКІЙ,
УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ ПОСЛѢДНІЙ ПЕРІОДЪ СВОЕГО СТОЛѢТНЯГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

(1865—1902).

Историческій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1906.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1905 г.

ОТЪ АВТОРА.

Три года тому назадъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ моего труда „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Юрьевъ 1902“, расчитаннаго на два тома. Предлагаемое теперь вниманію читателей сочиненіе заключаетъ въ себѣ основную часть предположеннаго тогда второго тома; въ то время какъ первый томъ обнималъ собою обозрѣніе жизни и дѣятельности университета въ первые два періода его существованія (1802—1865), настоящій трудъ разсматриваетъ судьбы того же учрежденія за третій періодъ, вплоть до его столѣтняго юбилея (1865—1902). Сочиненіе написано, въ общемъ, по тому же плану, какъ и первый томъ. Отъ предположенныхъ первоначально приложеній ко второму тому (въ видѣ документовъ, иллюстрацій и т. п.), какъ и вообще отъ изданія второго тома въ томъ видѣ, какъ былъ изданъ первый томъ, пришлось пока отказаться по причинамъ чисто внѣшнимъ и отъ автора не зависѣвшимъ.

Октябрь, 1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Страницы.

Страницы.

I.

Связь этого (третьяго) періода жизни университета со вторымъ. — Вопросъ о реформѣ университета и округа въ русской и нѣмецкой печати въ 1860-ые годы.—Отношеніе къ этой идеѣ со стороны правительства; рѣзкій поворотъ его мнѣній въ началѣ 1870-хъ годовъ.—Попечитель графъ А. А. Кейзерлингъ; его отношеніе къ идеѣ реформы, къ университету. — П. К. Жерве. — А. А. Сабуровъ. — Баронъ А. Ѳ. Штакельбергъ.—М. Н. Капустинъ.—Н. А. Лавровскій.— Отношеніе правительства и печати въ 1880-ые и 1890-ые годы къ вопросу о реформѣ.—Результаты реформы.

Подлежащій здѣсь разсмотрѣнію послѣдній (третій съ начала существованія) періодъ жизни и дѣятельности Дерптскаго-Юрьевскаго университета [1]) обнимаетъ послѣднія 38 лѣтъ перваго столѣтія его существованія. Время это протекло подъ дѣйствіемъ устава 9-го января 1865 года, съ тѣми къ нему дополненіями и измѣненіями, которыя вызваны были какъ естественнымъ развитіемъ жизни и потребностей университета, такъ и особыми по отношенію къ нему правительственными мѣропріятіями, въ силу предпринятой въ 1880-хъ годахъ и къ концу періода почти завершенной реформы всей учебной системы въ Прибалтійскомъ краѣ. Это важное событіе, отмѣченное по отношенію къ университету 1889 годомъ, естественно дѣлитъ названнымъ рубежомъ и исторію университета въ данный періодъ на двѣ неравныя части: первую, въ 25 лѣтъ, до реформы и вторую, на протяженіи 13 лѣтъ, послѣ реформы. Если первая часть этого періода пред-

---

[1]) Первые два періода разсмотрѣны въ нашемъ трудѣ: „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія. Томъ I, (1802—1865). Юрьевъ 1902“.

ставляется въ значительной степени законченной, то вторая, напротивъ, будучи почти завершена формально, составляетъ еще достояніе самой живой современности: вотъ почему къ ней весьма трудно въ настоящее время приложить желаемую полноту фактическаго изложенія и освѣщенія, какъ это, впрочемъ, отчасти относится и къ первой, дореформенной части; многіе дѣятели изъ первой части этого періода еще живы, а весьма многіе изъ второй продолжаютъ даже дѣйствовать въ посредственной или непосредственной связи съ университетомъ.

Красная нить, проходящая черезъ исторію двухъ первыхъ періодовъ жизни Дерптскаго университета—опредѣленіе своихъ отношеній къ государственному языку, а также стремленіе занять среди другихъ университетовъ въ имперіи особенное положеніе и до извѣстной степени руководить культурно-политическими воззрѣніями мѣстнаго общества—получаетъ въ третьемъ періодѣ существованія университета еще болѣе яркую окраску, но результатомъ взаимодѣйствія этихъ стремленій съ одной стороны и воззрѣній правительства и значительной части русскаго общества съ другой является новый моментъ въ жизни университета, совпавшій съ правительственными стремленіями привести и вообще Прибалтійскій край къ болѣе тѣсной культурной связи съ остальной Россіей. Активная роль въ этомъ процессѣ сближенія, какъ прежде, такъ и теперь принадлежала руководящимъ правительственнымъ начинаніямъ и идеямъ, шедшимъ изъ центра, а университету приходилось такъ или иначе реагировать на эти послѣднія, подходя однако же постепенно, силою вещей, къ такому его состоянію, которое должно было въ концѣ концовъ явиться необходимымъ слѣдствіемъ совокупной дѣятельности указанныхъ условій.

То вниманіе, съ какимъ мѣстная и заграничная пресса относились къ судьбамъ Дерптскаго университета въ первый и особенно второй періоды его существованія, имѣло мѣсто и въ послѣдующее время, отмѣченное еще тѣмъ, что къ сужденіямъ этимъ присоединяются и голоса изъ русской печати, къ тому времени достаточно созрѣвшей и оказавшейся въ возможности сдѣлаться въ 1860-ые годы отзвукомъ значительной части мыслящаго русскаго общества; и должно замѣтить, что голоса эти оказались, по крайней мѣрѣ въ первые два десятилѣтія, далеко не въ согласіи съ господствующими настроеніями печати и общества Прибалтійскаго края.

Послѣ „обрусительныхъ“ мѣропріятій, имѣвшихъ мѣсто при импе-

раторѣ Николаѣ I относительно университета, назначеніе попечителемъ графа А. А. Кейзерлинга чрезвычайно окрылило надежды нѣмецкой партіи въ направленіи, обратномъ помянутымъ мѣропріятіямъ. Въ этомъ отношеніи очень интересной представляется одна посвященная Дерптскому университету статья, принадлежащая перу д-ра Николаи и напечатанная заграницей какъ разъ наканунѣ новаго университетскаго устава. Авторъ, считая Дерптскій университетъ „форпостомъ нѣмецкой науки и разсадникомъ нѣмецкой культуры“ въ Прибалтійскомъ краѣ, высоко ставитъ въ жизни этого учрежденія именно господство германскихъ началъ къ концу второго періода его существованія; онъ горячо привѣтствуетъ одержанную надъ антигерманскими тенденціями недавняго прошлаго „побѣду“ и выражаетъ сожалѣніе, что внутренніе „мелкіе раздоры“ въ университетской средѣ сдѣлали возможнымъ въ послѣдніе годы усиленіе бюрократическаго начала въ управленіи университетомъ и появленіе чуждаго наукѣ религіознаго піетизма. Статья заканчивается такими словами: „Самымъ утѣшительнымъ является то, что нѣмецкій духъ остался побѣдителемъ въ Дерптѣ послѣ различныхъ препятствій и борьбы. Всѣ эти препятствія принадлежатъ теперь уже къ невозвратному прошлому; всѣ затрудненія, которыя угрожали естественному развитію университета, устранены со времени новаго, благопріятнаго балтійскому населенію управленія университетомъ (т. е. со времени назначенія графа Кейзерлинга). Значеніе Дерптскаго университета для Россіи поднялось внѣ всякаго сомнѣнія; столь же несомнѣнно и то, что университетъ этотъ до тѣхъ поръ можетъ приносить всей русской имперіи и особенно Прибалтійскому краю ожидаемую пользу, пока онъ останется именно нѣмецкой высшей школой и удержитъ свой нѣмецкій характеръ“ [1]).

Конечно, такія надежды на новаго попечителя имѣли нѣкоторое основаніе, но въ общемъ, особенно со стороны мѣстной балтійской партіи, онѣ были сильно преувеличены. Графъ Кейзерлингъ былъ человѣкъ слишкомъ корректный, осторожный и независимый, чтобы согласиться энергически поддерживать тѣ узко-партійныя стремленія, которыя исходили отъ извѣстной группы дѣятелей университета и мѣстнаго общества; для него дороже всего были интересы свобод-

[1]) Dorpater Universitätszustände aus den letzten zehn Jahren. Von D-r *C. Nicolai*. Russische Revue, herausg. von *Wilhelm Wolfsohn*. B. III. Leipzig, 1864, стр. 371—385.

ной науки, порядка и законности. Въ силу этого онъ всецѣло сталъ, напр., на сторону профессора Шлейдена, пользуясь всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы защитить его отъ гоненій, воздвигнутыхъ на него большинствомъ его университетскихъ коллегъ [1]), и, конечно, этимъ далеко не увеличилъ своей популярности въ Дерптѣ [2]). По тѣмъ же побужденіямъ онъ писалъ натуралисту К. Э. Беру въ 1864 году: „Русскіе должны найти здѣсь (т. е. въ Дерптѣ) возможность учиться въ большемъ числѣ, чѣмъ доселѣ: вѣдь не можемъ же мы ожидать, чтобы національное чувство осталось въ забвеніи... Наши стремленія къ національности (т. е. въ балтійско-нѣмецкомъ смыслѣ) должны быть нѣсколько пріостановлены, такъ какъ намъ приходится жить здѣсь на деньги изъ центральной (т. е. обще-государственной) кассы. Спеціально балтійско-провинціальное къ Дерпту нейдетъ; Дерптъ долженъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться международнымъ университетомъ, и прежде всего я желаю, чтобы ожилъ здѣсь духъ изслѣдованія, а остальное придетъ само собою“ [3]).

Дѣйствительно, мысль графа Кейзерлинга объ увеличеніи способовъ обученія для русскихъ въ Прибалтійскомъ краѣ не только вполнѣ ясно сознавалась русскимъ обществомъ, но и обобщалась до желанія видѣть преподаваніе въ краѣ на русскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая университета. Въ такомъ смыслѣ высказались, напр., „С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ передовой статьѣ № 59 1865 года: „въ самомъ дѣлѣ—говорится тамъ далѣе—съ какой стати имѣть намъ въ Россіи нѣмецкій университетъ, когда, благодаря облегченію и дешевизнѣ нынѣшнихъ средствъ сообщенія, каждый остзеецъ, желающій учиться въ нѣмецкомъ университетѣ, можетъ отправиться для этого въ Кенигсбергъ, который подъ бокомъ у нихъ, въ Берлинъ?... Къ чему намъ поддерживать теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, нѣмецкій питомникъ на русской почвѣ? Не лучше ли обратиться ему въ настоящій русскій университетъ?“ Одновременно съ этимъ, преобразовательныя пожеланія относительно Прибалтійскаго края со стороны русскаго общества находили себѣ и еще болѣе широкую формулировку—въ смыслѣ глубокаго и всесторонняго

---

[1]) См. т. I, стр. 415—416.

[2]) Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern zusammengestellt von seiner Tochter Freifrau *Helene von Taube von der Issen.* B. I. Berlin, 1902, стр. 457—458. 460. 465.

[3]) Письма отъ 20-го сентября и 6-го ноября 1864 года: тамъ же I, стр. 475.

объединенія культурной жизни этой окраины съ центромъ; неизвѣстный авторъ одной изъ статей въ этомъ духѣ, сдѣлавъ краткій очеркъ объединительныхъ мѣропріятій правительства относительно Остзейскихъ провинцій въ XVIII и XIX вв. и не находя „твердости ни въ мѣрахъ, ни въ исполненіи", начерталъ цѣлую программу желаемой реформы, въ которой нашла себѣ мѣсто мысль, чтобы всѣ дѣла въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ края, а равно и преподаваніе въ школахъ велись на русскомъ языкѣ: „нѣтъ ни одной основательной причины—говорилъ авторъ—жертвовать пользою государства и благомъ нѣсколькихъ милліоновъ людей для выгоды немногихъ семействъ, закоренѣлыхъ въ ненависти къ Россіи" [1]). Вообще, во второй половинѣ 60-хъ годовъ вопросъ о культурномъ объединеніи Прибалтійскаго края съ Россіей получаетъ въ русской печати значительное оживленіе; дѣятельное участіе въ его обсужденіи съ этой точки зрѣнія принимали почти всѣ выдающіяся тогда періодическія изданія, съ „Московскими Вѣдомостями" [2]) и „Голосомъ" [3]) во главѣ; за одно съ ними подавалъ свой голосъ изъ-за границы, въ своихъ „Окраинахъ Россіи", Ю. Ѳ. Самаринъ. Съ противоположной точки зрѣнія и съ немалымъ увлеченіемъ обсуждали тотъ же вопросъ фонъ-Бокъ въ „Livländische Beiträge", Сиверсъ [4]), Экартъ [5]). Наконецъ, сначала въ Дерптѣ, а потомъ и за его предѣлами высказывался на эту тему и проф. Ширренъ [6]), по поводу дѣятельности котораго такъ писалъ въ 1870 году, не безъ горечи, Ю. Ѳ. Самаринъ: „Въ лицѣ

---

[1]) Очерки Ливоніи. Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при М. У., 1865, кн. 3, смѣсь, стр. 177—183.

[2]) См., напр., передовыя статьи *М. Н. Каткова*, 1869, №№ 72. 73. 83.

[3]) 1869, №№ 201. 202. 204. 205: статья *М. П. Погодина* „Остзейскій вопросъ. Письмо къ профессору Ширрену".

[4]) *Sivers, Jegor.* Appel an die europäische Oeffentlichkeit gegen die russische Zeitungen. Leipzig 1865. Французскій переводъ этой брошюры: Appel à la publicité européenne contre le journalisme russe au sujet des tentatives faites à Moscou et à Saint-Pétersbourg pour engager le gouvernement à russifier les provinces de la Baltique. Par un Allemand qui étant natif de la Livonie, appartient politiquement à la Russie. Traduction de *Emile Jonveaux.* Paris 1867.

[5]) *Eckardt, Julius.* Die deutsch-russischen Ostseeprovinzen. Offenes Schreiben an Herrn Professor H. v. Treitschke. „Baltische und russische Culturstudien aus zwei Jahrhunderten", Leipzig 1869, стр. 1—23 [Ср. *H. v. Treitschke.* Zehn Jahre deutscher Kämpfe. 2 Aufl. Berlin 1879, стр. 211—217].

[6]) Die russische Presse in Sachen der Ostseeprovinzen. „Dorpater Tageblatt" 1864.—Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig 1869.

г. Ширрена остзейскій сепаратизмъ, переименованный въ русскую исторію, обзавелся на счетъ казны особою каѳедрою и по распоряженію правительства сдѣлался, какъ самостоятельная наука, предметомъ обязательнаго преподаванія и обязательнаго слушанія“ [1]). Впрочемъ, когда Самаринъ писалъ эти строки, онъ, очевидно, не зналъ еще, что незадолго передъ этимъ проф. Ширренъ принужденъ былъ оставить службу въ Дерптѣ именно вслѣдствіе своихъ рѣзко выраженныхъ политическихъ воззрѣній. Конечно, раздавались и голоса примирительнаго направленія, но въ общемъ получалось впечатлѣніе, что балтійской точкѣ зрѣнія на вопросъ противопоставлена была и въ русской печати своя самостоятельпая точка зрѣнія, при формулировкѣ которой не было недостатка ни въ убѣжденности, ни въ основательныхъ историческихъ и теоретическихъ мотивахъ. Въ нѣмецкомъ обществѣ ходили даже, во всякомъ случаѣ сильно преувеличенные, слухи о предстоящемъ закрытіи Дерптскаго университета, который однако же нашелъ себѣ будто бы защиту въ лицѣ самого Государя [2]).

Какихъ же взглядовъ держалось на этотъ вопросъ правительство?

14-го іюня 1867 года посѣтилъ Ригу императоръ Александръ II. Въ рѣчи, сказанной на русскомъ языкѣ въ замкѣ представителямъ разныхъ сословій, Государь, отмѣтивъ искренность вѣрноподданническихъ чувствъ къ себѣ въ населеніи Прибалтійскаго края съ одной стороны и свое полное довѣріе къ этимъ чувствамъ—съ другой, далѣе, между прочимъ, сказалъ: „Я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что принадлежите къ единой русской семьѣ и образуете нераздѣльную часть Россіи, за которую отцы ваши и братья и многіе изъ васъ самихъ проливали кровь. Вотъ почему я надѣюсь найти со стороны вашей въ мирное время содѣйствіе мнѣ и моему представителю въ средѣ вашей, генералъ-губернатору, на коего вполнѣ полагаюсь въ приведеніи въ исполненіе тѣхъ мѣръ и реформъ, которыя я считаю необходимыми и полезными для вашего края“ [3]). Что за словомъ Государя стояло и дѣло, это видно изъ того, что уже

---

[1]) Отвѣтъ гг. Боку и Ширрену по поводу „Окраинъ Россіи“. Сочиненія *Ю. Ѳ. Самарина*. Т. VIII. М. 1890, стр. 343—344.

[2]) Unter dem russischen Scepter. Aus den Erinnerungen eines deutschen Publicisten, von *Fr. Meyer von Waldeck*. Heidelberg 1894, стр. 64.

[3]) *Татищевъ, С. С.* Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Т. II. С.-Пб. 1903, стр. 25.

1-го іюля 1867 года комитетъ министровъ одобрилъ предложенныя графомъ Д. А. Толстымъ мѣры къ усиленію преподаванія въ Прибалтійскомъ краѣ русскаго языка и къ проведенію въ дѣйствіе высочайшей воли отъ 3-го января 1850 года о веденіи официальной переписки въ присутственныхъ мѣстахъ въ краѣ на государственномъ языкѣ; впрочемъ, это мнѣніе комитета министровъ удостоилось высочайшаго утвержденія, съ нѣкоторыми измѣненіями, лишь 21-го октября 1869 года; 7-го октября 1868 года учреждена была должность помощника попечителя Дерптскаго учебнаго округа, со спеціальной цѣлью ближайшимъ образомъ слѣдить за изученіемъ русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ мартѣ 1868 года генералъ-губернаторомъ П. П. Альбединскимъ была подана Государю всеподданнѣйшая записка относительно коренныхъ преобразованій въ Прибалтійскомъ краѣ, въ которой прямо заявлялось, что „правительство сознало необходимость объединенія этого края съ остальными частями имперіи". Указывая на то, что „прибалтійское юношество пропитывается на школьныхъ скамьяхъ духомъ совершенно чуждымъ всему русскому", и желая противопоставить этому широкую возможность обученія въ учебныхъ заведеніяхъ края русскому языку, какъ могучему средству сближенія съ остальной Россіей, авторъ записки писалъ: „Создавая при малѣйшей потребности русскія училища, русскія гимназіи для мѣстныхъ русскихъ столько же, какъ и для нѣмцевъ, латышей и эстовъ, учебное начальство будетъ поставлено въ возможность увеличить требованія свои относительно русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ и, быть можетъ, внести въ него постепенно русскую науку" [1]).

Не смотря однако же на такое настроеніе и въ правительственныхъ сферахъ, и въ печати, и въ значительной части русскаго, особенно мѣстнаго прибалтійскаго, общества [2]), дѣло реформы встрѣтило, повидимому, сильный отпоръ со стороны столь авторитетной, что уже 12-го декабря 1871 года на университетскомъ актѣ официальный ора-

---

[1]) *Самаринъ, Ю. Ѳ.* Окраины Россіи. Вып. 5. Берлинъ 1875, стр. 27—28. 60—61.

[2]) Русскіе рижане представили въ 1870 году генералъ-губернатору Альбединскому всеподданнѣйшій адресъ, подписанный почти 800 лицами, гдѣ выражено было желаніе относительно русскаго языка, тожественное со взглядами на этотъ вопросъ правительства и самого генералъ-губернатора, но послѣдній отказался представить этотъ адресъ по назначенію, не смотря на то, что въ 1867 и 1870 годахъ адресы отъ остзейскаго дворянства въ соотвѣтствующемъ духѣ доходили до своей цѣли. Тамъ же, стр. 133—135.

торъ могъ сказать, вспоминая о нѣкогда обѣщанной университету его августѣйшимъ основателемъ защитѣ: „мы стоимъ теперь крѣпко и спокойно, не сокрушенные вражескими нападками, на насъ направленными въ недавнее время". Съ этой стороны понятнымъ является скептицизмъ Ю. Θ. Самарина, такъ писавшаго въ своихъ „Окраинахъ Россіи" въ 1871 году: „Всѣмъ извѣстно, что именно въ послѣднее время управленіе Балтійскимъ краемъ въ значительной степени упростилось и, такъ сказать, съузилось преднамѣреннымъ устраненіемъ или отсрочкою на неопредѣленный періодъ всѣхъ крупныхъ задачъ, недавно еще стоявшихъ на ближайшей очереди. Твердой иниціативы со стороны правительства не видно ни въ чемъ, и теперешняя его программа дѣйствій, буде таковая имѣется, повидимому, заключается въ систематическомъ воздержаніи отъ всякаго серьезнаго дѣйствія" [1]. Такимъ образомъ, назрѣвшая уже реформа учебной системы въ Прибалтійскомъ краѣ, въ томъ числѣ и университета, была пріостановлена почти на цѣлую четверть вѣка; въ связи съ этимъ, для многихъ тогда необъяснимымъ, явленіемъ не лишено интереса сообщеніе въ 1889 году, когда наконецъ реформа относительно университета начала фактически осуществляться, газеты „Temps", будто въ 60-хъ годахъ, когда реформа была окончательно подготовлена, Государь, по особымъ мотивамъ, рѣшилъ отложить ея осуществленіе на приблизительно двадцатипятилѣтній срокъ [2]. Наблюденіе надъ событіями, предшествовавшими моменту этого рѣшенія, а также отчасти и слѣдовавшими за нимъ, даетъ возможность съ большой вѣроятностью предполагать, что на рѣшеніе Государя не остались безъ вліянія энергическіе голоса противъ реформы изъ среды нѣмецкаго общества какъ на мѣстѣ предполагавшейся реформы, такъ и въ Петербургѣ, напримѣръ, докладныя записки на высочайшее имя лифляндскаго и эстляндскаго дворянства 1870 года [3]. Отголоскомъ же консервативнаго настроенія императора Александра II къ судьбѣ Дерптскаго университета являются слѣдующія слова офиціальнаго университетскаго оратора, сказанныя по поводу смерти этого государя на торжествен-

---

[1]) Сочиненія. Т. VIII, стр. 426.

[2]) Ср. „День", отъ 16-го декабря 1889, № 547.

[3]) Пространный „Memorial der livländischen Ritterschaft" (1870) и краткая „Supplik der ehstländischen Ritterschaft an Kaiser Alexander" (11-го марта 1870) напечатаны *В. Бокомъ* въ его „Livländische Beiträge", Neue Folge, B. I, Heft 5 (Leipzig 1871), стр. 262—298. 318—321.

номъ годичномъ актѣ 12-го декабря 1881 года: „Императоръ Александръ II постоянно оказывалъ нашему университету свое милостивое отеческое покровительство, и университетъ питалъ къ нему благоговѣйную любовь и благодарную вѣрность. Его благословенному царствованію обязанъ онъ новымъ уставомъ, дальнѣйшимъ предоставленіемъ богатыхъ средствъ, учрежденіемъ ряда новыхъ каѳедръ. Но мы должны быть благодарны еще и за гораздо большее. Блаженной памяти императоръ былъ для нашего университета крѣпкой защитой противъ угрожавшихъ вражескихъ покушеній. Въ своей милостивой, любвеобильной заботѣ онъ сохранилъ его на той основѣ, изъ которой университетъ черпалъ и единственно могъ черпать лучшія силы для своего преуспѣянія, онъ охранилъ особенности его жизни и обезпечилъ ему драгоцѣнное благо—свободу изслѣдованія, преподаванія и ученья, какъ необходимѣйшее условіе научной работы. Память о немъ навсегда останется благословенной въ исторіи нашего университета“ [1]).

Разумѣется, при такомъ положеніи вопроса никто изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ центральнаго управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, не могъ принять на себя иниціативы въ дѣлѣ реформы, судьба которой однако же продолжала интересовать общественное мнѣніе какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ и въ остальной Россіи. Жизнь шла своимъ чередомъ, выдвигая то старые, то новые насущные запросы, требовавшіе удовлетворенія; самосознаніе русскаго общества тоже зрѣло, и рѣшеніе вопроса о реформѣ, задержанное искусственно, надвигалось само собою, силою вещей, логикой самой жизни.

Изъ попечителей округа также никто не могъ обнаружить въ эту предшествовавшую реформѣ промежуточную эпоху какого-нибудь замѣтнаго почина въ томъ или иномъ опредѣленномъ духѣ, пока не послѣдовали соотвѣтственныя указанія свыше, хотя и не всѣ попечители этого времени теоретически одинаково относились къ вопросу о реформѣ.

Графъ *А. А. Кейзерлингъ* оставилъ постъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа въ ноябрѣ 1869 года, смѣнивъ тревоги и волненія административной службы на почетный отдыхъ и мирныя занятія наукой. Уже уходъ изъ министерства А. В. Головнина, который дѣятельно поддерживалъ Кейзерлинга въ стремленіи оградить управленіе

---

[1]) Рѣчь профессора политической экономіи *Т. Митгофа*, въ „Festrede zur Jahresfeier der Stiftung der Universität Dorpat am 12 December 1881, gehalten von *Theodor Mithoff*. Dorpat 1882“, стр. 3—4.

университетомъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій, и замѣна его въ апрѣлѣ 1866 года графомъ Д. А. Толстымъ дали поводъ графу Кейзерлингу къ нѣкоторому разочарованію и скептицизму относительно будущности своей служебной карьеры и возможности удержать свою точку зрѣнія на дѣло; оба эти послѣднія лица мало гармонировали между собою. Упомянутое выше назначеніе попечителю помощника, въ лицѣ д. с. с. Николича, было непріятно Кейзерлингу. Мѣстомъ пребыванія помощнику попечителя была назначена Рига. Согласно утвержденной министромъ 28-го декабря 1868 года особой „временной инструкціи", помощнику попечителя спеціально ввѣрялось „попеченіе объ успѣхахъ русскаго языка и предметовъ, преподаваемыхъ по-русски" во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа, начиная съ университета и кончая начальными училищами (§ 1); онъ обязанъ былъ „посѣщать лекціи въ университетѣ по предметамъ, преподаваемымъ на русскомъ языкѣ, и присутствовать по возможности на испытаніяхъ студентовъ изъ этихъ предметовъ какъ на провѣрочныхъ при пріемѣ, такъ и на окончательныхъ" (§ 5) [1]); для этой послѣдней цѣли помощникъ попечителя долженъ былъ довольно часто пріѣзжать въ Дерптъ. Конечно, въ дѣйствительности роль помощника попечителя относительно университета была мало полезной для дѣла, весьма трудной, нерѣдко двусмысленной. Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ (къ дочери Еленѣ, отъ 24-го августа 1869 года) попечитель прямо говоритъ о своемъ помощникѣ, что онъ „aus dem Curator-Gehülfen ein Hinder-Curator sich herausgebildet", да и вообще не стѣснялся высказывать свое неудовольствіе по поводу этого назначенія [2]). Въ 1884 году эта должность помощника попечителя была упразднена и замѣнена учрежденіемъ второй должности окружного инспектора. Не былъ вполнѣ доволенъ графъ Кейзерлингъ и раздорами въ университетской средѣ; его корректное настроеніе плохо мирилось съ мелочностью, корыстолюбіемъ и неискренностью многихъ изъ тогдашнихъ профессоровъ: „у насъ являются либералами—писалъ онъ барону фонъ-Икскулю 10-го мая 1865—не потому, чтобы стремились къ вѣчной справедливости, а изъ зависти и изъ жажды временнаго господства" [3]); о научныхъ силахъ тогдашняго Дерптскаго университета, особенно юридиче-

---

[1]) Сборникъ распоряженій, IV. 674—678.
[2]) Graf Alexander Keyserling, I. 557. 563. 567—568.
[3]) Тамъ же, I. 479.

скаго факультета, былъ онъ далеко не высокаго мнѣнія [1]); не радовало его и плохое состояніе студенческой дисциплины [2]); наконецъ— и это главное—ему трудно было мириться со своимъ двойственнымъ положеніемъ въ то время, когда вопросъ о реформѣ переживалъ острую и критическую стадію своего развитія, и для него еще было неясно, чѣмъ должно кончиться дѣло: какъ добросовѣстный администраторъ, онъ долженъ былъ приводить въ исполненіе нѣкоторыя такія распоряженія по университету и округу, съ которыми былъ внутренне несогласенъ [3]). Все это вмѣстѣ привело его, обезпеченнаго и даже богатаго человѣка, цѣнившаго всего болѣе независимость, къ естественной мысли объ отставкѣ, которую онъ и получилъ, одновременно съ назначеніемъ ему преемника, 17-го ноября 1869 года.

Новый попечитель, *Петръ Карловичъ Жерве*, бывшій до того сувалкскимъ губернаторомъ, прошелъ свою, предшествовавшую этому назначенію, служебную карьеру въ сферѣ, чуждой ближайшихъ интересовъ науки и просвѣщенія; но онъ принесъ на свой новый постъ глубокое убѣжденіе въ необходимости и неотложности реформы учебной и административной системы въ Прибалтійскомъ краѣ въ общерусскомъ направленіи. Отъ мѣстнаго историка Жерве получилъ нелестное наименованіе „палача университета“ [4]), но эта характеристика невѣрна уже потому, что Жерве, въ качествѣ попечителя, дѣйствовалъ въ эпоху, когда идея реформы, вслѣдствіе указаннаго выше поворота, сдѣлалась въ руководящихъ сферахъ весьма непопулярной, и попечителю приходилось дѣйствовать очень осторожно, безъ надежды на успѣхъ и почти безъ пользы для дѣла. Съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что, пройдя совсѣмъ иную административную школу и во многомъ напоминая собою одного изъ своихъ предшественниковъ по попечительству, генерала Г. Б. Крафстрема, П. К. Жерве мало подходилъ вообще къ роли руководителя учебнымъ округомъ и университетомъ, будучи чуждъ многихъ существенныхъ интересовъ послѣдняго, хотя и былъ исполненъ въ то же время лучшими намѣреніями, отличался прямотой характера и стойкостью своихъ воззрѣній.

---

[1]) Graf Alexander Keyserling, I. 482. 484.

[2]) Тамъ же, I. 569.

[3]) Тамъ же, I. 456. 571—572. 574—575.

[4]) Die deutsche Universität Dorpat. 3 Aufl., стр. 61.

Конечно, въ Дерптѣ, вблизи университета, въ постоянномъ соприкосновеніи съ недовольной средой, П. К. Жерве было не по себѣ, и вскорѣ же послѣ своего назначенія, по предварительному соглашенію съ генералъ-губернаторомъ Альбединскимъ, онъ возбудилъ вопросъ о перенесеніи управленія учебнымъ округомъ изъ Дерпта въ Ригу. Мотивируя это свое предложеніе, попечитель такъ писалъ министру, отъ 22 февраля 1870 года: „Ближайшее ознакомленіе съ настоящимъ направленіемъ дѣла общественнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, а равно съ характеромъ дѣятельности большинства лицъ, поставленныхъ здѣсь во главѣ этого важнаго дѣла, не только не поколебало, но, напротивъ, окончательно утвердило во мнѣ убѣжденіе въ пользѣ и необходимости вывести управленіе Дерптскимъ учебнымъ округомъ изъ того обособленнаго, ненормальнаго положенія, въ которомъ онъ нынѣ находится, и поставить его въ болѣе близкія, живыя соотношенія съ высшей мѣстной администраціей, при сочувствіи и содѣйствіи которой лишь возможно измѣненіе, путемъ зрѣлаго, совокупнаго обсужденія принимаемыхъ мѣръ, нынѣшняго, не вполнѣ соотвѣтствующаго видамъ правительства направленія въ дѣлѣ образованія и постепенное, безъ раздраженія, сближеніе этого края съ прочими частями имперіи". По вопросу объ отдѣленіи управленія округомъ отъ университетскаго города попечитель разсуждалъ: „Соображенія по отдаленію университета отъ центра окружнаго управленія не могутъ служить препятствіемъ къ осуществленію предположенной г. генералъ-губернаторомъ и мною перемѣны, такъ какъ, съ одной стороны, на университетъ распространено столь обширное право самоуправленія, что для наблюденія за нимъ и личнаго удостовѣренія въ его состояніи весьма достаточно четырехъ-пяти осмотровъ въ теченіе года, произведенныхъ попечителемъ и его помощникомъ, а съ другой — количественный перевѣсъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ сосѣдственныхъ между собою городахъ Ригѣ, Митавѣ и Либавѣ вызываетъ потребность наибольшей заботы и болѣе тщательнаго призора". Доводы попечителя были уважены, и 13 марта 1870 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе перевести управленіе округомъ въ Ригу; самый же переѣздъ П. К. Жерве, съ канцеляріей и архивомъ, послѣдовалъ 22 апрѣля 1870 года, при чемъ архитекторъ и окружной инспекторъ остались въ Дерптѣ, и округъ продолжалъ именоваться „Дерптскимъ".

31 мая 1875 года П. К. Жерве былъ назначенъ попечителемъ въ Харьковъ, но продолжалъ управлять Дерптскимъ учебнымъ округомъ

до 18 августа 1875 года, когда вступилъ въ управленіе его преемникъ *Андрей Александровичъ Сабуровъ*, остававшійся въ этой должности до 24 апрѣля 1880 года. Новый попечитель, вступивъ въ управленіе округомъ уже при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ его предшественникъ, пожелалъ иначе установить свои отношенія къ университету и вскорѣ же, 22 января 1876 года, возбудилъ передъ министерствомъ ходатайство объ обратномъ переводѣ управленія изъ Риги въ Дерптъ. Мотивировалъ онъ это предложеніе тѣмъ, что имѣвшаяся шесть лѣтъ тому назадъ цѣль перевода управленія въ Ригу—наблюденіе за возникавшими въ Ригѣ и сосѣднихъ городахъ русскими учебными заведеніями—въ настоящее время уже достигнута, и что теперь необходимо ближайшее наблюденіе за открывающимися подобными же русскими учебными заведеніями въ Эстляндской губерніи; кромѣ того, и въ самомъ Дерптѣ предстоитъ открытіе русскаго городского училища и учительской семинаріи для эстонской части населенія края; наконецъ, была бы желательна и большая близость попечителя къ университету, что „въ Дерптскомъ округѣ особенно важно въ виду тѣсной связи между университетомъ и всѣми учебными заведеніями края, учителя и начальники которыхъ почти всѣ получали образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, сохранили съ нимъ тѣсныя связи и потому невольно подчиняются господствующему въ данную минуту въ Дерптѣ направленію". Не смотря на всю условность и даже неясность такой мотивировки, желаніе попечителя было уважено, и 23 февраля 1876 года послѣдовало высочайшее согласіе на перенесеніе управленія округомъ обратно въ Дерптъ, при чемъ, въ интересахъ находящихся въ Ригѣ русскихъ учебныхъ заведеній, рѣшено было оставить тамъ мѣстопребываніе помощника попечителя и состоящаго подъ его предсѣдательствомъ испытательнаго комитета. При кратковременныхъ отлучкахъ попечителя изъ Дерпта, рѣшено было, чтобы онъ оставлялъ управленіе округомъ за собою, а при болѣе продолжительныхъ — передавалъ его своему помощнику, съ вызовомъ послѣдняго изъ Риги въ Дерптъ. Переѣздъ попечителя въ Дерптъ состоялся 1 сентября 1876 года; за нимъ опять послѣдовали архивъ и канцелярія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Дерптъ, новый попечитель успѣлъ пріобрѣсти себѣ расположеніе не только со стороны представителей университета, но и другихъ слоевъ городского общества; домъ его сдѣлался центромъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ города, и мы имѣемъ полное основаніе полагать, что характеристика, данная А. А. Сабу-

рову, какъ попечителю, со стороны мѣстнаго историка [1]), въ общихъ чертахъ недалека отъ истины. По вопросу о „реформѣ“, который офиціально все-таки не былъ снятъ съ очереди, А. А. Сабуровъ могъ дѣйствовать только съ той уклончивостью, мягкостью и тактомъ, которыя диктовались ему настроеніемъ эпохи.

По назначеніи А. А. Сабурова управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, на посту попечителя Дерптскаго учебнаго округа наслѣдовалъ ему баронъ *Александръ Өедоровичъ Штакельбергъ*, непродолжительное управленіе котораго, съ 29 ноября 1880 по 14 іюля 1883 года, не отмѣчено было ничѣмъ особеннымъ въ лѣтописяхъ университета и округа и протекало при тѣхъ же общихъ условіяхъ, какъ и управленіе его предшественника.

При значительно измѣнившихся обстоятельствахъ пришлось нести свои попечительскія обязанности *Михаилу Николаевичу Капустину* (съ 14 іюля 1883 по 17 августа 1890 года), при которомъ положено начало осуществленію реформы учебной системы въ округѣ и въ университетѣ, и *Николаю Алексѣевичу Лавровскому* (съ 17 августа 1890 по 18 сентября 1899 года): на послѣдняго осуществленіе реформы легло своей главной тяжестью, его трудами она завершена была окончательно. При первомъ изъ названныхъ попечителей управленіе округомъ, согласно высочайшему разрѣшенію 7 марта 1886 года, снова переведено было въ Ригу, при чемъ самый переѣздъ состоялся 20 іюня 1886 года, а при второмъ, по высочайшему повелѣнію 27 февраля 1893 года, Дерптскій учебный округъ переименованъ въ Рижскій, одновременно съ переименованіемъ университета въ Юрьевскій.

Хотя, какъ уже мы видѣли, мысль о сближеніи Дерптскаго университета съ остальными университетами имперіи и о реформѣ господствовавшей въ немъ учебной системы на началахъ общерусскаго государственнаго единства проходитъ черезъ всю исторію этого учрежденія, начиная съ 1830-хъ годовъ, съ перерывами и колебаніями то въ пользу упомянутой идеи, то противъ нея, однако, на вполнѣ твердую почву вопросъ этотъ былъ поставленъ лишь волею императора Александра III, его личной инициативой, его глубокимъ убѣжденіемъ въ неотложной необходимости водворенія русскихъ государственныхъ и культурныхъ началъ на Прибалтійской окраинѣ. Выполненіе этой программы совпало съ управленіемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова, стоявшаго во главѣ этой отрасли

[1]) Die deutsche Universität Dorpat, 63—65.

государственнаго управленія съ 16 марта 1882 по 29 декабря 1897 года.

Какъ извѣстно, реформа университета и округа составляла только часть общегосударственной реформы относительно Прибалтійскаго края; въ интересахъ послѣдней была назначена въ 1882 году, по высочайшему повелѣнію, ревизія сенатора Н. А. Манассеина Лифляндской и Курляндской губерній „во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго управленія“, о чемъ попечитель баронъ Штакельбергъ офиціально увѣдомилъ ректора университета отъ 8 февраля 1882 года, а 3 мая 1883 года прибывшему въ Дерптъ сенатору Манассеину представлялся весь учебный и административный составъ университета. Эта мѣра опять чрезвычайно оживила интересъ къ вопросу о реформѣ университета какъ въ обществѣ, такъ и въ періодической печати. Вотъ какъ писалъ, напр., въ 1884 году И. С. Аксаковъ, вполнѣ раздѣлявшій взгляды на данный вопросъ Ю. Ѳ. Самарина: „Учрежденіе Дерптскаго университета въ его настоящемъ видѣ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Гораздо возможнѣе примириться съ нелѣпостью существованія Императорскаго германскаго университета въ Россіи, въ какой бы мѣстности онъ ни былъ, хотя бы въ Петербургѣ или въ Москвѣ, чѣмъ съ существованіемъ университета нѣмецко-балтійскаго. Какъ германскій, онъ для Россіи не нуженъ, стоитъ напрасной траты русскихъ народныхъ денегъ, но вреда особеннаго ей не наноситъ; какъ нѣмецко-балтійскій, Дерптскій университетъ положительно вреденъ, сколько для интересовъ самого мѣстнаго населенія, столько же и для интересовъ русскаго государства. Именно, для мѣстнаго населенія, за исключеніемъ развѣ ничтожнаго меньшинства, онъ является не просвѣтительною, а темною силой. Какъ нѣмецко-балтійскій, онъ служитъ не истинѣ, а лжи; не благу, а злу; не свободѣ, а гнету; не миру, а враждѣ; торжеству не правды, а кривды. Онъ—носитель и провозвѣстникъ началъ и идеаловъ самыхъ узкихъ и тѣсныхъ, средневѣковаго неравенства, племенныхъ и родовыхъ привилегій, безправія и рабства низменнаго народнаго слоя... Таково его значеніе для края, таковъ общій, рѣшительно преобладающій характеръ этого учрежденія, независимо отъ случайныхъ изъятій въ личномъ составѣ профессоровъ. Дерптскій университетъ, безъ сомнѣнія, самый твердый оплотъ нѣмецкой пришлой стихіи въ Прибалтійской окраинѣ и ея автономнаго исключительнаго положенія въ русскомъ государствѣ, самое мощное орудіе насильственнаго и искусственнаго онѣмеченія латышей и эстовъ, юридическаго и духовнаго порабощенія громаднаго боль-

шинства населенія нѣмецкому малочисленному меньшинству. Въ утвержденіи и развитіи такихъ-то ложныхъ и вредныхъ началъ, въ охраненіи и защитѣ ихъ отъ посягательства русской власти, русскаго государственнаго объединяющаго элемента, въ подавленіи пробудившагося въ низшихъ классахъ окраины человѣческаго и племенного самосознанія, а также и стремленія къ гражданской полноправности наравнѣ со всѣми русскими подданными, — однимъ словомъ, въ дружномъ, упорномъ и искусномъ противодѣйствіи всѣмъ этимъ новымъ историческимъ явленіямъ и силамъ и заключается такъ называемый балтійскій мѣстный патріотизмъ. Для этого-то патріотизма университетъ и служитъ центромъ или своего рода арсеналомъ, снабжая балтійскую неправду всѣми аппаратами науки, всѣми пособіями ученаго знанія и культуры" [1]).

Что касается отношенія общества въ Россіи и заграницей къ самому факту реформы, поскольку оно выразилось въ текущей прессѣ, то высказанныя органами послѣдней сужденія отличались большимъ разнообразіемъ; впрочемъ, это разнообразіе, въ концѣ-концовъ, сводится, конечно, къ двумъ главнымъ, основнымъ точкамъ зрѣнія—за реформу и противъ нея. Русская періодическая печать на нѣмецкомъ языкѣ, за единичными исключеніями, относилась къ реформѣ не сочувственно; заграничная нѣмецкая пресса всецѣло примыкала къ этому же взгляду на реформу и очень нерѣдко выходила за предѣлы спокойнаго обсужденія связанныхъ съ нею вопросовъ, какъ, впрочемъ, грѣшили въ этомъ — только въ другомъ направленіи — и нѣкоторые органы русской печати, стоявшіе за реформу. Тѣмъ необходимѣе поэтому отмѣтить объективное отношеніе къ вопросу о реформѣ Дерптскаго университета со стороны одного нѣмецкаго органа, спеціально посвященнаго вопросамъ высшей школы—именно мюнхенскаго „Academische Revue", которое въ самые критическіе годы реформы помѣстило на своихъ страницахъ нѣсколько извѣстій, имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать выясненію истины [2]). Наконецъ, здѣсь же должна быть

---

[1]) „Русь" 1884 № 12, стр. 6. Ср. Сочиненія И. С. Аксакова. Т. VI. М. 1887, стр. 144—145.

[2]) Это именно были замѣтки:

1. „A. R." 1895, Heft 5, стр. 308 — 310. Тутъ разбирается сначала общій вопросъ о „руссификаціи", при чемъ возраженія направлены противъ статьи въ „Preussische Jahrbücher" 1893, B. 74, стр. 209—241, рѣзко осуждавшей реформу; затѣмъ опровергаются преувеличенныя указанія на то, что университетъ съ реформой быстро падаетъ въ своемъ значеніи, что переходъ къ русскому языку препода-

отмѣчена и принципіальная полемика между бывшимъ въ до-реформенное время ректоромъ университета Г. фонъ-Эттингеномъ и А. С. Будиловичемъ, ректоромъ въ самую горячую пору реформы [1]), при чемъ оба участника этой полемики остались при діаметрально противоположныхъ взглядахъ какъ на сущность реформы, такъ и на прошлое Дерптскаго и на настоящее Юрьевскаго университета [2]).

Собственно реформа университета началась въ 1889 году преобразованіемъ юридическаго факультета. Поступательные шаги этой реформы составятъ предметъ дальнѣйшаго изложенія. Теперь слѣдуетъ только отмѣтить, что въ ней должно строго отличать двѣ стороны: культурно-политическую и собственно учебную или учебно-административную. Говорить теперь объ успѣхахъ или неуспѣхахъ первой стороны представляется весьма труднымъ не только по нѣкоторой деликатности и крайней сложности этого вопроса, но также и вслѣдствіе близости даже момента начала реформы къ настоящему времени. Учебная реформа въ Прибалтійскомъ краѣ внесла въ жизнь мѣстнаго общества столько новаго, затронула столь многообразные и жизненные интересы культурной части ея населенія, что для окончательнаго сужденія о степени ея дѣйствительнаго успѣха слѣдуетъ

ванія носитъ характеръ насилія, результатомъ чего явился уходъ изъ университета профессоровъ-иностранцевъ, что наконецъ нѣкоторыя распоряженія мѣстной университетской власти являются произволомъ, не основаннымъ ни на какомъ законѣ.

2. „A. R." 1895, Heft 7, стр. 436. Редакціонная замѣтка противъ статьи въ „Allgemeine Zeitung" (1895 № 99, Beilage № 83), явившейся, въ свою очередь, возраженіемъ на указанную выше статью „A. R." 1895, Heft 5, стр. 308—310. Характеренъ конецъ этой замѣтки автора, чуждаго спеціальнымъ интересамъ балтійской точки зрѣнія: „Es ist zudem gerade in den Ostseeprovinzen unter deutscher Flagge schon so vieles gesündigt worden, dass man noch lange nicht alles als bare Münze aufzunehmen braucht, womit eine gewisse grosssprecherische Einseitigkeit an das deutsche Nationalgefühl appelliert".

3. „A. R." 1896, Heft 19, стр. 437—438. Статья, которую доставилъ редакціи, какъ замѣчено отъ имени послѣдней, „unser der Dorpater Universitätskreisen sehr nahe stehender Gewährsmann". Она направлена главнымъ образомъ противъ тенденціозныхъ и даже прямо фантастическихъ сообщеній, появившихся въ „Münchener Neuesten Nachrichten" № 165, отъ 9-го апр. 1896. Категорически опровергая ложныя и исправляя неправильныя сообщенія этой газеты (будто во II сем. 1895 лекціи въ университетѣ прекратились съ 1 ноября вмѣсто середины декабря, число студентовъ весьма значительно уменьшилось вслѣдствіе дурного преподаванія и т. п.), авторъ отзывается о реформируемомъ университетѣ съ большимъ сочувствіемъ.

[1]) См. т. I, стр. 33—34.

[2]) Ср. *П. К.* Прибалтійскій край. „Сѣверный Вѣстникъ" 1897, № 8, отд. II, стр. 14—16.

подождать того момента, когда на основахъ этой реформы выростетъ и возмужаетъ совершенно новое поколѣніе мѣстнаго общества, во всемъ разнообразіи его сословно національныхъ подраздѣленій: только это поколѣніе можетъ дать матеріалъ для удовлетворительнаго отвѣта на поставленный вопросъ своей культурной работой, своимъ самосознаніемъ, формами и характеромъ своей духовной связи съ остальной Россіей. Что же касается второй стороны вопроса, то въ этомъ отношеніи реформа можетъ считаться въ главныхъ чертахъ законченной, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія ея первоначальной программы—введенія русскаго языка какъ органа преподаванія и сближенія многообразныхъ функцій университета со строемъ жизни остальныхъ университетовъ имперіи. Но въ сущности и по этому вопросу нельзя сказать окончательнаго слова какъ потому, что многія стороны учебной реформы въ университетѣ задерживались и задерживаются крайнимъ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, такъ и потому еще, что сами русскіе университеты въ послѣднее десятилѣтіе пережили много новаго; жизнь открывала передъ ними новыя задачи, и, такимъ образомъ, для Юрьевскаго университета, втянутаго въ общую сферу ихъ жизни, ускользала съ теченіемъ времени та первоначальная, болѣе ясная точка, къ достиженію которой вначалѣ направлены были усилія первыхъ дѣятелей реформы этого учрежденія.

II.

Начало работъ надъ новымъ уставомъ въ первые годы царствованія императора Александра II. — Участіе въ этихъ трудахъ попечителей фонъ-Брадке и графа Кейзерлинга. — Утвержденіе устава и штата 9-го января 1865 года. — Отношеніе новаго дерптскаго устава къ уставу 1820 года и къ общерусскому уставу 1863 года. — Общій его характеръ. — Дополненія въ уставѣ и штатѣ 1865 года; вліяніе на нихъ общерусскаго устава 1884 года.—Подготовительная стадія реформы; ея общегосударственная основа. — Преобразованіе юридическаго факультета въ 1889 году и послѣдовавшія затѣмъ измѣненія въ уставѣ 1865 года. — Измѣненія въ составѣ каѳедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — Прибавка къ штату въ 1895 году; безуспѣшныя ходатайства о его дальнѣйшемъ увеличеніи. — Вопросъ о богословскомъ факультетѣ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію устава 1865 года, которымъ открывается описываемый періодъ жизни университета и который, во многомъ дополненный и видоизмѣненный, но не отмѣненный, проводилъ университетъ и во второе столѣтіе его существованія.

Подготовительныя работы надъ составленіемъ этого устава, пред-

назначеннаго спеціально для Дерптскаго университета, продолжались цѣлыхъ восемь лѣтъ; причина этого обстоятельства заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что работы эти совпали съ трудами по составленію общаго устава для остальныхъ университетовъ имперіи 18-го іюня 1863 года, и немало усилій употреблено было на то, чтобы разрѣшить вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ работъ другъ къ другу — тѣмъ болѣе, что подъ этимъ, съ виду формальнымъ, вопросомъ скрывался другой, болѣе существенный, о положеніи Дерптскаго университета среди другихъ однородныхъ съ нимъ русскихъ просвѣтительныхъ учрежденій.

Мысль о новомъ уставѣ для Дерптскаго университета впервые высказана была въ началѣ царствованія императора Александра II, когда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія закипѣла энергическая работа по многимъ важнымъ и кореннымъ вопросамъ. Тогдашній министръ А. С. Норовъ конфиденціально обратился, 14-го декабря 1856 года, къ попечителю фонъ-Брадке съ предложеніемъ о своевременности выработки для Дерптскаго университета и округа проекта новыхъ уставовъ, въ виду не только многихъ измѣненій, которымъ подвергся уставъ 1820 года, но и новыхъ представленій попечителя о необходимыхъ принципіальныхъ улучшеніяхъ; для составленія этихъ проектовъ слѣдовало, по мнѣнію министра, образовать двѣ комиссіи: одну для устава университета, другую для устава округа и работу первой комиссіи передать для разсмотрѣнія въ университетскій совѣтъ, а второй — въ совѣтъ попечителя, послѣ чего препроводить ихъ въ Петербургъ, гдѣ предполагается въ ближайшемъ будущемъ заняться выработкой новаго общаго университетскаго устава. Въ дополнительномъ предложеніи министра попечителю, отъ 20-го декабря 1856 года, рекомендовалось при выработкѣ проектовъ принять во вниманіе, „чтобы устройство Дерптскаго университета и учебныхъ заведеній Дерптскаго округа было примѣнено, сколь можно ближе и насколько позволятъ мѣстныя обстоятельства и потребности, къ устройству прочихъ русскихъ учебныхъ заведеній“, а также что „при составленіи штатовъ необходимо ограничиться отпускаемыми нынѣ изъ казны суммами“. Попечитель, въ своихъ отвѣтахъ министру отъ 26-го и 31-го декабря 1856 года, особенно настаивалъ на необходимости вмѣстѣ съ новымъ уставомъ и новаго штата, такъ какъ значительные дефициты по университету въ послѣдніе годы покрываемы были только остатками отъ незамѣщенныхъ каѳедръ, простиравшимися ежегодно до 15.000 рубл., но въ будущемъ университетъ рѣшилъ не допускать столь ненор-

мальнаго положенія дѣла; въ виду этого попечитель находилъ, что если нельзя теперь же университету надѣяться на полученіе новаго штата, то лучше обождать пока и съ новымъ уставомъ; что же касается мысли министра, изложенной въ его дополнительномъ предложеніи, то попечитель выразилъ мнѣніе, что „сіе можетъ только имѣть успѣхъ при постепенныхъ преобразованіяхъ; если же эту мысль высказать вдругъ въ общей системѣ, то несомнѣнно возбудятся протесты и депутаціи, которыя хотя, сами по себѣ, значенія не имѣютъ, но, во всякомъ случаѣ, произведутъ въ умахъ непріятное волненіе"; въ объясненіе своей послѣдней мысли попечитель прибавилъ, что въ Дерптѣ издавна существуютъ и въ университетѣ и въ округѣ такія особенности въ практикѣ учебной и административной, противъ которыхъ оказывались безсильными всякія распоряженія и предписанія: „подобное бездѣйствіе законовъ и несоблюденіе административныхъ мѣръ, развивая индивидуальныя стремленія и не пріучая къ уваженію законовъ, не могло имѣть на умы благопріятнаго вліянія, тѣмъ болѣе, что долгое существованіе такого положенія неминуемо образовываетъ ложное мнѣніе о допустимости онаго. Изъ сего легко объясняются причины, по коимъ здѣсь самыя мягкія, но положительныя мѣры, требуя повиновенія и пожертвованія части личныхъ взглядовъ, не могли произвести благопріятнаго впечатлѣнія".

Но министръ не раздѣлялъ преувеличенныхъ опасеній попечителя, и послѣдній долженъ былъ приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія. Работа надъ выработкой проекта уставовъ университета и округа продолжалась цѣлый годъ. Проектъ перваго устава былъ выработанъ въ комиссіи изъ представителей по одному отъ каждаго факультета, подъ предсѣдательствомъ ректора Биддера; затѣмъ, разсмотрѣніемъ его два мѣсяца занимался университетскій совѣтъ; разработанный, такимъ образомъ, проектъ, въ 220 §§, былъ отправленъ попечителемъ въ министерство, вмѣстѣ со своими измѣненіями и мотивировкой главнѣйшихъ частей проекта, отъ 16-го декабря 1857 года. Характерно объясненіе фонъ-Брадке министру, въ частномъ письмѣ отъ 5-го февраля 1858 года, по поводу внесенныхъ имъ отъ себя въ проектъ измѣненій: „хотя по уставу университета видимо разногласіе между мною и университетомъ, но это разногласіе въ дѣйствительности мнимое, ибо сдѣланныя мною измѣненія признаны отчасти полезными, отчасти безвредными, а только не желали предложить ихъ сами по ложному понятію о сохраненіи правъ, предоставленныхъ прежнимъ уставомъ и дабы не повредить нѣкоторымъ лич-

ностямъ. Признаюсь, что я ожидалъ большихъ затрудненій и противодѣйствій, судя по трудности прежнихъ найденныхъ въ дѣлахъ сношеній, и что таковыя не проявились, убѣдительно доказываетъ возросшее довѣріе къ правительству". Между тѣмъ, въ мартѣ 1858 года А. С. Норовъ оставилъ министерство; за нимъ слѣдовало кратковременное пребываніе во главѣ министерства сначала Е. П. Ковалевскаго, потомъ графа Е. В. Путятина, при которомъ вопросъ о предоставленіи проекту устава Дерптскаго университета дальнѣйшаго движенія не поднимался. Онъ поднятъ былъ только въ 1862 году, по поводу работъ въ министерствѣ надъ новымъ общимъ уставомъ университетовъ, когда министръ А. В. Головнинъ предложилъ Дерптскому университету воспользоваться возможностью принятіемъ этого новаго устава примкнуть къ общему теченію русской университетской жизни. Однако и попечитель фонъ-Брадке и совѣтъ университета отказались принять такое предложеніе и снова представили свой, но уже сокращенный въ 199 §§ и отчасти переработанный съ внѣшней стороны, прежній проектъ. Интересны мотивы, изложенные фонъ-Брадке въ отвѣтѣ министру отъ 24-го марта 1862 года, по которымъ Дерптскій университетъ отказывался отъ принятія общаго университетскаго устава и предпочиталъ имѣть свой особый: „Послѣ извѣстныхъ происшествій,— передавалъ попечитель мнѣніе совѣта, — бывшихъ въ прошломъ году почти во всѣхъ университетахъ имперіи, правительству предстояла необходимость принять противъ сего положительныя мѣры, а посему и самый вопросъ объ университетахъ сдѣлался животрепещущимъ. Но въ то же самое время тихая научная жизнь Дерпта ни на минуту не нарушалась и даже не было слѣдовъ какихъ-либо малѣйшихъ волненій, чѣмъ и доказывается, что основная организація тверда, и отношенія студентовъ къ университету должны оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ они нынѣ находятся. Въ проектѣ (т. е. представленномъ отъ Дерптскаго университета) сіи основанія не нарушаются, но малѣйшее въ нихъ измѣненіе можетъ гибельно отозваться на Дерптскомъ университетѣ... Въ семъ положеніи дѣлъ Дерптскій университетъ, не оспаривая выражающихся въ прочихъ университетахъ потребностей и тѣхъ внезапныхъ измѣненій, которыя для нихъ могли бы оказаться необходимыми, не можетъ, однако же, признать для себя полезнымъ уклониться отъ историческаго и чисто научнаго своего пути, слѣдуя прогрессу, но на основаніяхъ испытанныхъ и вполнѣ одобряемыхъ степенью научнаго и нравственнаго его развитія и сохраняя во всемъ какъ свой консервативный характеръ, такъ и то

развитіе научной жизни, которое онъ себѣ усвоилъ 60-лѣтнимъ существованіемъ“. Затѣмъ попечитель говорилъ отъ себя: „Семилѣтнее нынѣ управленіе Дерптскимъ учебнымъ округомъ ознакомило меня близко съ его характеромъ и бытомъ, и я убѣдился, что хотя въ частности понятія и стремленія его могутъ подлежать критикѣ, но что общій духъ преподавателей совершенно благонадеженъ, единственно стремящійся къ усовершенствованію и разъясненію науки и къ распространенію оной между молодымъ поколѣніемъ, которому они съ самоотверженіемъ и любовію сообщаютъ плоды своихъ ученыхъ изысканій. Отъ сего-то самаго произошло то благоговѣніе студентовъ къ профессорамъ, которое въ равной мѣрѣ не существуетъ и въ иностранныхъ университетахъ и служитъ самымъ твердымъ ручательствомъ спокойствія молодыхъ людей и привязанности ихъ къ университету. Но съ этимъ прямо ученымъ направленіемъ по необходимости сопряжена боязливая привязанность къ настоящему, опасеніе зла и тамъ, гдѣ оное не имѣется въ виду, и нервическая привязанность къ единожды принятымъ идеямъ. Тронуть настоящій бытъ сихъ почтенныхъ ученыхъ значитъ вывести ихъ изъ спокойствія и произвести безпокойство между студентами“. Въ концѣ отвѣта фонъ-Брадке заявляетъ, что „прогрессивныя цѣли прочихъ университетовъ совершенно не соотвѣтствуютъ его (т. е. Дерптскаго университета) понятіямъ“, что въ „политическомъ отношеніи“ Дерптскій университетъ имѣетъ „консервативный характеръ“, что въ научномъ отношеніи онъ „не отстаетъ ни отъ одного изъ иностранныхъ университетовъ“, кромѣ развѣ Берлинскаго, и потому заслуживаетъ довѣрія и что, наконецъ, „необходимо сохранить въ государствѣ хотя одинъ университетъ, развивающійся въ консервативномъ духѣ“.

Но не прошло и двухъ недѣль послѣ написанія этого отвѣта, какъ фонъ-Брадке скончался; преемникъ его, графъ Кейзерлингъ, вполнѣ раздѣлялъ эти общіе, въ консервативномъ духѣ, взгляды своего предшественника, и въ своемъ донесеніи касательно устава Дерптскаго университета, отъ 16-го мая 1862 года, выразилъ мнѣніе, что съ уставомъ дѣло еще терпитъ, но что неотложнымъ является для университета увеличеніе его денежныхъ средствъ. Онъ именно просилъ объ утвержденіи новаго штата въ общей суммѣ 211.600 р., т. е. съ прибавкой, сверхъ фактически уже получаемыхъ университетомъ изъ казны 125.823 р. 66 к., еще 85.776 р. 34 к. Министръ финансовъ нашелъ затруднительнымъ немедленное удовлетвореніе этого ходатайства, но Государь, на докладѣ товарища министра народ-

наго просвѣщенія барона Николаи о Дерптскомъ университетѣ, выразилъ мысль, что слѣдовало бы увеличить содержаніе профессоровъ и преподавателей и вызвать въ Дерптъ нѣсколькихъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, чтобы сдѣлать университетъ этотъ однимъ изъ первыхъ въ Европѣ, и затѣмъ посылать въ Дерптъ, а не въ германскіе университеты молодыхъ ученыхъ, которые готовятся къ профессорской дѣятельности въ Россіи. Въ виду этого, министръ финансовъ готовъ уже былъ внести требуемую прибавку 85.776 р. 34 к. въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія съ начала 1864 года, однако дѣлу суждено было опять затянуться. Когда 18-го іюня 1863 года получилъ утвержденіе новый уставъ русскихъ университетовъ, то отъ министерства опять было сдѣлано, 5-го іюля 1863 года, Дерптскому университету предложеніе воспользоваться возможностью примѣненія къ Дерптскому университету штата одного изъ остальныхъ университетовъ имперіи, что было бы для Дерптскаго университета во всякомъ случаѣ „выгоднѣе" испрашиваемой имъ теперь прибавки. Спрошенный объ этомъ, совѣтъ категорически отвѣтилъ отрицательно, о чемъ и доносилъ попечитель въ министерство отъ 13-го августа 1863 года. Мотивомъ отказа выставлялось то, что университетъ предпочитаетъ получить просимую прибавку немедленно, т. е. съ 1-го января 1864 года, чѣмъ ждать начала 1867 года, когда положено было отпускать полностью всю сумму другимъ университетамъ по новымъ штатамъ 1863 года. Конечно, за этимъ формальнымъ мотивомъ въ дѣйствительности стоялъ другой, болѣе существенный: это — опасеніе, что вмѣстѣ со штатомъ можетъ быть навязанъ университету и общій уставъ. Министръ А. В. Головнинъ, отъ 9-го ноября 1863 года, сдѣлалъ представленіе въ государственный совѣтъ объ увеличеніи средствъ Дерптскаго университета въ желаемомъ послѣднимъ размѣрѣ (211.600 р.), ничего не говоря объ уставѣ. Однако въ государственномъ совѣтѣ это ходатайство вызвало возраженія и, не смотря на новыя подробныя объясненія министра Головнина, возвращено было, отъ 24-го апрѣля 1864 года, въ министерство.

Между тѣмъ, опять возникла мысль о предоставленіи Дерптскому университету, вмѣстѣ съ новымъ штатомъ, также и новаго устава. Уже давно выработанный проектъ устава подвергнутъ былъ попечителемъ, совмѣстно съ деканомъ юридическаго факультета проф. Руммелемъ, сличенію съ текстомъ общаго устава 1863 года, при чемъ оказалось возможнымъ, по отзыву попечителя, внести въ проектъ изъ

общаго устава „многія полезныя постановленія, хотя, конечно, только въ формѣ, приноровленной къ особенностямъ Дерптскаго университета“; въ общемъ, разумѣется, проектъ остался при старомъ. Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій, внесенныхъ въ штатъ и въ уставъ—главнымъ образомъ, на основаніи указаній статсъ-секретаря графа В. Н. Панина, разсматривавшаго ихъ, по высочайшему повелѣнію, отъ имени II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи—при чемъ число §§ устава сведено редакціоннымъ путемъ до 89-ти, а штатъ выведенъ въ суммѣ 212.700 руб., штатъ и уставъ были снова внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта при обширной объяснительной запискѣ министра А. В. Головнина отъ 30-го сентября 1864 года [1]); введеніе штата испрашивалось съ 1-го января 1865 года. Въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта 27-го ноября и 7-го декабря 1864 года уставъ и штатъ подвергнуты были уже послѣднему обсужденію. Тутъ имѣлись въ виду главнымъ образомъ тѣ особенности, которыми этотъ уставъ отличался отъ общаго университетскаго устава 1863 года. По возникшимъ разногласіямъ или достигнуто было соглашеніе, или дѣло рѣшено было большинствомъ голосовъ, и, наконецъ, уставъ и штатъ положено было поднести на высочайшее утвержденіе; послѣдній окончательно выведенъ былъ въ суммѣ 209.200 руб., при чемъ положено было добавочную сумму на наличный преподавательскій составъ университета отпустить съ 1-го января 1865 года, половину прибавки на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы—тоже съ 1-го января 1865 г., а другую половину съ 1-го января 1866 года. Въ такомъ видѣ уставъ и штатъ удостоились высочайшаго утвержденія 9-го января 1865 года [2]).

Такова была внѣшняя исторія устава и штата 1865 года, отмѣ-

---

[1]) Напечатана въ Сборникѣ постановленій, т. IV. 24—125. По выраженію министра, при составленіи этого окончательнаго проекта „предлежали двѣ задачи: согласить по возможности проектъ новаго устава съ правилами общаго устава россійскихъ университетовъ и удержать за Дерптскимъ университетомъ тѣ особенности, которыя необходимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ и исключительному положенію сего университета“. Тамъ же, стр. 109—110.

[2]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія, № 140435—2413: О пересмотрѣ уставовъ и штатовъ Дерптскаго университета и учебныхъ заведеній сего округа. Ч. I—III.

ченная тѣмъ же характернымъ стремленіемъ со стороны университета къ удержанію старины и къ обезпеченію университету особаго положенія среди другихъ университетовъ имперіи. Въ какомъ же отношеніи находится этотъ новый регуляторъ университетской жизни къ своему предшественнику, уставу 4-го іюня 1820 года, и къ общеуниверситетскому уставу 1863 года, съ которымъ ему пришлось такъ или иначе считаться при своей окончательной обработкѣ?

По сравненію съ своимъ предшественникомъ, уставъ 1865 года представляется произведеніемъ гораздо болѣе краткимъ: вмѣсто 14 главъ въ 271 §§, мы имѣемъ тутъ только 9 главъ въ 89 §§, при приблизительно одинаковой величинѣ послѣднихъ. Разница эта должна быть отнесена не только на счетъ редакціи, но и самаго содержанія. Например, совершенно опущены главы IV и XI стараго устава, подробно трактующія о судебныхъ учрежденіяхъ университета, но дѣйствіе ихъ новымъ уставомъ не отмѣнено —помѣщеніемъ къ § 4 слѣдующаго примѣчанія: „судебная, полицейская и нотаріальная власть Дерптскаго университета остается на прежнемъ основаніи, впредь до введенія въ Остзейскихъ губерніяхъ общей судебной реформы“; опущена глава XII, трактующая о цензурномъ комитетѣ университета, такъ какъ отъ этихъ обязанностей университетъ, какъ мы видѣли [1]), былъ освобожденъ въ 1826 году и больше къ нимъ не былъ призываемъ; выпущена глава IX, объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, со ссылкой на штатъ; наконецъ, была опущена и глава XIV, имѣвшая своимъ предметомъ „хозяйственныя отношенія университета“, а содержаніе удержаннаго изъ нея § 238 о владѣніи Домской горой и мѣстомъ бывшей шведской крѣпости перенесено въ § 5 новаго устава. Тотъ же пріемъ перенесенія лишь отдѣльныхъ статей изъ упраздненныхъ главъ въ соотвѣтствующіе §§ новаго устава можно наблюдать въ отношеніи къ главамъ стараго устава: I-ой (ср. §§ 82—86 новаго устава), VIII-ой (ср. §§ 53—55 новаго устава), гл. X (ср. §§ 51—52. 87—89 новаго устава) и XIII-ой (ср. §§ 42—44 новаго устава). Достойно замѣчанія, что опущенъ былъ § 1 прежняго устава, перенесенный въ него изъ устава 1803 года, а въ послѣдній изъ акта постановленія 12-го декабря 1802 года; этотъ § гласилъ, что Дерптскій университетъ „учрежденъ въ Россійской Имперіи для общаго блага, въ особенности же для пользы Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній“; въ университетскомъ проектѣ

[1]) Т. I. 372.

устава было къ этому прибавлено, что университетъ этотъ „есть пользующееся, по высочайше утвержденнымъ постановленіямъ, правомъ автономіи учебное заведеніе для живой устной передачи самостоятельныхъ знаній въ главныхъ наукахъ". Попечитель графъ Кейзерлингъ былъ очень огорченъ невозможностью провести этотъ § въ текстъ новаго устава, равно какъ сѣтовалъ и на то, что въ текстѣ этомъ отвергнуты были всѣ ссылки на прежнія установленія, помѣщенныя при всѣхъ почти §§ проекта: этому историческому элементу попечитель придавалъ большое значеніе и настаивалъ на томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, „присовокупить къ тексту новаго устава пояснительныя замѣчанія съ указаніемъ источниковъ", но и на это не послѣдовало согласія. Попечитель недоволенъ былъ также и невозможностью провести въ новый уставъ облегченное производство въ степень доктора и устраненіе экстраординарныхъ профессоровъ отъ участія въ университетскомъ совѣтѣ [1]).

Не смотря однако же на эти измѣненія и уступки, уставъ 1865 года, по своему общему характеру и духу, по проникающей его идеѣ самоуправленія и возможной свободы отъ внѣшнихъ административныхъ воздѣйствій, вполнѣ напоминаетъ уставъ 1820 года, и если принять въ соображеніе, что все-таки утвержденный текстъ устава 1865 года въ общемъ очень близокъ къ его университетскому проекту, то характеристика, данная послѣднему графомъ Кейзерлингомъ въ представленіи отъ 16-го мая 1862 года, вполнѣ примѣнима и къ самому уставу: „поводомъ къ сему (т. е. къ проекту новаго устава)—писалъ попечитель—было не разстройство или упадокъ прежней организаціи, которая, напротивъ того, даже при затруднительныхъ обстоятельствахъ оказывалась твердою и прочною; задача заключалась только въ соединеніи въ одно систематическое цѣлое испытанныхъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ основаній, которыя Дерптскому университету даровалъ Августѣйшій его основатель и воспослѣдовавшихъ съ 1820 года разнообразныхъ постановленій". Что касается состава каѳедръ по факультетамъ, то уже дополненія, сдѣланныя въ 1842, 1850, 1853 и 1860 годахъ [2]), значительно видоизмѣнили къ лучшему и расширили средства преподаванія на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, такъ что въ этомъ отношеніи новый уставъ представилъ очень мало

[1]) Graf Alexander Keyserling, I. 465—466.

[2]) См. т. I. 376—377. 383—384. 418.

существенно новаго: тутъ приходится только отмѣтить учрежденіе на историко-филологическомъ факультетѣ каѳедры „нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія“ и на богословскомъ спеціальной каѳедры „семитскихъ языковъ“, выдѣленной изъ состава прежней каѳедры „экзегетики и восточныхъ языковъ“. Затѣмъ, каѳедра „камеральной науки, финансовъ и торговли“ перенесена была съ физико-математическаго факультета на историко-филологическій подъ именемъ каѳедры „политической экономіи“; въ послѣднемъ факультетѣ нѣкоторыя каѳедры получали другое наименованіе: „философіи и педагогики“, „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще“. Общее число каѳедръ по новому уставу было 40, считая по одному представителю на каждую; доцентовъ положено было 10. Наконецъ, семь прежнихъ „учителей языковъ“ замѣнены пятью лекторами, что произошло вслѣдствіе упраздненія должностей преподавателей русскаго и нѣмецкаго языковъ.

Если взглянуть теперь на уставъ 1865 года рядомъ съ общеуниверситетскимъ уставомъ 1863 года, то зависимость его отъ послѣдняго съ внѣшней стороны, въ виду сдѣланныхъ въ послѣднее время обработки измѣненій, не подлежитъ никакому сомнѣнію, при чемъ въ стремленіи къ возможной краткости уставъ 1865 года даже опередилъ общій уставъ 1863 года: 9 главъ въ 89 §§ противъ 12 главъ въ 147 §§. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что главы VI, IX, X и XI устава 1863 года отсутствуютъ, какъ отдѣльныя, въ уставѣ 1865 года, будучи замѣнены первыя—краткими указаніями въ V главѣ, а три послѣднія—таковыми уже указаніями въ VIII главѣ или простой ссылкой на 110—118 §§ общаго университетскаго устава. Затѣмъ, весьма близко совпадаютъ главы I—IV обоихъ уставовъ и менѣе близко V, VII общаго устава съ VI-ой спеціальнаго, VIII съ VII-ой и XII съ IX-ой. Замѣчательно, что по числу каѳедръ и преподавательскихъ силъ спеціальный уставъ Дерптскаго университета очень отстаетъ отъ общеуниверситетскаго устава: въ то время, какъ тамъ только для четырехъ факультетовъ (историко-филологическій, физико-математическій, медицинскій и юридическій) положено 53 каѳедры при 90 преподавателяхъ (57 профессоровъ и 33 доцента), въ Дерптѣ на всѣхъ пяти факультетахъ (тѣ же и богословскій) положено только 40 каѳедръ при 50 преподавательскихъ силахъ (40 профессоровъ и 10 доцентовъ). Не смотря однако же на эту, главнымъ образомъ внѣшнюю, зависимость, уставъ Дерптскаго университета 1865 года заключаетъ въ себѣ нѣсколько существенныхъ особенностей, органически выте-

кающихъ изъ прошлой исторіи этого учрежденія и не имѣвшихъ себѣ соотвѣтствія въ потребностяхъ жизни остальныхъ русскихъ университетовъ; это—система гонорара, болѣе широкая компетенція судебныхъ учрежденій университета, корпоративный строй студенчества и удержаніе въ средѣ университета богословскаго факультета: „изъ этихъ немногихъ принциповъ—писалъ въ своемъ представленіи министру 16-го мая 1862 года попечитель графъ Кейзерлингъ—истекаютъ важнѣйшія особенности Дерптскаго университета. Они сохранены, какъ самыя существенныя условія для его дальнѣйшей плодотворной дѣятельности; они же, вмѣстѣ съ тѣмъ, при всякомъ новомъ развитіи, должны быть руководящими идеями, единственно способными вести къ дѣйствительному успѣху".

Штатъ 1865 года прошелъ, по сравненію съ представленнымъ проектомъ, безъ существенныхъ измѣненій; по окончательному расчету, прибавка изъ казны на содержаніе университета къ получаемой имъ ранѣе суммѣ, по штату 1817 года и дополненіямъ къ нему, составляла 83.447 руб. 34 коп., а общая сумма новаго штата—209.200 руб. Изъ частностей этого штата заслуживаютъ вниманія: жалованье ординарнымъ профессорамъ 2.400 руб. (вмѣсто прежнихъ $1.447^7/_{19}$ руб.), экстраординарнымъ, которыхъ прежде не было—1.700 руб., доцентамъ—900 руб., лекторамъ 600 руб. для французскаго и англійскаго языка и 400 руб. для прочихъ (вмѣсто прежнихъ $236^{16}/_{19}$ руб.); общая сумма на учебно-вспомогательныя учрежденія простиралась до 34.050 руб. Конечно, по сравненію съ прежнимъ штатомъ, цифры эти представляются очень значительными, и во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточными находилъ ихъ самъ университетъ; но онѣ, какъ и весь штатъ въ его цѣломъ, значительно ниже принятой для прочихъ университетовъ имперіи нормы: напримѣръ, по штату 1863 года на содержаніе Петербургскаго университета, безъ медицинскаго и богословскаго факультетовъ, отпущено было 337.996 руб. или Казанскаго, безъ богословскаго факультета, 369.529 руб.

Получивъ въ 1865 году уставъ и штатъ соотвѣтственно собственнымъ желаніямъ и проектамъ, Дерптскій университетъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка, то-есть вплоть до реформы въ концѣ 80-хъ годовъ, руководился этими установленіями безъ особенно существенныхъ нововведеній. Послѣднія, въ какой мѣрѣ они были, обусловливались почти исключительно потребностями въ расширеніи преподаванія и связаннымъ съ нимъ увеличеніемъ денежныхъ средствъ. Такъ, въ 1871 году каѳедра хирургіи и офталмологіи была раздѣлена на

двѣ отдѣльныя каѳедры [1]); въ 1876 году должность „перваго прозектора“ была преобразована въ должность ординарнаго профессора эмбріологіи, гистологіи и сравнительной анатоміи и вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена вторая должность „второго прозектора“, при чемъ необходимые на это 1.500 руб. отпущены были, въ видѣ прибавки къ штату, изъ казны [2]); въ 1879 году медицинскій же факультетъ обогатился новой ординатурой психіатріи съ двумя ассистентами по этой каѳедрѣ, на что потребовался отпускъ изъ казны по 3.200 руб. въ годъ [3]), а въ слѣдующемъ 1880 году на историко-филологическомъ факультетѣ учреждены были: вторая каѳедра всеобщей исторіи на спеціальныя средства университета, согласно ходатайству послѣдняго, и каѳедра сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій на средства отъ казны [4]). Кромѣ того, еще въ 1874 году одновременно учреждены были: третья каѳедра древне-классической филологіи и каѳедра физической географіи и метеорологіи, пять новыхъ должностей ассистентовъ (при физіологическомъ и фармакологическомъ институтахъ, при физическомъ и минералогическомъ кабинетахъ и при астрономической обсерваторіи), должность помощника прозектора при патологическомъ институтѣ и должность ассистента при поликлиникѣ; вмѣстѣ съ этимъ отпущены дополнительныя средства на усовершенствованіе способовъ обученія на медицинскомъ и физико-математическомъ факультетахъ и увеличенъ отпускъ суммъ на хозяйственные расходы—всего на сумму 21.750 руб. ежегодно изъ казны [5]). Въ 1873 году отпущено было единовременно 15.000 руб. на расширеніе хирургической клиники. Въ 1881—1887 г.г. было отпущено единовременно, равными частями, 88.000 руб. на расширеніе и улучшеніе терапевтической, глазной и акушерской клиникъ. Въ 1880 году отпущено единовременно 49.000 рублей на покупку дома у проф. Валя для помѣщенія тамъ клиники нервныхъ болѣзней, а въ 1884 году положено было отпускать на содержаніе этой клиники впредь по 2.000 руб. ежегодно [6]); въ 1885 году единовременно отпущено было на расширеніе научныхъ учрежденій медицинскаго факультета 25.000 руб., а въ 1886, 1887 и 1888 годахъ по

---

[1]) Сборникъ распоряженій, V. 325.
[2]) Сборникъ постановленій, VI. 1509—1513.
[3]) Тамъ же, VII. 1053—1060.
[4]) Тамъ же, VII. 2015—2021.
[5]) Тамъ же, VI. 414—438.
[6]) Тамъ же, VII. 1815; IX. 1307—1312.

20.000 руб. ежегодно [1]). Въ теченіе 1883—1885 годовъ отпускаемо было ежегодно по 1.000 рублей на усиленіе штатныхъ суммъ университетской библіотеки [2]).

Изъ измѣненій постановленій 1865 года внѣ вопросовъ учебной стороны дѣла и улучшенія матеріальныхъ условій послѣдняго слѣдуетъ указать здѣсь на послѣдовавшее 13-го ноября 1879 года высочайшее повелѣніе объ исправленіи § 51 устава Дерптскаго университета. Послѣдній гласилъ, что по истеченіи 25-ти-лѣтняго срока службы преподаватели и другія служащія въ университетѣ лица могутъ быть вновь утверждаемы въ должности на пять лѣтъ, если совѣтъ или правленіе, по принадлежности, засвидѣтельствуетъ новымъ избраніемъ ихъ способность къ продолженію службы, при чемъ о преподавателяхъ представленіе въ совѣтъ могутъ дѣлать лишь подлежащіе факультеты, а не отдѣльные члены совѣта, и избраніе считается состоявшимся, если въ пользу избираемаго подано въ совѣтѣ не менѣе двухъ третей голосовъ. Это положеніе измѣнено было въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, данныя лица могутъ подвергаться переизбранію не на одно пятилѣтіе, а на нѣсколько, безъ ограниченія, а во-вторыхъ, что касается лицъ преподавательскаго персонала, то представлять въ совѣтъ о ихъ переизбраніи можетъ также и всякій членъ совѣта; только въ случаѣ представленія кандидата факультетомъ—въ совѣтѣ для положительнаго рѣшенія вопроса достаточно абсолютнаго большинства голосовъ, а въ случаѣ представленія его отдѣльнымъ членомъ совѣта требуется не менѣе двухъ третей голосовъ. Измѣненіе это, какъ очевидно, имѣло цѣлью поднять значеніе совѣта въ важномъ дѣлѣ переизбранія уже выслужившихъ пенсію профессоровъ на дальнѣйшую службу. Въ мотивировкѣ этого измѣненія изложено, что предоставленіе только факультетамъ права представлять кандидатовъ легко можетъ привести къ случайнымъ и нежелательнымъ, съ точки зрѣнія справедливости, результатамъ: напримѣръ, „въ юридическомъ и богословскомъ факультетахъ имѣется всего по 6 профессоровъ, и слѣдовательно, при баллотировкѣ какого-либо изъ профессоровъ сихъ факультетовъ, выслужившаго 25-ти-лѣтній срокъ, для рѣшенія вопроса объ оставленіи его вновь на службѣ, достаточно было бы встрѣтить оппозицію только трехъ изъ членовъ факультета для того, чтобы профессоръ не былъ выбранъ, хотя бы всѣ остальные

---

[1]) Сборникъ постановленій, X. 1—2.

[2]) Тамъ же, V. 2153—2154; VIII. 740—741.

профессора университета и желали бы оставить его на службѣ“ [1]). Этимъ измѣненіемъ устава университетъ получилъ бы болѣе широкую возможность удержать въ своей средѣ старыхъ профессоровъ, противъ которыхъ, безъ сомнѣнія, часто были въ дѣлѣ переизбранія болѣе молодые экстраординарные профессора, иногда чрезмѣрно долго ждавшіе своего естественнаго движенія по службѣ; конечно, въ болѣе узкой сферѣ факультета ихъ оппозиція была нерѣдко болѣе опасна, чѣмъ въ совѣтѣ. Если мы припомнимъ, что предоставленіе экстраординарнымъ профессорамъ права засѣданія въ факультетѣ и совѣтѣ прошло въ новомъ уставѣ противъ желанія составителей его проекта, несомнѣнно болѣе старыхъ и вліятельныхъ членовъ университета, то упомянутое измѣненіе § 51 устава должно быть признано нѣкоторой побѣдой главнаго состава университетской корпораціи не только надъ младшими своими сочленами, но и надъ воззрѣніями по этому вопросу, обнаруженными 15 лѣтъ тому назадъ въ самомъ министерствѣ. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, что еще 14-го іюля 1865 года послѣдовало со стороны министерства разъясненіе, что профессоръ православнаго богословія имѣетъ право принимать участіе въ засѣданіяхъ совѣта; разъясненіе это было отвѣтомъ на вопросъ тогдашняго проф. православнаго богословія протоіерея П. П. Алексѣева въ виду того, что согласно § 27 устава въ совѣтѣ засѣдаютъ „ординарные“ и „экстраординарные“ профессора, а профессоръ православнаго богословія не причисленъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ.

Но если теченіе времени сравнительно мало вліяло на тѣ общія условія университетской жизни въ Дерптѣ, которыя могли бы обнаружить, въ противовѣсъ сложившимся традиціямъ, потребность въ измѣненіяхъ относительно устава, то, напротивъ, вліяніе его въ отношеніи матеріальныхъ условій существованія этого учрежденія оказалось гораздо болѣе значительнымъ. Не смотря на указанныя денежныя, то постоянныя, то единовременныя, ассигнованія изъ казны на нужды медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ и библіотеки, университетъ въ разное время ходатайствовалъ о томъ или иномъ видѣ увеличенія своихъ спеціальныхъ средствъ. Спеціальныя средства университета, по уставу 1865 г., слагались изъ 5-рублеваго сбора въ семестръ за ученье и изъ 6-рублеваго единовременнаго взноса отъ вновь поступающихъ студентовъ, что, при освобожденіи недостаточныхъ студентовъ отъ перваго взноса, давало уни-

[1]) Сборникъ постановленій, VII. 1349—1357.

верситету, напримѣръ, въ 1874 г. лишь около 6.000 руб. дохода; получивъ въ этомъ году, какъ мы видѣли, крупную прибавку къ своему штату въ размѣрѣ, 21.750 руб., университетъ въ 1882 г., „вслѣдствіе недостаточности штатныхъ суммъ на удовлетвореніе постоянныхъ расходовъ и за неимѣніемъ источниковъ для ихъ покрытія“, получилъ разрѣшеніе удвоить плату за ученье, т. е. взимать въ полугодіе по 10 руб. [1]), а въ 1888 году плата эта была увеличена до 25 рубл. въ полугодіе [2]); въ томъ же году разрѣшено было, въ интересахъ медицинскаго факультета, взимать съ учениць, обучающихся на акушерскихъ курсахъ университета, по 250 руб. въ годъ, при чемъ 200 руб. изъ этой суммы отчислялись въ спеціальныя средства акушерской клиники [3]).

Совсѣмъ другую судьбу имѣло ходатайство университета объ увеличеніи личнаго оклада служащихъ въ немъ лицъ. Оно возбуждено было въ самый годъ полученія упомянутой прибавки къ штату въ 21.750 руб. Именно, для разработки этого вопроса была выбрана, въ засѣданіи совѣта 28 ноября 1874 г., особая комиссія, которая и представила свой докладъ отъ 17 февраля 1875 г.; заслушанный совѣтомъ, онъ переданъ былъ попечителю въ качествѣ матеріала для возбуждаемаго ходатайства. Сущность его заключалась въ томъ, чтобы оклады служащихъ въ Дерптскомъ университетѣ лицъ были повышены до нормы, принятой для другихъ университетовъ имперіи по уставу 1863 г.; требуемая прибавка выражалась въ суммѣ 44.850 р. Главнѣйшими мотивами ходатайства были слѣдующіе: вздорожаніе жизни въ Дерптѣ, особенно вслѣдствіе открытія Балтійской желѣзной дороги, повлекшаго за собой усиленный вывозъ мѣстныхъ продуктовъ въ столицу; отсутствіе сторонняго заработка; затруднительность привлекать изъ-за границы ученыя силы, въ виду постояннаго стремленія германскаго правительства улучшать матеріальное положеніе университетскихъ преподавателей, что дѣлаетъ все болѣе и болѣе невыгоднымъ переходъ ихъ въ Дерптъ; трудность привлеченія молодыхъ людей въ университетъ къ спеціальнымъ занятіямъ наукой, въ виду незавидной перспективы для научной карьеры въ матеріальномъ отношеніи; что же касается существующаго въ Дерптскомъ университетѣ гонорара, то среднимъ числомъ онъ даетъ въ руки каждаго препо-

[1]) Сборникъ постановленій, VIII. 472—473.

[2]) Тамъ же, X. 1116—1117.

[3]) Тамъ же, X. 1106—1107.

давателя лишь до 200 р. въ годъ, и его желательно было бы сохранить и на будущее время. Къ этому попечитель П. К. Жерве, въ своемъ ходатайствѣ министерству отъ 28 мая 1874 г., прибавлялъ еще, что, по его мнѣнію, было бы желательно сравнять Дерптскій университетъ съ остальными университетами имперіи не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи: „Съ общегосударственной точки зрѣнія полезно было бы сравненіе Дерптскаго университета съ прочими университетами по духу и стремленіямъ къ осуществленію цѣлей не провинціальныхъ только, но и общегосударственныхъ". Средствами для осуществленія этихъ цѣлей попечитель выставлялъ: подъемъ значенія русскаго языка, русской литературы и русской исторіи, какъ предметовъ преподаванія; чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ, помимо этихъ предметовъ, еще по русскому праву и по судебной медицинѣ: „преподаваніе въ университетѣ хотя нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ—писалъ попечитель—побудитъ учащихся въ гимназіяхъ Прибалтійскаго края къ особенному усиленію трудовъ для изученія языка русскаго, откроетъ дерптскимъ филологамъ, юристамъ и медикамъ болѣе широкую практику внутри имперіи для пользы Россіи и ихъ собственнаго блага и, наконецъ, среди самаго здѣшняго общества разсѣетъ предубѣжденіе въ безполезности знаній по русскому языку". Но ходатайство это успѣха не имѣло [1]). Мысль объ уравненіи содержанія преподавательскаго персонала Дерптскаго университета съ содержаніемъ тѣхъ же лицъ въ другихъ русскихъ университетахъ была осуществлена позднѣе, при началѣ реформы.

Въ основу учебной реформы университета были положены двѣ главныхъ идеи: постепенное введеніе въ университетѣ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, русскаго языка преподаванія и приближеніе учебнаго строя въ университетѣ къ тому порядку, выраженіемъ котораго явился общій университетскій уставъ 23 августа 1884 г.; рядомъ съ этимъ шли и реформы университета въ административномъ отношеніи примѣнительно къ тому же общему университетскому уставу. Не подлежитъ сомнѣнію, что и первая, и въ особенности вторая сторона реформы Дерптскаго университета отчасти носили, и не могли не носить извѣстнаго политическаго характера, такъ какъ предприняты были на почвѣ идеи общегосударственнаго единства Прибалтійской окраины съ центромъ, и органически были связаны не только съ предшествовавшими въ томъ же духѣ мѣро-

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Дерптскаго учебнаго округа: № 110, 1875 г.

пріятіями правительства по отношенію къ университету при императорѣ Николаѣ I и Александрѣ II, но и съ реформой средней школы, оповѣщенной высочайшимъ указомъ 10 апрѣля 1887 года, и съ введеніемъ въ краѣ русскихъ судебныхъ установленій.

Въ силу этой послѣдней связи реформа началась съ юридическаго факультета.

Еще въ 1887 г. министръ графъ И. Д. Деляновъ входилъ въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ о предоставленіи ему права сдѣлать необходимыя по его усмотрѣнію измѣненія въ составѣ каѳедръ юридическаго факультета съ цѣлію послѣдовательнаго установленія преподаванія наукъ на этомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ и съ отнесеніемъ расхода по этимъ преобразованіямъ на спеціальныя средства университета; но государственный совѣтъ не почелъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, видя въ испрашиваемомъ министерствомъ полномочіи „значеніе временнаго отступленія отъ дѣйствующаго закона“ (т. е. § 29 устава 1865 г.), и указалъ на другой путь къ достиженію этой цѣли—„въ порядкѣ, установленномъ для чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ“, т. е. непосредственное обращеніе къ высочайшей власти. Дѣйствительно, черезъ два года графъ Деляновъ обратился къ императору Александру III съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, указывая на предстоящее въ ближайшемъ будущемъ введеніе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ судебныхъ уставовъ императора Александра II и вмѣстѣ съ тѣмъ производства дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ на русскомъ языкѣ, испрашивалъ разрѣшенія на принятіе ряда мѣръ, которыя бы, имѣя въ виду упомянутую цѣль, могли въ то же время „сблизить постановку преподаванія предметовъ на юридическомъ факультетѣ Дерптскаго университета съ тою, какая существуетъ во всѣхъ университетахъ на основаніи устава 23 августа 1884 г.“. Мѣры эти были слѣдующія: „1) одну изъ каѳедръ остзейскаго права (каѳедру юридической практики) обратить въ каѳедру русскаго гражданскаго права и судопроизводства, сохранивъ другую каѳедру для преподаванія мѣстнаго права; 2) каѳедру русскаго права обратить въ каѳедру исторіи русскаго права; 3) преподаваніе по нынѣ существующей каѳедрѣ государственнаго и международнаго права ограничить преподаваніемъ одного государственнаго права, возложивъ чтеніе лекцій международнаго права на имѣющагося при факультетѣ доцента; 4) учредить одну новую каѳедру полицейскаго права; 5) перевести каѳедру политической экономіи изъ историко-филологическаго факультета на юри-

дическій, соединивъ съ нею преподаваніе статистики, и 5) ввести на юридическомъ факультетѣ чтеніе лекцій по энциклопедіи и философіи права, по церковному, финансовому и торговому праву; для преподаванія сихъ наукъ учредить при факультетѣ пять доцентуръ". Свое обращеніе къ высочайшей власти министръ мотивировалъ тѣмъ, что хотя осуществленіе предложенныхъ мѣръ могло быть достигнуто, согласно уставу 1865 г., ходатайствомъ самого совѣта, но „совѣтъ Дерптскаго университета, состоя преимущественно изъ нѣмецкихъ профессоровъ, не признающихъ необходимости въ изложенной реформѣ юридическаго факультета, не приметъ на себя, конечно, почина въ какихъ-либо представленіяхъ въ указанномъ смыслѣ". Вмѣстѣ съ этимъ, министръ испрашивалъ высочайшаго соизволенія на назначеніе лицамъ, которыя будутъ опредѣлены на упомянутыя каѳедры и доцентуры и станутъ читать лекціи на русскомъ языкѣ, содержанія примѣнительно къ общеимперскому окладу, т. е. для ординарныхъ профессоровъ по 3.000 р., для экстраординарныхъ по 2.000 р. и доцентовъ по 1.200 р.— все изъ спеціальныхъ средствъ университета [1]). На осуществленіе этихъ мѣръ послѣдовало 4 февраля 1889 г. высочайшее согласіе, и этотъ важный актъ, безъ сомнѣнія, долженъ считаться первымъ фактическимъ шагомъ въ дѣлѣ реформы. Въ томъ же году послѣдовало и другое чрезвычайно важное измѣненіе устава 1865 года—касательно порядка замѣщенія должностей ректора, декановъ, проректора и профессоровъ, а также оставленія послѣднихъ на службѣ по истеченіи 25-лѣтняго срока. Именно, графъ Деляновъ, съ предварительнаго высочайшаго соизволенія [2]), вошелъ въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи §§ 10, 20, 40, 47, 48 и 51 устава 1865 г. въ смыслѣ слѣдующихъ новыхъ постановленій въ духѣ общаго устава 1884 г.: 1) ректоръ избирается на четыре года министромъ народнаго просвѣщенія и утверждается высочайшею властью; 2) проректоръ избирается на три года попечителемъ округа и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія; 3) деканы избираются на четыре года попечителемъ учебнаго округа и утверждаются министромъ; 4) профессора или назначаются министромъ по собственному усмотрѣнію или представляются къ утвержденію министромъ послѣ предварительнаго обсужденія ихъ достоинствъ въ факультетахъ и совѣтѣ; 5) по выслугѣ двадцатипятилѣтняго срока профессоръ можетъ про-

---

[1]) Сборникъ постановленій, XI. 27—30.
[2]) Сборникъ постановленій, XI. 191.

должать службу въ университетѣ, если объ этомъ будетъ ходатайствовать попечитель и на удовлетвореніе такого ходатайства послѣдуетъ разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Не лишены извѣстнаго интереса мотивы, которыми министръ сопровождалъ это свое ходатайство о столь важныхъ измѣненіяхъ въ строѣ дерптской университетской жизни. Ссылаясь на практику русскихъ университетовъ до устава 1884 г., по которой какъ замѣщеніе профессорскихъ должностей, такъ и должностей ректора и декановъ происходило по выборному порядку, министръ говорилъ: „опытъ показалъ, что при такомъ порядкѣ постоянно возбуждались споры и пререканія въ профессорскихъ коллегіяхъ и поддерживался вредный духъ партій и нерѣдко противленія власти въ средѣ лицъ, которыя строгою подчиненностью должны являть примѣръ обучаемой ими молодежи; это право оказалось вреднымъ и относительно учебнаго строя университетовъ, ибо занятія должностей или повышенія въ оныхъ находились въ большей зависимости отъ профессорской коллегіи, чѣмъ отъ самаго правительства, и часто замедляло, безъ всякой надобности и ко вреду для учащихся, замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ, которыя по цѣлымъ годамъ оставались праздными". Переходя затѣмъ спеціально къ Дерптскому университету, сохранившему порядокъ, отошедшій въ прошлое для другихъ университетовъ имперіи, министръ писалъ: „по особымъ условіямъ этого университета, въ немъ даже въ большей степени проявляется господство крѣпко сплоченныхъ партій, которыя преслѣдуютъ чуждыя наукѣ цѣли, находя опору главнымъ образомъ въ богословскомъ факультетѣ. Ректоръ, деканы и профессора, въ виду предстоящаго избранія ихъ совѣтомъ, стараются всѣми средствами снискать расположеніе партій большинства, нерѣдко во вредъ правительственнымъ интересамъ съ единственною цѣлью быть вновь избранными. При этомъ открывается широкій просторъ всякаго рода интригамъ, просьбамъ, обѣщаніямъ, часто несогласнымъ съ убѣжденіями избираемаго. Ректоръ и деканы, связанные подобными обѣщаніями, лишаются всякой самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ и служатъ покорными исполнителями велѣній избиравшей ихъ партіи, которая грозитъ имъ забаллотированіемъ въ ближайшій срокъ выборовъ. Тѣ же немногіе профессора, которые дорожатъ независимостью, выражаютъ готовность исполнять предначертанія правительства и стоятъ въ сторонѣ отъ партій, не рѣшаются подвергать себя случайности выборовъ и предпочитаютъ оставить службу въ университетѣ... Рѣдкіе выборы проходятъ безъ протестовъ и обвиненій въ неправиль-

номъ ихъ производствѣ, невѣрной подачѣ голосовъ, что нарушаетъ добрыя отношенія между профессорами и вноситъ въ среду ихъ раздоръ, отражающійся дурно на общемъ положеніи университета и не остающійся безъ вреднаго вліянія на студентовъ". На предложенныя министерствомъ мѣры послѣдовало 20 ноября 1889 г. высочайшее соизволеніе и утвержденіе[1]).

Послѣдующія мѣры, принятыя по отношенію къ университету въ теченіе всего описываемаго періода, были въ сущности продолженіемъ или развитіемъ этихъ нововведеній 1889 года, и только въ самомъ концѣ періода мы встрѣчаемся съ такими мѣрами, которыя указываютъ или на уклоненіе отъ основного характера устава 1884 года, или на стремленіе вернуться къ нѣкоторымъ старымъ традиціямъ Дерптскаго университета.

Что касается увеличенія и упорядоченія средствъ и способовъ обученія въ университетѣ примѣнительно къ обще-русской университетской нормѣ устава 1884 года, то въ этомъ отношеніи съ самаго начала былъ избранъ весьма ненадежный путь, заключающійся, какъ мы видѣли, въ томъ, что реформа должна была быть произведена по возможности безъ особыхъ ассигнованій изъ казны, одними „спеціальными средствами" университета. Чтобы отвѣтить предъявляемымъ къ нему запросамъ, университетъ принужденъ былъ, при чрезвычайномъ напряженіи своихъ спеціальныхъ средствъ, вводя преподаваніе по новымъ предметамъ и расширяя его по старымъ, ходатайствовать то о новыхъ каѳедрахъ, то объ обращеніи доцентуръ въ профессуры, то о созданіи новыхъ или преобразованіи старыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; особенно давали себя чувствовать въ этомъ отношеніи многообразныя нужды медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ съ ихъ многочисленными и требующими большихъ расходовъ кабинетами, клиниками и лабораторіями. Все это ложилось непомѣрно тяжелымъ бременемъ на спеціальныя средства университета, въ явный ущербъ не только другимъ его болѣе общимъ нуждамъ (постройка и ремонтъ зданій, хозяйство, библіотека, вознагражденіе нѣкоторыхъ служащихъ), но несомнѣнно и качеству самой реформы; многое было сдѣлано лишь по мѣрѣ силъ, съ крайней экономіей и урѣзками противъ предположеннаго.

Самое горячее и острое время учебной стороны реформы падаетъ на первую половину 1890-хъ годовъ; къ 1895 году въ главныхъ частяхъ

---

[1]) Сборникъ постановленій, XI. 847—861.

она была закончена. Къ этому именно времени подоспѣла и матеріальная помощь со стороны казны: согласно высочайше утвержденному 16-го января 1895 года мнѣнію государственнаго совѣта, при усиленномъ ходатайствѣ со стороны министра графа И. Д. Делянова и поддержкѣ этого ходатайства министромъ финансовъ С. Ю. Витте, положено было отпускать изъ казны, въ дополненіе къ штату Юрьевскаго университета, съ 1-го января 1895 года по 31.470 р. на содержаніе преподавательскаго состава. Впрочемъ, законченность реформы къ этому времени, даже въ примѣненіи къ формированію преподавательскаго состава и оборудованію самыхъ необходимыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, нужно понимать лишь въ самомъ скромномъ и даже условномъ смыслѣ. Вотъ какими чертами характеризуетъ этотъ моментъ реформы тогдашній ректоръ А. С. Будиловичъ: „На историко-филологическомъ факультетѣ не достаетъ и теперь трехъ каѳедръ: исторіи западно-европейскихъ литературъ, исторіи церкви и теоріи и исторіи искусства; на физико-математическомъ нѣтъ особый каѳедры для технологіи и технологической химіи, а равно каѳедры географіи и этнографіи, каковая впрочемъ имѣется на историко-филологическомъ факультетѣ; на юридическомъ нѣтъ штатныхъ профессуръ по правамъ: международному, торговому, финансовому, церковному, а также по энциклопедіи и философіи права, а взамѣнъ того имѣются доцентуры, лишь отчасти переименованныя уже въ сверхштатныя экстраординатуры, содержимыя до 1-го января 1895 года на спеціальныя средства, а нынѣ на разрѣшенную съ этого числа добавку въ 31.470 р.; наконецъ, на медицинскомъ факультетѣ не имѣется десяти каѳедръ: медицинской химіи, общей патологіи (соединена съ патологической анатоміей), врачебной діагностики съ пропедевтической клиникой, дерматологіи и сифилитики, оперативной хирургіи съ топографической анатоміей, хирургической патологіи съ десмургіей и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, гигіены (соединена съ судебной медициной подъ названіемъ государственнаго врачебновѣдѣнія), энциклопедіи медицины—словомъ, вмѣсто 23 медицинскихъ каѳедръ по уставу 1884 года, въ Юрьевскомъ университетѣ имѣется нынѣ всего 13 каѳедръ, т. е. десятью каѳедрами менѣе“ [1]). Въ этомъ сравнительномъ подсчетѣ по медицинскому

[1]) *А. С. Будиловичъ.* Историческая замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ Императорскаго Юрьевскаго университета въ разные періоды его существованія. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895, № 9, стр. 12.

факультету приняты во вниманіе только каѳедры, а не количество положенныхъ на нихъ профессуръ, т. е. отдѣльныхъ представителей этихъ каѳедръ; если принять въ соображеніе эту сторону вопроса, и не для одного только медицинскаго, а и для остальныхъ факультетовъ, кромѣ богословскаго, то недочетъ оказывается еще болѣе поразительнымъ: вмѣсто 72 профессуръ по уставу 1884 года—всего только 40, правда при 10 доцентурахъ и 7 сверхштатныхъ профессурахъ, такъ что въ окончательномъ расчетѣ недочетъ въ профессурахъ будетъ простираться по крайней мѣрѣ до 16 [1]). Съ 1895 года и до конца описываемаго періода нѣсколько улучшилось, въ отношеніи постановки учебной стороны дѣла, положеніе лишь медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ: то путемъ обращенія доцентуръ въ экстраординатуры, то учрежденіемъ на спеціальныя средства новыхъ профессуръ на первомъ возникли въ 1895 и 1898 годахъ профессуры гигіены и спеціальной патологіи и клиники и въ 1899 году усилено преподаваніе хирургіи, а на второмъ учреждены были профессуры чистой математики и минералогіи въ 1896 году и профессура зоологіи въ 1898 году [2]); факультеты же юридическій и историко-филологическій до конца 1902 г. не пріобрѣли въ теченіе этихъ семи-восьми лѣтъ ничего новаго; относительно послѣдняго и вообще слѣдуетъ сказать, что по составу каѳедръ и по количеству профессуръ къ концу описываемаго періода онъ остался совершенно безъ всякаго измѣненія, какъ будто дѣло реформы его совсѣмъ не коснулось, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности и онъ, наравнѣ съ другими факультетами, долженъ былъ удовлетворять новымъ предъявляемымъ къ нему реформою запросамъ, сообразно новымъ планамъ преподаванія на немъ примѣнительно къ общерусскому уставу 1884 года.

Совершенно своеобразную страницу въ исторіи реформъ Юрьевскаго университета занимаетъ формированіе состава профессорскихъ помощниковъ въ видѣ лаборантовъ, ассистентовъ и помощниковъ прозекторовъ, при старыхъ и новыхъ каѳедрахъ и профессурахъ медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ. По штату 1865 года ихъ было положено чрезвычайно ограниченное число — всего

---

[1]) Тамъ же, стр. 13.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета. Подъ ред. *Г. В. Левицкаго.* Т. I, 131; II, IX.

семь: два лаборанта (химіи и фармаціи) и пять ассистентовъ на всѣ университетскія клиники, считая въ томъ числѣ и госпитальную. Цѣлыхъ 20 лѣтъ дѣло оставалось въ такомъ положеніи, и только въ 1885 году университетъ воспользовался правомъ, предоставленнымъ ему высочайше утвержденнымъ 25-го октября 1875 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи на спеціальныя средства университета вышеупомянутыхъ должностей профессорскихъ помощниковъ разныхъ категорій: такъ, 7-го марта 1885 года учреждены были при медицинской, хирургической, акушерской и глазной клиникахъ по одной должности сверхштатнаго ассистента, а при фармацевтическомъ институтѣ — должность сверхштатнаго лаборанта. Затѣмъ, въ теченіе 1890-хъ годовъ полился, можно сказать, цѣлый потокъ вновь учреждавшихся подобныхъ должностей. Конечно, все это ложилось на спеціальныя средства университета, и въ данномъ случаѣ вышеупомянутое ассигнованіе изъ казны въ 1895 году 31.470 р. нисколько не помогло дѣлу, такъ какъ ассигнованіе это имѣло въ виду исключительно вознагражденіе преподавательскаго персонала вслѣдствіе учрежденія новыхъ профессуръ и перехода многихъ къ преподаванію на русскомъ языкѣ. Должно замѣтить, что учрежденію упомянутыхъ должностей профессорскихъ помощниковъ предшествовало исполненіе соотвѣтствующихъ обязанностей многими лицами безплатно, да и по учрежденіи должностей иныя изъ нихъ то продолжали быть безплатными, то оплачивались чрезвычайно скудно, нерѣдко въ половинномъ, сравнительно съ другими университетами, размѣрѣ. Неудивительно поэтому, что должности эти и сопряженныя съ отсутствіемъ ихъ надлежащей постановки неудобства составляли больное мѣсто въ жизни большинства учебно-вспомогательныхъ учрежденій двухъ названныхъ факультетовъ въ теченіе всего реформеннаго періода до конца 1902 года.

Въ неудовлетворительномъ состояніи находилась оплата труда и немалаго числа лицъ изъ преподавательскаго персонала университета. Не будемъ говорить о лицахъ нѣмецкаго происхожденія, не имѣвшихъ возможности перейти на русское преподаваніе и почувствовавшихъ вмѣстѣ съ реформой неравенство своего матеріальнаго вознагражденія сравнительно со своими русскими коллегами: во всякомъ случаѣ это неравенство не могло содѣйствовать сглаживанію тѣхъ шероховатостей, которыми сопровождалась и не могла не сопровождаться реформа, по соображеніямъ и причинамъ національнымъ, по-

литическимъ и отчасти вѣроисповѣднымъ. Высочайше утвержденнымъ 2-го декабря 1891 года мнѣніемъ государственнаго совѣта положено было увеличить жалованье лекторамъ французскаго, англійскаго, итальянскаго, эстонскаго и латышскаго языковъ до 800 руб. въ годъ (вмѣсто прежнихъ 600 руб. и 400 руб.), при чемъ потребная для этого сумма была найдена путемъ одновременнаго упраздненія должностей по обученію танцевъ, плаванія, верховой ѣзды и фехтованія, а равно и отпуска средствъ на содержаніе университетскаго манежа [1]); но все же этотъ окладъ былъ ниже соотвѣтствующаго оклада по общеуниверситетской нормѣ 1884 года. Далѣе, нѣкоторые профессора, назначенные на свои должности послѣ прибавки къ штату, послѣдовавшей въ 1895 году, должны были довольствоваться нѣкоторое время старымъ, по штату 1865 года, содержаніемъ, не смотря на то, что читали лекціи на русскомъ языкѣ; прибавки къ ихъ содержанію до общеимперской нормы зависѣли отъ состоянія спеціальныхъ средствъ, которыя къ концу описываемаго періода опять начали испытывать чрезвычайное напряженіе въ виду продолжавшагося процесса реформы и дальнѣйшаго необходимаго и неизбѣжнаго развитія университета въ разъ принятомъ направленіи; эта ненормальность была окончательно устранена лишь къ началу 1902 года, когда министерство разрѣшило, отъ 5-го января 1902 года, дополнить, не взирая на другія нужды университета, и этимъ—числомъ восемь—профессорамъ ихъ содержаніе до установленной закономъ нормы. Наконецъ, здѣсь же умѣстно упомянуть, что дополнительное вознагражденіе за исполненіе обязанностей декана (въ 400 руб.) осталось прежнее, а за несеніе обязанностей дѣлопроизводителя факультета, учрежденіе каковой должности совпало съ началомъ реформы, положено было вознагражденіе также ниже обычной въ другихъ университетахъ нормы (въ 200 руб.).

Изъ мѣръ, принятыхъ въ смыслѣ приближенія къ уставу 1884 года, должно указать здѣсь еще на послѣдовавшее 25-го октября 1893 года высочайшее согласіе на доклады министра народнаго просвѣщенія о новомъ порядкѣ производства окончательныхъ испытаній по юридическому факультету и о производствѣ испытаній на ученыя медицинскія степени. Первая мѣра, явившаяся завершеніемъ реформы юридическаго факультета послѣ акта 4-го февраля 1889 года и послѣдовавшихъ измѣненій въ программахъ и планахъ преподаванія на

[1]) Сборникъ постановленій, XII. 532—538.

этомъ факультетѣ, которыя не входили въ составъ устава и о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, заключалась въ томъ, что для производства окончательныхъ испытаній учреждалась специальная комиссія, какъ и въ другихъ русскихъ университетахъ, но лишь безъ взноса установленной уставомъ 1884 года 20-рублевой платы со стороны экзаменующихся, чтобы не ставить абитуріентовъ-юристовъ въ менѣе выгодное положеніе къ ихъ товарищамъ, оканчивающимъ курсъ на другихъ факультетахъ, гдѣ комиссіи для государственныхъ экзаменовъ не могли быть пока учреждены, въ виду незаконченности ихъ реформы относительно языка преподаванія [1]). Первому же выпуску юристовъ по новымъ правиламъ, послѣдовавшему весной 1893 г. въ количествѣ всего трехъ человѣкъ, было предоставлено держать экзамены въ юридической комиссіи при С.-Петербургскомъ университетѣ; затѣмъ, въ дополненіе къ этому, предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 13-го іюня 1901 года, было установлено давать лицамъ, выдержавшимъ окончательныя испытанія по юридическому факультету въ Юрьевскомъ университетѣ, не званія кандидата и дѣйствительнаго студента, какъ это было раньше, а дипломы I и II степени. Что касается второй мѣры, по медицинскому факультету, то она состояла въ томъ, чтобы оканчивающіе курсъ медики не допускались къ экзамену на степень доктора медицины до пріобрѣтенія ими званія лѣкаря, какъ это было раньше, когда, пользуясь названной привилегіей, Дерптскій университетъ выпускалъ ежегодно огромное, сравнительно съ другими университетами, количество докторовъ медицины [2]).

Изъ примѣненій общаго устава 1884 года къ Юрьевскому университету внѣ вопросовъ учебныхъ, здѣсь должно указать на слѣдующія. Высочайше утвержденнымъ 9-го марта 1892 года мнѣніемъ государственнаго совѣта профессорамъ Дерптскаго университета, читающимъ лекціи на русскомъ языкѣ, въ дополненіе къ высочайшему повелѣнію отъ 4-го февраля 1889 года, предоставлены, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, а также продолженія службы по истеченіи 25 и 30 лѣтъ, тѣ же права и преимущества, что и профессорамъ другихъ русскихъ университетовъ на основаніи §§ 104, 105, 154, 155 и 156 общаго устава 1884 года; при чемъ нѣсколько позднѣе, отъ 16-го іюня 1894 года, было особо разъяснено, что

[1]) Сборникъ постановленій, XII. 1788—1789.

[2]) Сборникъ постановленій, XII. 1790—1791.

продолжительность чтенія лекцій на русскомъ языкѣ, для пользованія упомянутыми правами и преимуществами, не ограничивается никакими сроками.

Одновременно съ увеличеніемъ штата университета на 31.470 руб., положено было отпускать съ 1-го января 1895 года по 5.000 руб. ежегодно на содержаніе въ Юрьевскомъ университетѣ инспекціи, что предполагало уже упраздненіе должности проректора, который, согласно § 40 устава 1865 года, „имѣетъ наблюденіе за исполненіемъ студентами правилъ благочинія и дисциплины“; дѣйствительно, 18-го іюля 1895 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи этой должности и вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе перваго инспектора университета М. А. Бутлерова, а не задолго передъ тѣмъ высочайше повелѣно было, согласно постановленію комитета министровъ, 30-го іюня 1895 года, замѣщать должность ректора, въ случаѣ его болѣзни или отлучки, старшимъ по службѣ деканомъ. 12-го сентября 1895 года утверждена была министромъ народнаго просвѣщенія „Инструкція для инспекціи студентовъ въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ“. Въ 1899 году была отпущена дополнительная сумма, въ количествѣ 4.960 руб., на усиленіе инспекціи въ университетѣ двумя помощниками инспектора, при чемъ одновременно съ этимъ, 27-го іюля 1899 года, послѣдовало особое циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія ко всѣмъ университетамъ, въ томъ числѣ и Юрьевскому: тутъ, между прочимъ, ставилось на видъ, „чтобы на будущее время представители инспекціи не ограничивались лишь заботами о сохраненіи внѣшняго порядка, но приняли на себя обязанности благожелательнаго попеченія объ учащихся, оказывая имъ помощь тѣми способами и средствами, какими можетъ располагать инспекція“.

Въ нѣкоторой связи съ учрежденіемъ инспекціи находится и упраздненіе университетскаго суда. Какъ уже упомянуто выше, при утвержденіи устава 1865 года, изъ университетскаго проекта этого устава была выпущена глава „о судебной расправѣ университета“, а вмѣсто нея къ § 4 въ I главѣ сдѣлано примѣчаніе, что впредь до введенія въ остзейскихъ губерніяхъ общей судебной реформы университетскій судъ останется на прежнихъ основаніяхъ, т. е. согласно указаніямъ устава 1820 года; при этомъ попечитель, увѣдомляя университетъ, отъ 25-го января 1865 года, объ утвержденіи устава, предлагалъ должность секретаря университетскаго суда, соотвѣтственно общерусскому уставу 1863 года, замѣнить должностью „се-

кретаря по студенческимъ дѣламъ“, полагаемой при проректорѣ, обязанности же существовавшихъ доселѣ секретарей апелляціоннаго и ревизіоннаго суда возложить теперь на секретаря совѣта. Между тѣмъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 23-го февраля 1867 года, генералъ-губернаторомъ Альбединскимъ былъ составленъ проектъ правилъ „о введеніи мирового разбирательства въ прибалтійскихъ губерніяхъ“; этотъ проектъ былъ сообщенъ на предварительное разсмотрѣніе статсъ-секретаря князя Урусова, который поручилъ его обсужденіе особой комиссіи, учрежденной для этой цѣли при II Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Комиссія эта должна была, конечно, затронуть вопросъ и объ университетскомъ судѣ въ Дерптѣ, который уже въ проектѣ генералъ-губернатора былъ предположенъ къ дальнѣйшему существованію на прежнихъ основаніяхъ; комиссія однако же, не будучи склонна раздѣлять мнѣніе генералъ-губернатора, обратилась по этому вопросу, черезъ посредство министра юстиціи графа Палена, отъ 21-го марта 1873 года, къ министру народнаго просвѣщенія. Отъ послѣдняго дѣло перешло, черезъ попечителя, въ совѣтъ университета, который и поручилъ юридическому факультету заняться даннымъ вопросомъ и высказать свое мнѣніе. Сущность представленной юридическимъ факультетомъ въ совѣтъ, отъ 13-го декабря 1873 года, записки заключалась въ томъ, что какую-либо реформу въ университетскомъ судѣ слѣдуетъ отложить до времени введенія судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ во всемъ ея объемѣ, а до тѣхъ поръ оставить этотъ судъ на прежнихъ основаніяхъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился не только совѣтъ, но и попечитель П. К. Жерве, который, въ своемъ донесеніи министру народнаго просвѣщенія, отъ 7-го февраля 1874 года, мотивировалъ свое мнѣніе въ пользу оставленія университетскаго суда слѣдующими доводами: „Руководствуясь предоставленными ему дисциплинарными мѣрами, университетъ имѣлъ возможность предохранять студентовъ отъ заключенія превышающихъ ихъ состояніе долговыхъ обязательствъ, а кредиторовъ—отъ потерь; находясь же постоянно въ близкихъ отношеніяхъ къ университетскому юношеству, онъ имѣлъ возможность при каждомъ случаѣ, когда ему слѣдовало подвергнуть студентовъ наказанію, въ то же время строго критиковать противозаконные ихъ поступки съ точки зрѣнія студенческаго приличія и нравственности и, обращаясь къ чувству правдивости и живому у академической молодежи чувству чести, нерѣдко удерживать студентовъ отъ нарушенія законнаго порядка. Мировой же судья, будучи

лишенъ всякаго нравственнаго вліянія на студентовъ, никогда не будетъ въ состояніи предохранить пылкую и неопытную молодежь отъ заключенія обременительныхъ долговыхъ обязательствъ и предотвратить ихъ отъ нарушенія порядка". Такъ, реформа университетскаго суда въ Дерптѣ была отложена, и онъ остался по прежнему, будучи затѣмъ подтвержденъ въ своемъ существованіи и высочайше утвержденными 28-го мая 1880 года „Правилами о примѣненіи къ остзейскимъ губерніямъ учрежденія мировыхъ судебныхъ установленій". Однако, въ виду рѣшенія правительства распространить на Прибалтійскій край дѣйствіе судебныхъ уставовъ императора Александра II въ полномъ ихъ объемѣ вопросъ объ университетскомъ судѣ въ Дерптѣ вскорѣ снова былъ поднятъ. Министръ юстиціи Набоковъ обратился, отъ 5-го ноября 1885 года, съ отношеніемъ по этому вопросу къ министру народнаго просвѣщенія, который запросилъ объ этомъ, въ свою очередь, мнѣнія дерптскаго попечителя; отъ послѣдняго дѣло перешло, черезъ совѣтъ университета, на спеціальное обсужденіе юридическаго факультета. Факультетъ, въ своей обширной запискѣ, отъ 22-го февраля 1886 года, высказался за удержаніе университетскаго суда на прежнихъ началахъ, съ чѣмъ согласился и совѣтъ, но попечитель М. Н. Капустинъ, наоборотъ, рѣшительно высказался за упраздненіе суда и къ этому присоединилъ лишь мысль, чтобы впредь до учрежденія одиночныхъ тюремъ студенты отбывали присуждаемое общимъ судомъ тюремное заключеніе въ университетскомъ карцерѣ. Министръ юстиціи, при обсужденіи этого вопроса въ его дальнѣйшемъ движеніи, склоненъ былъ къ большимъ уступкамъ: онъ не только допускалъ замѣну тюрьмы въ извѣстныхъ случаяхъ университетскимъ карцеромъ, но и полагалъ еще, что столкновенія студентовъ между собою и съ университетскимъ персоналомъ, гдѣ бы они ни произошли, должны быть разбираемы внутри университета, если они не имѣютъ уголовнаго характера; министръ юстиціи считалъ даже желательнымъ распространить такую привилегію и на остальные университеты, руководимые уставомъ 1884 года, такъ какъ подобное исключеніе для одного Дерптскаго университета могло бы подать поводъ „къ нежелательному толкованію, что правительство отдаетъ предпочтеніе дерптскимъ студентамъ, какъ представителямъ нѣмецкой культуры, передъ студентами всѣхъ остальныхъ русскихъ университетовъ, и, такимъ образомъ, само поддерживаетъ то обособленіе, въ какомъ до сихъ поръ находилась дерптская университетская корпорація". Министръ народнаго просвѣщенія графъ

Деляновъ склоненъ былъ раздѣлять эти воззрѣнія, но попечитель Капустинъ отстоялъ свою точку зрѣнія, и согласно высочайше утвержденному 7-го іюля 1889 года мнѣнію государственнаго совѣта, гдѣ этотъ вопросъ разсматривался 14-го апрѣля и 22-го мая того же года, университетскій судъ въ Дерптскомъ университетѣ былъ безъ всякихъ ограниченій упраздненъ, какъ „остатокъ того средневѣковаго воззрѣнія, въ силу котораго лицо, принадлежащее къ извѣстному общественному классу, замыкалось въ немъ и находило опредѣленіе для всѣхъ своихъ юридическихъ отношеній". Вмѣстѣ съ этимъ упразднена была и должность синдика, а лежавшія на судѣ и на синдикѣ обязанности по судебной, нотаріальной, опекунской и полицейской частямъ переданы были, по принадлежности, общимъ судебнымъ и административнымъ установленіямъ. Сообразно съ этимъ, измѣнены были §§ 4, 29, 34, 35, 36 и 62 устава 1865 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространено было на Дерптскій университетъ дѣйствіе §§ 123—125 общаго университетскаго устава 1884 года [1]. Мѣру эту положено было привести въ дѣйствіе одновременно съ открытіемъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ новыхъ судебныхъ установленій въ полномъ объемѣ [2].

Какъ уже упомянуто было выше, высочайшимъ повелѣніемъ 27-го февраля 1893 года Дерптскій университетъ переименованъ въ Юрьевскій.

Наконецъ, здѣсь должно указать на цѣлый рядъ ходатайствъ, предпринятыхъ во второй половинѣ 1890-хъ годовъ какъ ближайшимъ, такъ и болѣе отдаленнымъ начальствомъ Юрьевскаго университета, объ общемъ увеличеніи его штатныхъ изъ казны ассигнованій и приведеніи, такимъ образомъ, его штата къ той нормѣ, которая принята уставомъ и штатомъ 1884 г. для другихъ русскихъ университетовъ, приближеніе къ коимъ въ учебно-административномъ отношеніи было указано самой идеей реформы. Къ сожалѣнію, ходатайства эти, какъ извѣстно, не имѣли успѣха, и такимъ образомъ идея предпринятыхъ преобразованій и способы ея осуществленія, вмѣсто того, чтобы идти рука объ руку, были разобщены, что разумѣется неизбѣжно должно было отразиться на окончательномъ результатѣ реформы не только къ невыгодѣ собственно для университета, но и къ возникновенію

---

[1]) Сборникъ постановленій, XI. 766—781.

[2]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа, № 175, 1873 года и № 535, 1885 года.

отчасти понятнаго недовѣрія къ самой идеѣ, имѣвшей въ себѣ однако же какъ государственныя, такъ и глубокія историческія основанія.

Хотя съ 1-го января 1895 года отпущена была прибавка къ штату Юрьевскаго университета ежегодно 31.470 р. на содержаніе преподавательскаго состава и 5.000 р. на содержаніе инспекціи, однако и послѣ этого штатъ его, въ 271.000 рублей круглымъ числомъ, значительно отставалъ отъ штатовъ другихъ университетовъ, напримѣръ Кіевскаго (въ то время 379.000), Харьковскаго (391.000) и Казанскаго (398.000 р.), не считая того, что Юрьевскій университетъ не участвовалъ въ распредѣленіи суммы въ 60.000 р., ассигнуемой ежегодно на вознагражденіе приватъ-доцентовъ въ русскихъ университетахъ, и имѣя еще въ своемъ составѣ лишній противъ другихъ университетовъ богословскій факультетъ, содержаніе котораго обходится около 20.000 рублей. Поэтому, вскорѣ, отъ 14-го октября 1896 года, было возбуждено ректоромъ А. С. Будиловичемъ ходатайство о прибавкѣ къ штату университета приблизительно 130.000 р.; оно поддержано было попечителемъ Н. А. Лавровскимъ, въ представленіи въ министерство отъ 22-го декабря 1896 года. Кромѣ того, послѣдній въ особомъ письмѣ на имя министра, но по другому поводу, отъ 15-го октября 1896 года, коснувшись и вопроса о бюджетѣ Юрьевскаго университета, между прочимъ, писалъ: „Не могу не высказать глубокаго убѣжденія въ необходимости возможнаго сокращенія переживаемаго нынѣ университетомъ переходнаго періода, когда университетъ уже выбился изъ старой нѣмецкой колеи, но не вступилъ еще окончательно въ новую, русскую, такъ какъ неудобство этого переходнаго состоянія неблагопріятно отзывается на всей внутренней его жизни. Для сокращенія же этого переходнаго времени необходимо скорѣйшее примѣненіе къ университету устава и штата прочихъ русскихъ университетовъ, чѣмъ была бы устранена и нынѣшняя скудость его бюджетныхъ средствъ, отражающаяся прежде всего на постановкѣ учебнаго дѣла, которая порождаетъ мнѣніе объ упадкѣ Юрьевскаго университета съ переходомъ его въ русскія руки—мнѣніе несправедливое, обличающее незнаніе дѣйствительныхъ причинъ настоящаго положенія университета и данныхъ для сравненія этого положенія съ его прошедшимъ. Юрьевскій университетъ, лишенный болѣе десятка каѳедръ и ихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и въ то же время обязанный приготовлять студентовъ къ испытаніямъ въ государственныхъ комиссіяхъ по общимъ программамъ, не можетъ съ надлежащей полнотой достигать тѣхъ цѣлей, какихъ достигаютъ прочіе русскіе

университеты. А между тѣмъ, ему, по его положенію, суждено выполнять приблизительно ту же задачу, какая въ зарейнской Германіи выпала на долю университета Страсбургскаго, въ изобиліи снабженнаго всѣми необходимыми къ тому средствами. А по сему, скорѣйшее завершеніе реформы Юрьевскаго университета, въ смыслѣ уравненія его съ прочими русскими университетами и по матеріальнымъ средствамъ, представляется дѣломъ государственной важности и требующимъ неотложнаго рѣшенія". Ходатайство это однако же не получило въ высшихъ инстанціяхъ быстраго движенія; болѣе, чѣмъ черезъ годъ потребованы были дополнительныя разъясненія, датированныя попечителемъ 18-го февраля 1898 года. Но и теперь дѣло двигалось очень медленно, и отъ 13-го іюня 1898 года ректоръ А. С. Будиловичъ такъ писалъ попечителю Н. А. Лавровскому по вопросу объ общихъ нуждахъ университета: „Ремонтныя нужды университета съ самаго начала реформы были весьма значительны, вслѣдствіе устарѣлости и запущенности большинства его зданій, ихъ тѣсноты и неудовлетворительной внутренней обстановки. Смѣты на ремонтъ, ежегодно составляемыя архитекторомъ по заявленіямъ директоровъ отдѣльныхъ институтовъ и другимъ даннымъ, обыкновенно превышали 20.000 р., достигая въ иные годы 30.000 р. и даже 40.000 р., при чемъ необходимо замѣтить, что изъ послѣднихъ значительная часть была расходуема на нѣкоторыя неотложныя капитальныя перестройки, напримѣръ, на устройство новаго гигіеническаго кабинета, магнитнаго павильона, на пристройки ботаническаго сада, патологическо-анатомическаго института и т. п. Понятно, что собственно ремонтныя потребности могли быть удовлетворяемы лишь на треть или четверть противъ смѣты, а остальное было изъ года въ годъ откладываемо до болѣе благопріятнаго времени. Вторую часть потребностей университета составляетъ улучшеніе внутренней обстановки учебно-вспомогательныхъ учрежденій, пополненіе ихъ инструментарія, приборовъ, мебели, библіотекъ и т. п. На расходы этого рода правленію пришлось въ послѣдніе годы выдѣлить изъ спеціальныхъ средствъ очень значительныя для университета суммы, напримѣръ, при устройствѣ заново лабораторій гигіенической и по медицинской химіи, на приборы для кабинетовъ физіологическаго, фармакологическаго, патологическаго, ботаническаго и др., но все это оказывается далеко недостаточнымъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей по этой части. Наконецъ, вслѣдствіе крайней недостаточности штатныхъ и спеціальныхъ средствъ, какими могли располагать въ послѣдніе годы клиники и нѣкоторыя другія

учебно-вспомогательныя учрежденія университета, при необходимости дать правильную постановку практическимъ занятіямъ студентовъ по факультетамъ медицинскому и физико-математическому, за нѣкоторыми изъ этихъ учрежденій стали накопляться долги. По наведеннымъ въ маѣ сего года (1898) точнымъ справкамъ, общая сумма такихъ долговъ въ настоящее время превышаетъ 30.000 р.“. Давая ходъ этому ходатайству ректора, попечитель, въ представленіи министру народнаго просвѣщенія отъ 7-го іюля 1898 года, отъ себя прибавилъ: „Считаю долгомъ присовокупить, что частныя единовременныя воспособленія крайне скудному общему бюджету Юрьевскаго университета, почти равняющемуся по смѣтѣ 1898 г. бюджету Новороссійскаго университета, не смотря на то, что въ послѣднемъ на два факультета менѣе, и болѣе чѣмъ на 100.000 р. меньшему сравнительно съ бюджетами прочихъ провинціальныхъ университетовъ, не могутъ вполнѣ обезпечить матеріальное положеніе Юрьевскаго университета, пока не будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ о примѣненіи къ нему устава и штата русскихъ университетовъ 1884 года. Нѣмецкій дореформенный университетъ могъ довольствоваться своими скромными штатами 1865 года, не выходя изъ ихъ предѣловъ, хотя и въ то время онъ неоднократно воспособлялся дополнительными ассигнованіями. Предпринятое же правительствомъ преобразованіе его въ русскій университетъ примѣнительно къ уставу 1884 года въ самомъ началѣ его должно было встрѣтиться съ ничѣмъ неотвратимымъ вопросомъ объ уравненіи штата его со штатами прочихъ университетовъ, когда возникавшій ежегодно рядъ новыхъ каѳедръ и должностей съ содержаніемъ изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ или спеціальныхъ средствъ университета, быстро истощилъ эти послѣднія, поставляя тѣмъ университетъ въ безвыходное положеніе. Только рѣшительныя мѣры, то-есть примѣненіе къ Юрьевскому университету устава и штата 1884 г., можетъ окончательно помочь ему, сообщить ему свободу дѣйствій и вполнѣ обезпеченное и самостоятельное матеріальное положеніе“. Что касается печальнаго и крайне неудовлетворительнаго состоянія многихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ, о которыхъ упоминается въ приведенныхъ мотивахъ ректора и попечителя для обоснованія неотложной нужды въ новомъ штатѣ, то интереснымъ и крайне поучительнымъ дополненіемъ къ этимъ указаніямъ являются детальныя донесенія отдѣльныхъ директоровъ этихъ учрежденій, призванныхъ къ занятію соотвѣтствующихъ каѳедръ въ Юрьевскомъ университетѣ въ 1894—

1896 годахъ; считая этотъ матеріалъ выходящимъ за предѣлы моей задачи, я могу лишь указать тутъ на выдержки изъ него, приведенныя въ очеркѣ А. С. Будиловича [1]); къ нимъ можно бы присоединить еще крайне неудовлетворительное состояніе университетской фундаментальной библіотеки, въ которой къ моменту реформы обнаружился значительный недостатокъ и неполнота многихъ важныхъ научныхъ изданій не только на русскомъ языкѣ, что особенно было чувствительно для нѣкоторыхъ каѳедръ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, но и на другихъ языкахъ, кромѣ нѣмецкаго; нечего и говорить тутъ о полномъ почти отсутствіи студенческихъ библіотекъ для семинарскихъ занятій. И тѣмъ не менѣе, весь этотъ краснорѣчивый по своей фактичности матеріалъ, доставленный по назначенію, оказался безсильнымъ убѣдить соотвѣтствующія сферы въ необходимости дать для дѣла реформы нужныя матеріальныя средства. 18-го іюля 1898 года получился отъ министерства народнаго просвѣщенія отвѣтъ о неудачѣ ходатайства въ пользу новаго штата со слѣдующей ссылкой на слова тогдашняго министра финансовъ: „прежде Юрьевскій университетъ располагалъ значительно меньшими средствами по сравненію съ прочими университетами имперіи, но едва ли уступалъ имъ по научному значенію и по пользѣ, которую приносилъ; когда же въ послѣдніе годы стали примѣняться къ этому университету нѣкоторыя изъ требованій, предъявляемыхъ къ другимъ россійскимъ университетамъ, то тотчасъ появилась необходимость въ усиленіи средствъ, а между тѣмъ значеніе и положеніе университета потерпѣли значительный ущербъ и нынѣ оказываются столь неудовлетворительными, что возникаетъ надобность въ дальнѣйшемъ крупномъ увеличеніи средствъ и въ значительныхъ ассигнованіяхъ на строительныя нужды“. Не смотря на чрезвычайно обстоятельное объясненіе по поводу этого замѣчанія, послѣдовавшее со стороны ректора университета отъ 12-го сентября 1898 года, министерство народнаго просвѣщенія вынуждено было отложить дальнѣйшіе шаги въ этомъ дѣлѣ до слѣдующаго года.

Дѣйствительно, 17-го марта 1899 года со стороны ректора А. С. Будиловича возбуждено было новое ходатайство по тому же вопросу о штатѣ, при чемъ послѣдній выведенъ былъ въ суммѣ 412.000 р., и такимъ образомъ испрашивалась прибавка къ существующему штату

[1]) *А. Будиловичъ.* Юрьевскій университетъ. Нѣсколько документальныхъ справокъ. Рига. 1897, стр. 22—29.

въ 131.976 р. 15 к. Не имѣя надежды на удовлетвореніе ходатайства и на этотъ разъ въ цѣломъ его объемѣ, министерство народнаго просвѣщенія просило объ ассигнованіи для Юрьевскаго университета по крайней мѣрѣ 30.000 р. ежегодной прибавки на совершенно неотложныя нужды, но отъ министерства финансовъ послѣдовалъ отвѣтъ, что „вслѣдствіе значительныхъ затратъ казны на мѣропріятія по охраненію государства отъ чумы и послѣдствій недорода“ удовлетвореніе этого ходатайства не представляется возможнымъ, но что не встрѣчается препятствій со стороны министерства финансовъ просить государственный совѣтъ о единовременномъ ассигнованіи 30.000 р. на покрытіе дефицитовъ по содержанію университета въ 1900 году; министръ финансовъ былъ того мнѣнія, что настоящее финансовое затрудненіе университета есть лишь „явленіе временное“. На это потребовалось новое представленіе ректора уже прямо, для ускоренія дѣла, министру народнаго просвѣщенія, отъ 11-го ноября 1899 года; заканчивая его, ректоръ писалъ: „громадный дефицитъ въ бюджетѣ штатныхъ суммъ Юрьевскаго университета не можетъ быть восполненъ ни крайней бережливостью, ни самымъ напряженнымъ развитіемъ спеціальныхъ средствъ университета, а по необходимости долженъ вести либо къ пропорціональному сокращенію его научной и учебной дѣятельности, что, конечно, не могло бы не компрометировать всего дѣла реформы, либо къ еще большему накопленію долговъ за всѣми почти институтами этого учрежденія“. Въ самомъ дѣлѣ, къ 1900 году дефицитъ университета простирался до 33.687 р., и результатомъ всей этой серіи ходатайствъ явилось лишь высочайше утвержденное 6-го марта 1900 года мнѣніе государственнаго совѣта объ единовременномъ отпускѣ университету на уплату накопившихся долговъ 30.000 р., а незадолго передъ тѣмъ и внѣ связи съ этими общими ходатайствами положено было въ февралѣ 1900 года отпускать изъ казны ежегодно, въ дополненіе къ штату, по 1.800 р. „на научныя и учебныя надобности ботаническаго сада“.

Отзвукомъ этихъ непрерывныхъ ходатайствъ университета объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія являются и слѣдующія слова новаго попечителя А. Н. Шварца, въ представленіи въ министерство отъ 12-го мая 1900 года: „Запущенность и бѣдность нѣкоторыхъ важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, особенно клиникъ, таковы, что оставлять ихъ далѣе въ такомъ же положеніи невозможно; судебные иски, возбужденные противъ отдѣльныхъ институтовъ, лишенныхъ возможности производить научныя из-

слѣдованія, не дѣлая иногда довольно крупныхъ долговъ, являются позорящимъ обстоятельствомъ для высшаго учебнаго заведенія въ краѣ, зорко слѣдящемъ за всѣмъ, что дѣлается въ этомъ заведеніи, и, наконецъ, невозможность промовировать профессоровъ, имѣющихъ право на дальнѣйшее движеніе, ставитъ университетъ въ крайне печальную необходимость терять прекрасныхъ преподавателей, и замѣнять ихъ молодыми людьми, нерѣдко не имѣющими даже ученыхъ степеней, такъ какъ только таковые обнаруживаютъ желаніе начать службу при тѣхъ сравнительно тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ приходится служить на окраинахъ" [1]).

Но не смотря на всѣ эти ходатайства, Юрьевскій университетъ такъ и остался до конца описываемаго періода при старомъ штатѣ, перенося, конечно не безъ ущерба дѣлу, всю тяжесть своихъ ежегодныхъ дефицитовъ на спеціальныя средства. Что же касается тѣхъ внутреннихъ послѣдствій, которыя неминуемо должны были явиться результатомъ столь ненормальнаго положенія вещей, то въ этомъ отношеніи можно привести здѣсь слѣдующія слова А. С. Будиловича съ неменьшимъ, если не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ съ какимъ они были написаны десять лѣтъ тому назадъ: „Такъ какъ законъ экономическихъ явленій, въ ихъ взаимодѣйствіи съ прочими культурными факторами, имѣетъ не мѣстное лишь, но общее распространеніе и примѣненіе, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Юрьевъ составитъ въ этомъ отношеніи какое-нибудь исключеніе на всю Россію или Европу; что если въ Кіевѣ, Харьковѣ, Казани правильная постановка преподаванія на четырехъ факультетахъ стоитъ круглымъ счетомъ 400.000 р. въ годъ, чему приблизительно соотвѣтствуютъ нормальные бюджеты и нынѣшнихъ университетовъ Германіи или Франціи, то абсолютно невозможна такая же постановка преподаванія въ Юрьевскомъ университетѣ, съ его пятью факультетами, за 271.000 р.; что слѣдовательно преподаваніе будетъ вестись въ немъ безъ должной полноты и правильности, и достигаемые имъ результаты не могутъ быть вполнѣ удовлетворительны, доколѣ этотъ бюджетный недочетъ будетъ существовать; что, наконецъ, Юрьевскій университетъ лишь тогда можетъ окрѣпнуть въ своей организаціи и стать еще болѣе могущественнымъ центромъ притяженія для студенчества, чѣмъ какимъ онъ безспорно является въ настоящее время—когда и онъ бу-

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 61, 1893 года; № 115, 1895 года.

детъ снабженъ тѣми же матеріальными средствами для своего укрѣпленія и развитія, какія предоставлены нынѣ всѣмъ, безъ исключенія, его собратьямъ въ Россіи, Германіи и Франціи“ [1]).

Почти совершенно внѣ этой преобразовательной работы надъ разными частями университетской учебно-административной системы оказался богословскій факультетъ, одинъ оставшійся представителемъ стараго университетскаго строя, одинъ удержавшій цѣликомъ нѣмецкій языкъ преподаванія. Конечно, онъ не могъ не вносить извѣстной дисгармоніи въ новую систему; это чувствовалось представителями ближайшей къ университету административной власти, со стороны которыхъ, въ эпоху реформы, исходили проекты о выдѣленіи этого факультета изъ состава университета и перенесеніи его въ другой городъ. Такъ, попечитель М. Н. Капустинъ, въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія отъ 28-го февраля 1887 года, говоря о цѣлесообразности выдѣленія дерптскаго богословскаго факультета изъ состава университета, между прочимъ писалъ: „Въ самой Пруссіи для богословскаго образованія существуютъ два отдѣльныя учрежденія: Богословская академія въ Мюнстерѣ и Lyceum Hosianum въ Браунсбергѣ. Тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ представляется такое выдѣленіе у насъ; учебное заведеніе въ Петербургѣ или въ Москвѣ съ большей пользой могло бы приготовлять пасторовъ для всей Россіи. Служба питомцевъ такого, находящагося въ центрѣ Россіи, училища принесла бы большую пользу лютеранской церкви, потому что богословское образованіе было бы свободно отъ тѣхъ мѣстныхъ условій и отношеній, въ которыя поставило себя духовенство Прибалтійскихъ губерній“ [2]). Въ 1890-хъ годахъ ректоромъ А. С. Будиловичемъ не разъ возбуждался этотъ вопросъ въ связи съ другими сторонами реформы университета, въ томъ же смыслѣ, какъ и М. Н. Капустинымъ, но безуспѣшно. Наконецъ, вопросъ о богословскомъ факуль-

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, № 9, стр. 31.— Закончивъ обзоръ приведенныхъ выше измѣненій и дополненій къ уставу 1865 года, замѣтимъ здѣсь, что, для удобства пользованія имъ въ этомъ измѣненномъ видѣ, ему дана была новая формулировка въ ч. 1 т. XI „Свода Законовъ“ изданія 1893 года, §§ 560—650, стр. 90—104. Въ этой формулировкѣ, представляющей собою соединеніе удержаннаго въ силѣ стараго съ узаконеннымъ новымъ, всего 91 §§ вмѣсто прежнихъ 89. При сравненіи обоихъ текстовъ оказывается, что изъ текста 1865 года совершенно исключены §§ 35, 77, 83, 85, 87, 88, 89; затѣмъ §§ 47 и 48 соотвѣтствуютъ въ текстѣ 1893 года §§ 605, 606, 607 и § 70—§§ 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637.

[2]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 94, 1886 года.

тетѣ обсуждался съ двухъ, прямо противоположныхъ точекъ зрѣнія, въ совѣтѣ университета въ 1901 году, когда, согласно предложенію министра народнаго просвѣщенія, подвергались обсужденію вообще „вопросы относительно желательнаго устройства университетовъ“, а также въ 1902 году въ министерской „комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній“: и тамъ и тутъ рѣшенъ онъ былъ въ смыслѣ оставленія богословскаго факультета по прежнему въ составѣ университета [1]).

III.

Личный составъ университетской администраціи, ректоры и проректоры.—Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ; профессора-иностранцы; ихъ положеніе до реформы и послѣ нея.—Измѣненіе преподавательскаго состава вслѣдствіе реформы.—Личный составъ отдѣльныхъ каѳедръ по факультетамъ.—Каѳедра православнаго богословія.—Преподаваніе богословія римско-католическаго.

Обращаемся теперь къ обозрѣнію личныхъ перемѣнъ, въ описываемый періодъ, въ должностяхъ ректора, проректора, профессоровъ и преподавателей университета.

Послѣ Фр. Г. Биддера, профессора физіологіи, бывшаго ректоромъ въ новый періодъ менѣе мѣсяца, до 5-го февраля 1865 года [2]), и немало потрудившагося на этой должности, при выработкѣ новаго устава въ университетскую стадію его подготовки, въ качествѣ выборныхъ ректоровъ являются: профессоръ государственнаго врачебновѣдѣнія Г. Г. фонъ-Самсонъ-Гиммельстіернъ (1865—1868), профессоръ офталмологіи Георгъ фонъ-Эттингенъ (1868—1876), профессоръ римскаго права О. Ф. Мейковъ (1876—1881), профессоръ хирургіи Э. фонъ-Валь (1881 — 1885), профессоръ физіологіи А. Шмидтъ (1885—1890), послѣдній ректоръ по избранію. Преемникомъ ему по ректурѣ, въ силу высочайшаго повелѣнія 20-го ноября 1889 года, назначенъ былъ уже ранѣе бывшій въ этой должности О. Ф. Мейковъ (съ 18-го января 1890 по 27-е сентября 1892 года), за которымъ слѣдовалъ профессоръ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, бывшій до этого деканъ историко-филологическаго факультета Варшавскаго университета, А. С. Будиловичъ (съ 27-го сентября 1892

---

[1]) Труды высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній. На правахъ рукописи. Вып. I, С.-Пб. 1903, стр. 139—140. 316—320.

[2]) Ср. т. I, стр. 395.

по 18-е мая 1901 года); послѣднимъ ректоромъ описываемаго періода былъ профессоръ государственнаго права А. Н. Филипповъ, назначенный на эту должность 25-го іюня 1901 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что главная тяжесть проведенія реформы университета на мѣстѣ пала на О. Ф. Мейкова и особенно на А. С. Будиловича, потратившихъ на это дѣло много труда и неустанной энергіи, при обстоятельствахъ очень тяжелыхъ, но мы думаемъ, что въ настоящее время было бы очень трудно дать полную оцѣнку ихъ дѣятельности, занимающей въ новѣйшей исторіи Юрьевскаго университета очень видное мѣсто. Приведемъ здѣсь лишь слова, сказанныя профессоромъ А. М. Гуляевымъ по поводу смерти О. Ф. Мейкова, скончавшагося 5-го февраля 1894 года: „Свободный отъ узости взглядовъ, вырабатываемой тѣсными границами мѣстныхъ условій, онъ былъ патріотомъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ патріотъ—онъ сознавалъ, что необходимо вдунуть душу живу въ обветшалую храмину мѣстной жизни; онъ чуялъ, что *новыя* силы должны обновить строй жизни, сложившійся исторически; онъ ждалъ обновленія своего родного края отъ притока свѣжихъ силъ со всѣхъ сторонъ нашего обширнаго отечества. Горячо преданный этой идеѣ, онъ былъ ея твердымъ выразителемъ и неуклонно проводилъ ее въ жизни учрежденія, призваннаго по преимуществу къ разрушенію предразсудковъ, сложившихся исторически, но уже утратившихъ свой смыслъ. Онъ шелъ на встрѣчу новымъ вѣяніямъ, глубоко вѣруя въ ихъ плодотворность. Онъ былъ борцомъ за эту идею“ [1]).

Проректорами были, по избранію: послѣ Георга фонъ-Эттингена (до 4-го февраля 1866 года) профессора К. Х. Руммель (1866—1867), Авг. М. фонъ-Бульмерингъ (1867—1870), Освальдъ Шмидтъ, избранный четыре раза подрядъ (1870—1882), І. Г. Драгендорфъ, избранный два раза (1882 — 1887), А. Г. Брикнеръ (1888 — 1891); по назначенію: Отто Вальцъ (1891—1893) и А. Н. Филипповъ (1893—1895), занимавшій эту должность вплоть до ея упраздненія 18-го іюля 1895 г.

Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ въ описываемый періодъ совершалось, до высочайшаго повелѣнія 20-го ноября 1889 года, путемъ избранія въ факультетахъ и совѣтѣ и окончательнаго утвержденія избраннаго кандидата министромъ народнаго просвѣщенія, согласно § 48 устава 1865 года. Хотя въ практикѣ университетской жизни

[1]) Памяти О. Ф. Мейкова. Ученыя Записки И. Ю. У. 1894, № 1.

бывали случаи незамѣщенія, по разнымъ обстоятельствамъ, нѣкоторыхъ каѳедръ въ теченіе болѣе, чѣмъ годового срока, однако министерство народнаго просвѣщенія вообще не пользовалось своимъ правомъ, предоставленнымъ ему тѣмъ же § 48 устава, назначать профессоровъ собственною властью. Впрочемъ, случаи неутвержденія избранныхъ совѣтомъ кандидатовъ были; именно, не получили утвержденія: д-ръ Стефанъ Барановскій, избранный 12-го мая 1867 года на каѳедру русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще; В. О. Ключевскій, избранный 7-го апрѣля 1870 года на каѳедру русской исторіи; К. М. Бергбомъ, избранный 16-го марта 1884 года на каѳедру государственнаго и народнаго права; д-ръ Павелъ Наторпъ, избранный 24-го мая 1889 года на каѳедру философіи и педагогики, и д-ръ Фридрихъ Кеппъ, избранный 23-го сентября 1889 года на каѳедру древне-классической филологіи и археологіи. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ неутвержденіе объясняется тѣмъ, что избраніе этихъ двухъ иностранцевъ, не владѣвшихъ русскимъ языкомъ, было въ противорѣчіи съ рѣшеннымъ уже дѣломъ реформы, въ основѣ которой лежало введеніе преподаванія въ университетѣ на государственномъ языкѣ; В. О. Ключевскій не былъ утвержденъ по неимѣнію тогда степени магистра. Былъ одинъ случай, когда министерство вынуждено было взять назадъ свое уже данное утвержденіе: это именно—по поводу избранія совѣтомъ 6-го ноября 1887 года на каѳедру чистой математики Фердинанда Каспари, лица іудейскаго исповѣданія, но на предварительный офиціальный запросъ объ этомъ факультета отвѣтившаго, что онъ лютеранинъ; хотя послѣдовавшее затѣмъ разъясненіе со стороны этого въ научномъ отношеніи весьма достойнаго кандидата могло въ нѣкоторой степени смягчить произведенное такимъ уклоненіемъ отъ истины неловкое впечатлѣніе, однако Каспари не былъ допущенъ къ занятію уже было предоставленной ему министерскимъ утвержденіемъ профессуры въ Дерптѣ [1]).

Въ дореформенное время былъ, впрочемъ, сколько намъ извѣстно, одинъ случай, когда назначеніе профессора послѣдовало, по высочайшему повелѣнію, независимо отъ избранія совѣта, именно въ 1887 году уже выслужившаго передъ тѣмъ 30-лѣтній срокъ учебной службы профессора римскаго права О. Ф. Мейкова; оцѣнку этого шага дало само министерство въ томъ смыслѣ, что только благодаря этой мѣрѣ „сохранена была полезная дѣятельность Мейкова“ для университета,

---

[1]) Біографическій Словарь, I. 176—177.

который „въ послѣдніе годы лишился многихъ полезныхъ преподавателей, вынужденныхъ прекратить свою дѣятельность въ виду неблагосклоннаго отношенія къ нимъ партіи большинства" [1]). Съ другой стороны, въ эпоху реформы, именно начиная со второй половины 1890-хъ годовъ, при господствѣ принципа назначенія, бывали случаи, когда министерство обращалось или къ факультетамъ и совѣту, или только къ факультетамъ за указаніемъ или оцѣнкой соотвѣтствующихъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры, при чемъ министерство или утверждало представленнаго кандидата, если онъ былъ одинъ, или выбирало одного изъ нѣсколькихъ представленныхъ, или, совершенно устраняя университетскаго избранника, назначало своего кандидата. Въ самое послѣднее время, когда выяснилось, что процедура оцѣнки кандидатовъ послѣдовательно въ факультетахъ и совѣтѣ бывала нерѣдко очень продолжительна, не обходилась безъ острой борьбы партій, сопровождалась обыкновенно подачей „особыхъ мнѣній" и тѣмъ самымъ задерживала въ значительной степени своевременное замѣщеніе вакансій, министерство обратилось, отъ 26-го іюля 1903 года черезъ попечителя къ факультетамъ, съ предложеніемъ, именно въ интересахъ скорѣйшаго замѣщенія вакантныхъ каѳедръ, ограничить обсужденіе достоинствъ кандидатовъ только факультетской средой и, не передавая дѣла въ совѣтъ, представлять своихъ избранниковъ, черезъ ректора и попечителя, прямо въ министерство на утвержденіе.

Въ вопросѣ о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ до реформы, т. е. до введенія русскаго языка преподаванія, по прежнему играли очень видную роль иностранцы. Ученая производительность Дерптскаго университета, въ отношеніе подготовки молодыхъ людей къ дальнѣйшему самостоятельному занятію наукой, даже въ самое цвѣтущее время 1840-хъ и 1850-хъ годовъ, никогда не была настолько велика, чтобы давать возможность университету, при замѣщеніи профессорскихъ вакансій, обходиться собственными силами, не прибѣгая къ помощи заграничныхъ, главнымъ образомъ, германскихъ, университетовъ; съ половины же 1860-хъ и по конецъ 80-хъ годовъ эта необходимость обращаться заграницу была еще чувствительнѣе. Мы видѣли [2]), что министерство народнаго просвѣщенія и самъ императоръ Николай I въ 1840-ые и 1850-ые годы несочувственно смотрѣли на приглашеніе

---

[1]) Сборникъ постановленій, XI. 852—853.
[2]) Т. I, стр. 400—401.

иностранцевъ, приливъ которыхъ въ Дерптъ одно время совершенно прекратился; однако, съ новымъ царствованіемъ наступила въ этомъ отношеніи нѣкоторая перемѣна, и Дерптскому университету въ 1859 году высочайше разрѣшено было снова приглашать профессоровъ изъ-за границы, при чемъ на покрытіе путевыхъ издержекъ выдавалось имъ сначала, какъ прежде, по 100 червонцевъ изъ казны, а затѣмъ даже по 150—200 червонцевъ. Хотя въ уставѣ 1865 года точно не опредѣлены матеріальныя условія приглашенія профессоровъ изъ-за границы, однако, каждый разъ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра финансовъ, выдавалось изъ казны иностранцамъ на путевыя издержки пособіе въ указанномъ размѣрѣ, а потомъ съ 1869 года—обыкновенно по 85 полуимперіаловъ, и только въ 1886 году порядокъ этотъ былъ отмѣненъ: иностранцы получали возмѣщеніе своихъ расходовъ по переѣзду въ Россію изъ спеціальныхъ суммъ университета, по усмотрѣнію послѣдняго. Между тѣмъ, въ пору болѣе благосклоннаго взгляда правительства на приглашеніе въ Дерптъ иностранцевъ, въ самомъ университетѣ, особенно въ 1870-хъ годахъ, въ средѣ профессоровъ мѣстнаго балтійскаго происхожденія и воззрѣній образовалось настроеніе не въ пользу коллегъ-иностранцевъ, находившее себѣ пищу въ одностороннихъ балтійскихъ взглядахъ на общественныя и культурныя задачи Дерптскаго университета; какъ мы отчасти видѣли уже [1]), профессора-иностранцы не всегда оказывались въ готовности дѣлить со своими балтійскими товарищами эти ихъ политическія воззрѣнія и смотрѣли на свою службу въ Дерптѣ большею частію лишь съ научно-учебной точки зрѣнія. Въ виду этого, для балтійскаго большинства оказывалось желательнымъ по возможности ограничить приглашеніе въ Дерптъ иностранцевъ и замѣщать вакантныя каѳедры своими, мѣстными, силами. Важнымъ къ тому препятствіемъ было имѣвшее силу Высочайше утвержденное 1-го марта 1838 года мнѣніе комитета министровъ, по которому отъ русскихъ подданныхъ—въ данномъ случаѣ балтійскаго происхожденія—требовалась для профессуры степень доктора, пріобрѣтенная въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, а для иностранцевъ только репутація, по необходимости часто весьма условная, „извѣстнаго ученаго“; докторская же степень пріобрѣталась заграницей весьма легко. И вотъ, въ 1875 году, по почину ректора Георга фонъ-Эттингена, совѣтъ университета обратился въ министерство съ ходатай-

[1]) Т. I, стр. 415—416. 434—435.

ствомъ объ измѣненіи формальныхъ условій, при замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ, указанныхъ § 46 устава 1865 года, по которому „для полученія званія ординарнаго профессора требуется степень доктора, а для достиженія званія экстраординарнаго профессора и доцента надлежитъ имѣть по крайней мѣрѣ степень магистра"; совѣтъ именно ходатайствовалъ о томъ, чтобы служба „русскаго подданнаго" въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ, независимо отъ рода ея или срока, была признана съ формальной стороны достаточной, при пріобрѣтеніи имъ докторской степени въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ, для приглашенія его на вакантную каѳедру въ Дерптскій университетъ; мотивомъ приводилось то обстоятельство, что съ улучшеніемъ матеріальныхъ условій службы въ германскихъ университетахъ, становится труднѣе и труднѣе для Дерптскаго университета получать оттуда достойныя ученыя силы, которыя, при переходѣ въ Дерптъ, не могутъ разсчитывать на соотвѣтственное матеріальное вознагражденіе. Попечитель А. А. Сабуровъ въ общемъ отнесся вполнѣ сочувственно къ этому ходатайству, но въ своемъ представленіи министру, отъ 22-го декабря 1875 года, видоизмѣнилъ его въ томъ смыслѣ, что ученая степень заграничнаго университета можетъ быть достаточной для „русскаго подданнаго" при выборѣ его на профессуру въ Дерптъ лишь при томъ условіи, если онъ уже или занимаетъ должность ординарнаго профессора въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ или прослужилъ тамъ либо не менѣе двухъ лѣтъ экстраординарнымъ профессоромъ, либо не менѣе пяти лѣтъ въ званіи доцента; такая же служба въ какомъ-либо высшемъ русскомъ учебномъ заведеніи могла бы быть, при тѣхъ же остальныхъ условіяхъ, приравнена для „русскаго подданнаго" къ службѣ заграницей. Но ходатайство это было, повидимому, пріостановлено до подачи его въ министерство или не имѣло тамъ желательнаго успѣха [1]); во всякомъ случаѣ, въ той формѣ, какую далъ этому ходатайству попечитель, удовлетвореніе его не представляло для совѣтскаго большинства въ университетѣ ничего особенно привлекательнаго. Само собою понятно, что подъ „русскими подданными" въ сущности, если не по формѣ, разумѣлись тутъ именно мѣстныя балтійскія ученыя силы, такъ какъ лица русскаго происхожденія изъ другихъ университетовъ Россіи не могли проникать, за весьма рѣдкими исключеніями, въ

---

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 255, 1875 года.

Дерптъ, въ силу нѣмецкаго языка преподаванія. Эта отчужденность не только отъ Россіи, но и отъ Германіи и стремленіе къ еще большему отчужденію отъ послѣдней—хотя, быть можетъ, и оправдываемое нѣкоторыми указанными внѣшними причинами—дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ то, что и въ самой балтійской средѣ, особено въ 1870-ые годы, раздавались болѣе трезвые и объективные голоса противъ этой односторонней и исключительной точки зрѣнія [1]). Въ послѣдніе годы передъ реформой и министерство народнаго просвѣщенія, какъ мы видѣли, отрицательно относилось къ приглашенію въ Дерптъ иностранцевъ, что вполнѣ было естественно въ виду предпринятой реформы касательно языка преподаванія и о чемъ писалъ графъ И. Д. Деляновъ попечителю Капустину отъ 9-го января 1889 года, ссылаясь на личное указаніе въ этомъ смыслѣ императора Александра III.

Тѣмъ не менѣе, въ силу обстоятельствъ, число профессоровъ-иностранцевъ въ описываемый періодъ до реформы было довольно велико. Это были, въ большинствѣ случаевъ, до прибытія въ Дерптъ приватъ-доценты и доценты разныхъ германскихъ университетовъ, иногда ассистенты или гимназическіе учителя, но съ нѣкоторымъ ученымъ именемъ и трудами; иногда бывали случаи и перехода въ Дерптъ профессоровъ германскихъ университетовъ, стремившихся въ Дерптскомъ университетѣ болѣе или менѣе прочно обосноваться. Но большинство иностранцевъ смотрѣло на Дерптъ лишь какъ на переходную ступень для дальнѣйшаго движенія по службѣ въ Германіи и покидало его при первой же возможности перейти на соотвѣтствующее мѣсто у себя на родинѣ: такимъ образомъ, можно насчитать не мало такихъ лицъ изъ иностранцевъ, которыя оставались на службѣ въ Дерптѣ менѣе одного пятилѣтія, иные—два и даже одинъ годъ [2]). Самыми обильными по приглашенію иностранцевъ были годы: 1873, 1876, 1879, 1883, 1884, 1885, 1888 и 1889—по три и по четыре лица въ годъ. Всего приглашено было за описываемый періодъ, т. е. въ сущности за годы 1865—1889, около 50 иностранцевъ, и утверждены въ своихъ должностяхъ свыше 40; остальные или не были утверждены, или сами отказались, получивъ, во время переговоровъ съ Дерптомъ, приглашеніе гдѣ-нибудь въ предѣлахъ Германіи; иностранцы не изъ Германіи являлись въ Дерптѣ рѣдчайшимъ исключе-

---

[1]) Т. I, стр. 31—33.

[2]) *А. Будиловичъ*, Юрьевскій университетъ. Нѣсколько документальныхъ справокъ. Рига. 1897, стр. 16.

ніемъ. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ Дерптъ получалъ въ годъ по два новыхъ иностранца; болѣе пользовались ими факультеты историко-филологическій, медицинскій и физико-математическій, гораздо менѣе—богословскій и юридическій, для пополненія профессорскаго состава которыхъ университетъ въ значительной степени располагалъ своими кандидатами. Бывали случаи, когда совѣтъ имѣлъ возможность выбирать между двумя иностранными кандидатами или между своимъ и иностранцемъ, при чемъ—справедливость требуетъ отмѣтить—не всегда выборъ останавливался на своемъ кандидатѣ, хотя это такъ было въ большинствѣ случаевъ. Изъ иностранцевъ, избранныхъ совѣтомъ, но взявшихъ свою кандидатуру назадъ, назовемъ тутъ: Рихарда Гильдебранда (по каѳедрѣ географіи, этнографіи и статистики, въ 1873 году), Павла Петруски (по каѳедрѣ сельскаго хозяйства и технологіи, въ 1875 году), Рихарда Фалькенберга (по каѳедрѣ философіи и педагогики, въ 1888 году), Франца Студничку (по каѳедрѣ древне-классической филологіи и археологіи, въ 1889 году). Къ числу профессоровъ описываемаго періода до реформы, дѣятельность которыхъ до приглашенія ихъ въ Дерптскій университетъ протекала въ Россіи внѣ Остзейскаго края, относятся, кромѣ профессоровъ православнаго богословія П. П. Алексѣева и П. Е. Образцова, еще: А. А. Котляревскій, П. А. Висковатовъ, А. Г. Брюкнеръ, И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ, Б. А. Керберъ, І. В. Вейссъ; послѣдній, впрочемъ, совсѣмъ не вступалъ въ должность, предпочтя, несмотря на избраніе въ Дерптѣ, другой родъ службы въ предѣлахъ Россіи.

Реформа университета, фактически предпринятая въ 1889 году, выдвинула естественнымъ образомъ, вмѣсто иностранныхъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры, научныя силы—преимущественно молодыя—изъ внутренней Россіи, и, такимъ образомъ, вопросъ о снабженіи Юрьевскаго университета профессорами получилъ съ этого времени совершенно новую постановку. Къ концу описываемаго періода занимали профессорскія каѳедры въ Юрьевскомъ университетѣ и преподавали на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующія лица иностраннаго подданства: І. І. Квачала—на богословскомъ факультетѣ, А. С. Рауберъ и В. В. Кохъ—на медицинскомъ, Р. П. Мукке—на историко-филологическомъ и Ю. Г. фонъ-Кеннель—на физико-математическомъ: всего пять лицъ или, строго говоря, четыре, такъ какъ на богословскомъ факультетѣ и русскіе подданные читаютъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Чтеніе лекцій на нѣмецкомъ языкѣ профессорами-иностранцами, которыхъ нельзя было обязать къ переходу въ преподаваніи на русскій

языкъ, создавало, конечно, въ учебномъ смыслѣ извѣстныя неудобства, особенно съ 1897 года, когда въ Юрьевскій университетъ былъ открытъ доступъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, обладаніе нѣмецкимъ языкомъ со стороны которыхъ могло быть только весьма рѣдкимъ исключеніемъ; студенты этой категоріи принуждены были, въ силу необходимости, восполнять по нѣкоторымъ предметамъ непонятныя имъ лекціи полуофиціальнымъ репетиторствомъ и переводомъ со стороны недостаточно подготовленныхъ въ научномъ отношеніи лицъ, платя за это до 5 руб. въ семестръ. По поводу одного такого читаемаго по-нѣмецки предмета, попечитель округа, въ своемъ представленіи министерству отъ 15-го іюля 1898 года, указывалъ на необходимость „устранить то невозможное положеніе русскихъ студентовъ, не понимающихъ лекцій на нѣмецкомъ языкѣ, въ какомъ они находились въ послѣдніе два учебныхъ года"; отвѣтомъ на это ходатайство было назначеніе 14-го декабря 1898 года сверхштатнаго профессора по каѳедрѣ зоологіи, А. Н. Сѣверцова, для чтенія параллельныхъ курсовъ этого предмета на русскомъ языкѣ. Другія каѳедры съ единственными нѣмецкими ихъ представителями не получили однако же подобнаго, столь важнаго въ учебныхъ интересахъ юрьевскаго студенчества, корректива.

Переходимъ теперь къ обзору профессорскаго и преподавательскаго состава по факультетамъ.

На богословскомъ факультетѣ каѳедру экзегетическаго богословія, послѣ І. Г. Курца (1858—1870), занимали Гейнрихъ-Фердинандъ Мюлау (1870—1895) и Альфредъ Зебергъ (съ 1895 года); кромѣ того, въ качествѣ приватъ-доцентовъ, этотъ предметъ преподавали: Робертъ Тилингъ (1878—1880), Александръ фонъ-Бульмерингъ (1895—1898), Карлъ-Конрадъ Грассъ (съ 1895 года) и Іоаннъ Фрей (съ 1898 года). По каѳедрѣ историческаго богословія состояли, послѣ Морица фонъ-Энгельгардта (1859—1881), Нафанаилъ Бонвечъ (1882—1891), Іоаннъ Гауслейтеръ (1892—1893) и Іоаннъ Квачала (съ 1893 года); вмѣстѣ съ тѣмъ, доцентомъ по этой каѳедрѣ въ 1875 году былъ назначенъ Адольфъ Гарнакъ, но фактически въ исполненіе обязанностей не вступалъ, а позднѣе сначала приватъ-доцентомъ, потомъ доцентомъ былъ Александръ Берендтсъ (съ 1895 года). Систематическое богословіе имѣло своими представителями Александра фонъ-Эттингена (1856—1890) и Іоанна-Германа Керстена (съ 1891 года), а въ качествѣ приватъ-доцента и доцента одно время преподавалъ Рейгольдъ Зебергъ (1884—1889). На каѳедрѣ практическаго богосло-

вія состояли, послѣ Арнольда-Фридриха Христіани (1852—1865), Фердинандъ Гершельманъ (1875—1900) и Вильгельмъ Бергманъ (съ 1901 года, бывшій съ 1898 года приватъ-доцентомъ по этой каѳедрѣ); кромѣ того, въ качествѣ доцента преподавалъ этотъ предметъ съ 1858 по 1875 годъ Іоаннъ Люткенсъ. Каѳедра семитическихъ языковъ была представлена Вильгельмомъ Фолькомъ (1864—1898) и Александромъ фонъ-Бульмерингомъ (съ 1898 года); въ качествѣ же приватъ-доцента преподавалъ по ней Оттонъ-Эмилій Зеземанъ (съ 1900 г.).

На юридическомъ факультетѣ каѳедра римскаго права была представлена, кромѣ О. Ф. Мейкова (1858—1892), Симономъ-Германомъ Шоттомъ (1885—1887), Евгеніемъ Вячеславовичемъ Пассекомъ (съ 1893 года, а съ 1891 года доцентъ), Алексѣемъ Михайловичемъ Гуляевымъ (1891—1894, а съ 1890 года доцентъ), Александромъ Сергѣевичемъ Кривцовымъ (съ 1897 года), а также доцентами Давидомъ Давидовичемъ Гриммомъ (1889—1891) и Іосифомъ Алексѣевичемъ Покровскимъ (1894—1896). По каѳедрѣ уголовнаго права мы видимъ, послѣ Франца-Виктора Циглера (1852—1877), Вольдемара фонъ-Роланда (1878—1892) и Петра Павловича Пустороcлева (съ 1892 года). Каѳедру русскаго права, до преобразованія ея въ 1889 году въ каѳедру исторіи русскаго права, занималъ Иванъ Егоровичъ Энгельманъ, назначенный послѣ реформы профессоромъ русскаго гражданскаго права и судопроизводства (1860—1900); послѣ преобразованія каѳедра русскаго права была предоставлена Михаилу Александровичу Дьяконову (съ 1889 года). На двухъ, а потомъ съ 1889 года на одной каѳедрѣ мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, были, кромѣ Карла-Христіана фонъ-Руммеля (1845—1872), Освальдъ Шмидтъ (1866—1900, съ 1860 года приватъ-доцентъ), Карлъ-Эдуардъ Эрдманъ (1872—1893, съ 1870 года приватъ-доцентъ), Левъ Аристидовичъ Кассо (1893—1895), бывшій до того доцентомъ церковнаго права, и А. С. Кривцовъ, перешедшій потомъ на каѳедру римскаго права, какъ указано выше (1896—1897). На каѳедрѣ русскаго гражданскаго права и судопроизводства, возникшей только послѣ реформы, мы видимъ, кромѣ И. Е. Энгельмана, Василія Михайловича Нечаева (1893—1902). Каѳедру государственнаго права, послѣ Августа Бульмеринга (1856—1875), занимали Эдгаръ-Фридрихъ Лёнингъ (1877—1883), а послѣ реформы Иванъ Ивановичъ Дитятинъ (1889—1892) и Александръ Никитичъ Филипповъ (1892—1903); въ промежутокъ времени, когда эта каѳедра была вакантна, преподаваніе по ней велъ приватъ-доцентъ, а потомъ

доцентъ Карлъ Бергбомъ (1876—1893). На учрежденныхъ въ 1889 году сперва доцентурахъ, а потомъ профессурахъ состояли: по торговому праву—Александръ Серафимовичъ Невзоровъ (съ 1890 года), по международному праву—Владиміръ Эммануиловичъ Грабарь (съ 1893 года), по полицейскому праву—Владиміръ Өедоровичъ Дерюжинскій (1891—1895) и Николай Николаевичъ Бѣлявскій (съ 1894 года), по энциклопедіи права—Адамъ Францовичъ Зачинскій (съ 1889 года), по финансовому праву—Митрофанъ Петровичъ Петровъ (1891—1894) и Орестъ Ивановичъ Остроградскій (съ 1895 года), по церковному праву—Л. А. Кассо (1892—1893) и Михаилъ Егоровичъ Красноженъ (съ 1893 года), по политической экономіи и статистикѣ—Николай Александровичъ Карышевъ (1891—1893) и Александръ Николаевичъ Миклашевскій (съ 1896 года).

На медицинскомъ факультетѣ по каөедрѣ анатоміи, послѣ Эрнеста-Андрея Рейснера (1853—1875), состояли: Христіанъ-Германъ Стида (1875—1885, въ 1862—1864 приватъ-доцентъ, съ 1866 прозекторъ въ званіи экстраординарнаго профессора) и Августъ Рауберъ (съ 1866 года); кромѣ того, въ должности прозекторовъ были Адамъ Викшемскій (1875—1889) и Германъ Адольфи (съ 1891 года). Каөедру физіологіи, послѣ Фридриха-Генриха Биддера (1833—1869), занимали Александръ Шмидтъ (1869—1894, въ 1862—1864 приватъ-доцентъ и доцентъ), Василій Николаевичъ Поповъ (1894—1895) и Василій Палладіевичъ Курчинскій (съ 1896 года); приватъ-доцентами и доцентами, преимущественно для преподаванія физіологической химіи, были Карлъ Гетгенсъ (1868—1874), Густавъ фонъ-Бунге (1874—1885), Фридрихъ Крюгеръ (1893—1895) и Василій Васильевичъ Завьяловъ (1899—1901). Каөедру общей патологіи и патологической анатоміи занимали, послѣ Артура Бетхера (1860—1883), Рихардъ Тома (1884—1894) и Вячеславъ Алексѣевичъ Афанасьевъ (съ 1894 года); приватъ-доцентомъ былъ Германъ Рафаиловичъ Рубинштейнъ (1901—1902). На каөедрѣ фармакологіи, діэтетики и исторіи медицины, послѣ Рудольфа Бухгейма (1847—1867), мы видимъ Іоанна-Эрнста Шмидеберга (1869—1872, съ 1868 года доцентъ), Рудольфа-Альберта Бэма (1872—1881), Гана Мейера (1882—1884), Эдуарда-Рудольфа Коберта (1886—1897) и Станислава Іосифовича Чирвинскаго (1897—1902), а въ качествѣ приватъ-доцентовъ Валеріана Іосифовича Подвысоцкаго (1879—1885) и Георгія Петровича Свирскаго (съ 1899 года). По тремъ каөедрамъ частной патологіи и клиники (поликлиника и врачебная діагностика съ пропедевтикой, медицинская клиника, госпиталь-

ная клиника) мы видимъ, послѣ Адольфа Ваксмута (1860—1865) и Виктора Вейриха (1857—1869), Альфреда Фогеля (1866—1886), Адольфа Вейля (1886—1887), Бернгарда Наунинга (1869—1871), Фридриха Гофмана (1874—1886), Карла-Людвига Шультцена (1871—1872), Фридриха Шультце (1887—1888), Генриха Унферрихта (1889—1892), Степана Михайловича Васильева (1892—1902), Карла Константиновича Дегіо (съ 1886 года, доцентъ съ 1883) и Николая Александровича Савельева (съ 1898 года); кромѣ того, въ качествѣ доцентовъ и приватъ-доцентовъ по этимъ каѳедрамъ дѣйствовали: Густавъ Рейгеръ (1860—1883), Людвигъ Зенфъ (1872—1881), Ѳед. Меч. Опенховскій (1884—1888), Эрнстъ Штадельманъ (1887—1894) и Алексѣй Александровичъ Крупецкій (1897—1901) [1]). По двумъ каѳедрамъ хирургіи, послѣ Георга-Франца Адельмана (1841—1871) и Георга фонъ-Эттингена (1854—1865), являются Эрнстъ-Густавъ фонъ-Бергманъ (1871—1878, приватъ-доцентъ и доцентъ въ 1863—1864), Эдуардъ фонъ-Валь (1879—1890), Вильгельмъ Кохъ (съ 1890 года, доцентъ съ 1879), Максимиліанъ-Фридрихъ Цеге-фонъ-Мантейфель (съ 1899 года, приватъ-доцентъ съ 1889), Михаилъ Ивановичъ Дружининъ (съ 1895 года); кромѣ того, въ качествѣ приватъ-доцента, а потомъ доцента работалъ по этому предмету Карлъ Рейгеръ (1872—1878). По каѳедрѣ офталмологіи мы видимъ Георга фонъ-Эттингена (1867—1879), Эдуарда Рельмана (1879—1900) и Ѳедора Орестовича Евецкаго (съ 1900 года). Каѳедра женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, послѣ Іоанна фонъ-Гольста (1859—1883), имѣла своими представителями Макса Рунге (1883—1888), Отто Кюстнера (1888—1893), Александра Петровича Губарева (1893—1897), Александра Александровича Муратова (1898—1901), Александра Николаевича Соловьева (съ 1901 года) и, въ качествѣ сверхштатнаго профессора, Павла-Леонгарда Кесслера (1896—1897, приватъ-доцентъ и доцентъ 1874—1896). Каѳедру государственнаго врачебновѣдѣнія занимали, послѣ Гвидо фонъ-Самсонъ-Гиммельстіерна (1844—1868), Викторъ Вейрихъ (1869—1876), бывшій до того на каѳедрѣ частной патологіи и клиники, Эдуардъ фонъ-Валь (1876—1878) до его перехода на каѳедру хирургіи, Бернгардъ Керберъ (1879—1895) и Аѳанасій Сергѣевичъ Игнатовскій (съ 1895 года). На каѳедрѣ гигіены, существующей въ видѣ второй профессуры государственнаго врачебновѣдѣнія, мы видимъ Сер-

---

[1]) Распредѣленіе этихъ лицъ по отдѣльнымъ каѳедрамъ см. въ Біографическомъ Словарѣ, т. II, стр. 112—185.

гѣя Ѳедоровича Бубнова (1895—1896) и Григорія Виталіевича Хлопина (съ 1896 года). Каѳедру фармаціи, послѣ Георга Драгендорфа (1864—1894), занялъ Иванъ Лаврентьевичъ Кондаковъ (съ 1895 года); приватъ-доцентами по этой каѳедрѣ состояли: Мельхіоръ Кубли (1866—1869), Адольфъ-Эдвинъ Іогансонъ (1878—1880), Карлъ Манделинъ (1883—1884) и Николай Ивановичъ Кромеръ (1893—1897). По каѳедрѣ психіатріи являются Германъ Эммингаузъ (1880—1886), Эмиль Крепелинъ (1886—1891) и Владиміръ Ѳедоровичъ Чижъ (съ 1891 года). Каѳедру эмбріологіи, гистологіи и сравнительной анатоміи занимали Эмиль-Вольдемаръ Розенбергъ (1876—1888), Дидрихъ Барфуртъ (1889—1896) и Николай Карловичъ Чермакъ (съ 1896 года); приватъ-доцентомъ по этой каѳедрѣ нѣкоторое время состоялъ Викторъ Карловичъ Шмидтъ (1896—1898).

На историко-филологическомъ факультетѣ каѳедру философіи и педагогики занимали, послѣ Людвига-Генриха Штрюмпеля (1845—1870), Густавъ Тейхмюллеръ (1871—1888) и Яковъ Фридриховичъ Озе (съ 1889 года, съ 1888 приватъ-доцентъ); приватъ-доцентомъ и затѣмъ доцентомъ по этой каѳедрѣ состоялъ Евгеній Александровичъ Бобровъ (1893—1896). На каѳедрѣ древне-классической филологіи и исторіи литературы, послѣ Карла Паукера (1861—1875), мы видимъ Вильгельма-Августа Гершельмана (1875—1895) и Михаила Никитича Крашенинникова (съ 1896 года); въ качествѣ доцента преподавалъ Германъ Граффъ (1864—1868) и приватъ-доцента—Іоаннъ Тепферъ (1887—1888). Каѳедра древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей, по которой сначала преподавалъ доцентъ Густавъ Вильмансъ (1869—1872), была представлена потомъ Карломъ Рюлемъ (1875—1876, доцентъ съ 1872), Людвигомъ Мендельсономъ (1876—1896) и Александромъ Васильевичемъ Никитскимъ (1896—1902); въ качествѣ приватъ-доцента и потомъ доцента по этой каѳедрѣ преподавалъ, кромѣ того, Александръ Мартиновичъ Придикъ (съ 1892 года), въ качествѣ приватъ-доцента Артуръ-Генрихъ Брокъ (1897—1898). Каѳедру древне-классической филологіи и археологіи, послѣ Людвига Швабе (1863—1872), занимали Евгеній-Адольфъ Петерсенъ (1873—1879), Георгъ Лешке (1879—1889) и Владиміръ Константиновичъ Мальмбергъ (съ 1890 года). Каѳедра нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія, впервые учрежденная въ описываемый періодъ, была представлена Львомъ Мейеромъ (1865—1898) и Дмитріемъ Николаевичемъ Кудрявскимъ (съ 1898 года); кромѣ того, по этой каѳедрѣ преподавали, въ званіи приватъ-доцента или доцента, Воль-

демаръ Мазингъ (1865—1893), Генрихъ Амелунгъ (1871—1873), (1871—1873), Леопольдъ фонъ-Шредеръ (1882—1894), Ѳедоръ Ивановичъ Кнауэръ (1884—1885), Александръ Ивановичъ Александровъ (1886), Оскаръ Карловичъ Видеманъ (1887—1890), Вольфгангъ Шлютеръ (съ 1892 года) и Яковъ Инджевичъ Лаутенбахъ (съ 1896 года). Каѳедру русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще занимали, послѣ М. П. Розберга (1836—1867), Александръ Александровичъ Котляревскій (1868—1873), Павелъ Александровичъ Висковатовъ (1874—1895, доцентъ съ 1873) и Евгеній Вячеславовичъ Пѣтуховъ (съ 1895 года); доцентами русскаго языка и литературы были Густавъ Карловичъ Шефлеръ (1865—1866), Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ (1871—1873), Мстиславъ Викторовичъ Праховъ (1876—1878); исполнялъ обязанности доцента, въ званіи приватъ-доцента, Аркадій Александровичъ Соколовъ (1878—1880), а затѣмъ доцентомъ былъ Леонгардъ Карловичъ Мазингъ (1880—1902), занявшій впослѣдствіи каѳедру сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій. На каѳедрѣ географіи, этнографіи и статистики мы видимъ Адольфа Вагнера (1865—1868), Этіена Ласпейреса (1869—1873), Вильгельма Лексиса (1874—1876), Вильгельма Стиду (1877—1882), Карла-Вильгельма Бюхера (1882—1883) и Іоганна-Рихарда Мукке (съ 1884 года). Первую каѳедру всеобщей исторіи (средневѣковая исторія) занимали, послѣ Карла Ратлефа (1854—1866), Вильгельмъ Мауренбрехеръ (1867—1869), Генрихъ Ульманъ (1870—1874), Рихардъ Гаусманъ (1874—1896) и Антонъ Никитичъ Ясинскій (съ 1896 года); доцентомъ по этой каѳедрѣ одно время (1866—1869) былъ Эдуардъ Винкельманъ. Вторая каѳедра всеобщей исторіи (новая исторія) занята была Отто Вальцемъ (1875—1900) и Павломъ Николаевичемъ Ардашевымъ (1901—1902). На каѳедрѣ исторіи Россіи, послѣ Карла Ширрена (1864—1869), были Александръ Густавовичъ Брикнеръ (1872—1891) и Евгеній Францовичъ Шмурло (съ 1901 года). Каѳедру политической экономіи, до переноса ея на юридическій факультетъ, занимали, послѣ Ѳедора Грасса (1856—1872), Теодоръ-Карлъ Митгофъ (1873—1885), Генрихъ Дицель (1885—1890); кромѣ того, въ качествѣ приватъ-доцентовъ этотъ предметъ преподавали Карлъ-Адольфъ Валькеръ (1867—1869) и Георгъ фонъ-Фалькъ (1882). По каѳедрѣ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій состояли: Иванъ Александровичъ Бодуэнъ-де-Куртенэ (1883—1893), Антонъ Семеновичъ Будиловичъ (1893—1901) и Л. К. Мазингъ (съ 1902 года).

На физико-математическомъ факультетѣ каѳедра чистой математики, послѣ Петра Гельмлинга (1854—1887), была замѣщена Фридрихомъ Шуромъ (1888—1892), Леонидомъ Кузьмичомъ Лахтинымъ (1892—1896), Николаемъ Васильевичемъ Берви (1896—1898), Платономъ Платоновичемъ Граве (съ 1898 года); вторая профессура по этой каѳедрѣ была предоставлена Виссаріону Григорьевичу Алексѣеву (съ 1895 года); кромѣ того, доцентомъ состоялъ Ѳедоръ Эдуардовичъ Молинъ (1885—1900), а приватъ-доцентомъ Петръ Христофоровичъ Кадикъ (1892—1894). Каѳедра прикладной математики, послѣ Эрнста-Фердинанда Миндинга (1843—1883), была въ рукахъ Андерса Линдстедта (1883—1886, доцентъ съ 1879), Эрнста-Отто Штауде (1886—1888) и Адольфа Кнезера (1889—1900); въ качествѣ приватъ-доцента и потомъ доцента преподавалъ Густавъ Грофе (1888—1895). Каѳедру астрономіи занимали, послѣ Іоганна-Генриха Медлера (1840—1865), Ѳома Клаузенъ (1865—1872, бывшій до того астрономомъ-наблюдателемъ съ 1842 года), Людвигъ Шварцъ (1872—1894, до того астрономъ-наблюдатель съ 1866 года) и Григорій Васильевичъ Левицкій (съ 1894 года); вмѣстѣ съ этимъ преподавали астрономію астрономы-наблюдатели, кромѣ упомянутыхъ Клаузена и Шварца, еще Генрихъ Брунсъ (1873—1876), Іоаннъ-Оскаръ Баклундъ (1876—1879), упомянутый выше Августъ Линдстедтъ (1879—1883), Эрнстъ Гартвигъ (1884—1886), Людвигъ Струве (1886—1894) и Константинъ Доримедонтовичъ Покровскій (съ 1895 года). На каѳедрѣ физики, послѣ Людвига-Фридриха Кемца (1841—1865), мы видимъ Артура фонъ-Эттингена (1866—1893, доцентъ съ 1863), князя Бориса Борисовича Голицына (1893) и Александра Ивановича Садовскаго (съ 1894 года); приватъ-доцентомъ состоялъ Михаилъ Петровичъ Косачъ (1899—1901), доцентомъ Карлъ Вейраухъ (1871—1875). На каѳедрѣ химіи Карлу Шмидту (1852—1892) наслѣдовалъ Густавъ Тамманъ (съ 1892 года); въ качествѣ приватъ-доцентовъ преподавали Вильгельмъ Оствальдъ (1877—1881) и Александръ Дмитріевичъ Богоявленскій (съ 1901 года). Каѳедру минералогіи, послѣ Каспара-Андрея Гревинка (1854—1887), занимали Іоганнъ Лембергъ (1888—1891, ранѣе въ 1872—1888 приватъ-доцентъ и доцентъ, а послѣ въ 1891—1902 годахъ сверхштатный профессоръ) и Францъ Юліевичъ Левинсонъ-Лессингъ (1892—1902); въ качествѣ приватъ-доцентовъ по преподаванію этого предмета трудились Владиславъ Дыбовскій (1876—1878) и Александръ Евгеньевичъ Лагоріо (1878—1880); кромѣ того, вторымъ профессоромъ по каѳедрѣ минералогіи состоялъ Николай

Ивановичъ Андрусовъ (съ 1896 года). Каѳедра ботаники, послѣ Александра Бунге (1836—1867), была представлена Генрихомъ-Морицомъ Вилькоммомъ (1868—1874), Эдмундомъ-Августомъ Руссовымъ (1874—1895) и Николаемъ Ивановичемъ Кузнецовымъ (съ 1895 года); приватъ-доцентами были помощники директора ботаническаго сада Іоганнъ-Христофъ Клинге (1880—1895) и Николай Адольфовичъ Бушъ (съ 1900 года). Каѳедра зоологіи, послѣ Густава Флора (1860—1883), была занята Максомъ Брауномъ (1883—1886), которому наслѣдовалъ Юлій-Ѳома фонъ-Кеннель (съ 1886 года); вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ предметъ преподавалъ приватъ-доцентъ, а потомъ доцентъ, Георгъ фонъ-Зейдлицъ (1869—1877); вторая профессура зоологіи была замѣщена Алексѣемъ Николаевичемъ Сѣверцовымъ (съ 1898 года). На каѳедрѣ сельскаго хозяйства и технологіи, послѣ Александра Петцольда (1846—1872), мы видимъ Карла-Георга Гена (1873—1875), Георга-Бернгарда Бруннера (1875—1900), послѣ котораго каѳедра оставалась нѣкоторое время вакантной, и преподавалъ этотъ предметъ приватъ-доцентъ, а потомъ доцентъ, Арведъ Ивановичъ Томсонъ (съ 1890 года); затѣмъ, назначенъ былъ профессоромъ Сергѣй Казиміровичъ Богушевскій (съ 1894 года); кромѣ того, одно время былъ приватъ-доцентомъ и потомъ доцентомъ Вольдемаръ фонъ-Книримъ (1875—1880). Каѳедру физической географіи и метеорологіи занимали Карлъ Вейраухъ (1875—1891, до того съ 1871 года доцентъ по каѳедрѣ физики) и Борисъ Измайловичъ Срезневскій (съ 1894 года). Начала архитектуры, при отсутствіи особой каѳедры по этому предмету въ описываемый періодъ, преподавали Карлъ Ратгаузъ (1851—1869, въ качествѣ штатнаго преподавателя), затѣмъ Максимиліанъ Ретшеръ (1874—1877) и Карлъ фонъ-Зенгбушъ (1877—1879)—оба по найму, и, наконецъ, опять какъ штатный преподаватель, Рейнгольдъ Гулеке (1881—1898, потомъ снова съ 1899 года).

Лекторами французскаго языка были, послѣ Августа Саже (1862—1894), Степанъ Роше (1895—1901) и Фридрихъ-Августъ Саже (съ 1902 года); англійскаго—Томасъ Гринъ (1865—1875), Робертъ Бойль (1875—1879) и Юлій Ферберъ (1886—1892); итальянскаго—Доменико де-Виво (1879—1884); эстонскаго—послѣ Карла-Фердинанда Миквица (1851—1874), Михаилъ Веске (1874—1886) и Карлъ-Августъ Германъ (съ 1889 года), латышскаго Я. И. Лаутенбахъ (съ 1878 года). Такъ какъ лектуры нѣмецкаго языка по уставу не было положено, а между тѣмъ, при наплывѣ студентовъ изъ внутреннихъ губерній, обнаружилась нужда въ преподаваніи этого предмета, то послѣднее было по-

ручаемо историко-филологическимъ факультетомъ съ 1899 года доценту Л. К. Мазингу (1899) и проф. В. К. Мальмбергу (съ 1900 г.).

Въ должности „учителей искусствъ“ являются: для верховой ѣзды— Рудольфъ фонъ-Дауэ (1865—1872), Ренэ фонъ-Вульфъ (1872—1873), Теодоръ Розенпфланцеръ (1873—1877), Веніаминъ фонъ-Липгардтъ (1877—1881), Фридрихъ фонъ-Блокъ (1881—1891); для фехтованія— послѣ Георга Книгге (1852—1878), Генрихъ Маттисонъ (1885—1891), танцевъ—Рудольфъ Эбергардтъ-Юліусъ (1873—1890); музыки—послѣ Фридриха-Христіана Бреннера (1839 — 1878), Генрихъ Целльнеръ (1878—1885) и Гансъ Гартганъ (1885—1893); гимнастическихъ упражненій—Карлъ Гауптъ (1867—1869), Павелъ Буро (1870—1872 и 1873—1889), Рудольфъ Вингольдъ (1872—1873), Эрнстъ Древесъ (1889—1891) и Александръ Пунга (съ 1892 года). Механическимъ работамъ обучалъ, послѣ Іоганна-Христіана Брюккера (1824—1874), Павелъ Шультце (съ 1874 года).

Такова, въ видѣ простого перечня, картина личнаго состава преподавателей въ Дерптскомъ университетѣ въ описываемый періодъ его существованія. Въ общемъ, до реформы она удерживаетъ тѣ же черты, что и въ предшествующемъ періодѣ; время послѣ реформы отличается тѣмъ, что съ одной стороны профессорами, и вообще преподавателями, являются на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, лица большею частію русскаго происхожденія и образованія, съ другой стороны — постепенно, по мѣрѣ приближенія къ концу періода, число профессоровъ-иностранцевъ уменьшается. Доценты, по смыслу устава 1865 года, должны были являться въ университетѣ вспомогательными силами для преподаванія; доцентуры, за исключеніемъ одной, русскаго языка и литературы, не связаны были съ какими-либо опредѣленными каѳедрами, и отъ совѣта зависѣло, выслушавъ заявленія со стороны отдѣльныхъ факультетовъ о своихъ нуждахъ, передавать свободныя доцентуры по тому или иному назначенію; при реформѣ, нѣкоторыя изъ этихъ доцентуръ обращены были, съ теченіемъ времени, въ профессуры на добавочныя суммы изъ спеціальныхъ средствъ университета, и такимъ образомъ вспомогательныя преподавательскія силы университета ослабѣли, такъ какъ помянутыя обращенія были вызваны новыми учебными задачами университета, новыми обязательными планами преподаванія примѣнительно къ обще-русской университетской нормѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, на тѣ же спеціальныя средства учреждены были вторыя, сверхштатныя профессуры, имѣвшія цѣлію или дать учащимся возможность слушать данный

предметъ на русскомъ языкѣ, при наличности штатнаго профессора-иностранца, или усилить преподаваніе какого-либо сложнаго предмета; первая мѣра—обращеніе доцентуръ въ профессуры — имѣла мѣсто главнымъ образомъ на юридическомъ факультетѣ, вторая—на факультетахъ физико-математическомъ и медицинскомъ. Что касается приватъ-доцентовъ, то этотъ родъ преподавателей въ Дерптѣ и до реформы и послѣ нея былъ вообще очень малочисленнымъ, что и вполнѣ понятно при отсутствіи опредѣленныхъ штатныхъ средствъ для поддержанія и развитія этого, столь важнаго для всякаго университета, института; приватъ-доценты въ Дерптѣ-Юрьевѣ появлялись лишь случайно и почти всегда на короткое время, поддерживаемые лишь нерегулярными выдачами скромнаго вознагражденія по отдѣльнымъ ходатайствамъ факультетовъ; Юрьевскій университетъ никогда не принималъ участія въ пользованіи той суммой, въ 60.000 р., которая предоставлена была, всѣмъ вмѣстѣ, другимъ русскимъ университетамъ на вознагражденіе приватъ-доцентовъ. Какъ печальную особенность въ исторіи замѣщенія преподавательскихъ должностей въ Дерптѣ-Юрьевѣ, слѣдуетъ отмѣтить то, что вакантность англійской и итальянской лектуръ сдѣлалась во вторую половину описываемаго періода вполнѣ хроническимъ недугомъ, что объясняется не только пониженнымъ окладомъ по этимъ должностямъ сравнительно съ другими русскими университетами (800 р. вмѣсто 1.000 р.), но и трудностью лекторамъ упомянутыхъ языковъ найти въ маленькомъ провинціальномъ городѣ другой заработокъ; то же, по всей вѣроятности, было бы и съ французской лектурой, если бы французскій языкъ, подобно англійскому и итальянскому, не былъ обязательнымъ предметомъ изученія въ мѣстныхъ казенныхъ среднихъ школахъ, гдѣ лекторы французскаго языка постоянно находили поприще для своей дѣятельности.

По прежнему, внѣ факультетовъ стояло преподаваніе православнаго богословія и богословія римско-католическаго. Уставомъ 1865 г., § 12, упрочено было существованіе „особой каѳедры православнаго богословія“, и положеніе профессора этого предмета приравнено было къ положенію факультетскихъ ординарныхъ профессоровъ не только въ отношеніи содержанія, но, согласно упомянутому выше разъясненію министерства отъ 14-го іюля 1865 года, и въ отношеніи права принимать участіе въ засѣданіяхъ университетскаго совѣта. Вмѣстѣ съ этимъ, профессоръ православнаго богословія былъ настоятелемъ мѣстной Успенской церкви, получая за это 1.500 р. жалованья и готовую квартиру въ церковномъ домѣ; сверхъ того, онъ получалъ

500 р. въ годъ за исполненіе духовныхъ требъ по университету. Отдѣленіе помянутаго настоятельства въ Успенской церкви отъ званія профессора православнаго богословія произошло лишь въ 1891 г. До 1893 года профессоръ православнаго богословія получалъ еще и гонораръ въ обычномъ размѣрѣ, но съ этого времени, на основаніи новыхъ „правилъ для студентовъ“ 12-го января 1893 года, гонораръ этотъ былъ отмѣненъ, а въ 1901 году министерствомъ была установлена прибавка къ содержанію названнаго профессора въ размѣрѣ 600 р. въ годъ изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава или изъ спеціальныхъ средствъ, въ замѣнъ гонорара, по примѣру другихъ русскихъ университетовъ. Что касается вопроса объ обязательности православнаго богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, въ отношеніи слушанія лекцій и экзамена, то какъ мы знаемъ [1]), въ концѣ предшествующаго періода онъ оставался вполнѣ неопредѣленнымъ, слѣдствіемъ чего было то, что студенты посѣщали лекціи очень слабо, а къ экзаменамъ если и являлись, въ силу разъясненій попечителя Крафстрема въ 1851 году, то не во-время, крайне неаккуратно, съ весьма недостаточными познаніями и какъ бы для формы, ставя—какъ писалъ протоіерей П. П. Алексѣевъ совѣту въ 1869 году—„профессора въ затрудненіе или, отказывая имъ на экзаменѣ, препятствовать окончанію курса, или, снисходя къ ихъ обстоятельствамъ, пропускать ихъ на экзаменѣ съ слабыми познаніями, опасаясь подвергнуться нареканію въ пристрастіи“. Болѣе опредѣленныя правила объ отношеніи православныхъ студентовъ Дерптскаго университета къ лекціямъ и испытанію по предмету православнаго богословія были выработаны и введены въ дѣйствіе лишь въ 1887 г., при попечителѣ М. Н. Капустинѣ. Послѣ протоіерея П. П. Алексѣева (1850—1884), каѳедру православнаго богословія въ описываемый періодъ занимали: протоіерей Павелъ Ефимовичъ Образцовъ (1885—1892) и протоіерей Арсеній Семеновичъ Царевскій (съ 1892 года).

На обезпеченіе преподаванія римско-католическаго вѣроученія было положено по уставу 1865 года 800 р. изъ казны, причемъ изъ этой суммы шло на жалованье священнику 560 р., на вознагражденіе органиста при часовнѣ 90 р. и на хозяйственные расходы по содержанію послѣдней 150 р., согласно постановленію церковныхъ старостъ профессоровъ Гельмлинга и Адельмана. Ксендза Казиміра

---

[1]) Т. I, стр. 418—419.

Сорочинскаго смѣнилъ въ 1867 году ксендзъ Карлъ Марцинкевичъ, изъ Риги, назначенный 15-го мая 1867 года. Впрочемъ, послѣдній оставался въ Дерптѣ недолго, и уже въ ноябрѣ слѣдующаго 1868 г. опять былъ переведенъ въ Ригу, а на его мѣсто назначенъ каноникъ Эдуардъ-Ладиславъ фонъ-Ландсбергъ (1869—1873). Далѣе, въ должности преподавателя римско-католическаго богословія въ университетѣ и настоятеля римско-католической часовни, мы видимъ Адольфа Мартынова (1873—1874), Алоизія Аммана (1874), Эдуарда Глясса (1875) и Христофора Петкевича, у котораго вышли значительныя несогласія съ университетскими членами его прихода изъ-за границъ власти послѣднихъ въ опредѣленіи матеріальнаго положенія какъ римско-католической часовни, такъ и настоятеля, какъ это видно, между прочимъ, изъ одного его донесенія попечителю отъ 11-го іюня 1887 года. 1-го августа 1892 года, за смертію ксендза Петкевича, назначенъ былъ ему преемникъ въ лицѣ ксендза Александра Пляттира. Это былъ послѣдній римско-католическій законоучитель въ университетѣ, имѣвшій къ нему, и какъ настоятель часовни, извѣстныя должностныя отношенія: согласно высочайше утвержденному 28-го декабря 1892 г. мнѣнію государственнаго совѣта, римско-католическая часовня въ Дерптѣ была передана изъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, при чемъ выдача 800 р. изъ казны была прекращена, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и преподаваніе въ университетѣ римско-католическаго закона Божія [1]).

IV.

Положеніе русскаго языка какъ предмета изученія; степень знакомства съ нимъ студентовъ. — Русскій языкъ какъ органъ преподаванія въ университетѣ. — Мѣры къ введенію русскаго языка въ офиціальную переписку и дѣлопроизводство въ университетѣ.

Теперь мы должны коснуться вопроса о русскомъ языкѣ, судьба котораго по истинѣ красной ниткой проходитъ по всей исторіи Дерптскаго-Юрьевскаго университета. Какъ мы видѣли, вопросъ этотъ въ примѣненіи къ университету распадается естественнымъ образомъ на два вопроса: о русскомъ языкѣ какъ предметѣ преподаванія и степени усвоенія его студентами—съ одной стороны, и о русскомъ языкѣ какъ органѣ преподаванія и дѣлопроизводства—съ другой. И въ томъ

---

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: „Университетскій архивъ“ № 213.

и въ другомъ отношеніяхъ оба предшествующіе періода жизни университета представляютъ достаточно доказательствъ того, что государственному языку въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ не удалось занять подобающаго ему мѣста: и знакомство съ нимъ, и постановка его преподаванія, и пользованіе имъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ университета были незначительны и оставляли желать весьма многаго, при чемъ вину въ этомъ по справедливости должны взять на себя столько же университетъ и мѣстное общество съ ихъ систематически проведеннымъ несочувственнымъ отношеніемъ къ попыткамъ правительственной власти усилить и укрѣпить русскій языкъ въ разнообразномъ обиходѣ университетской жизни, сколько и само правительство, мѣропріятія котораго относительно государственнаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ лишены были необходимой системы, выдержанности и твердости. Третій періодъ жизни университета относительно русскаго языка представляетъ двѣ, рѣзко различающіяся между собою, фазы въ развитіи этого вопроса—до реформы и послѣ нея. Средства преподаванія русскаго языка до реформы, благодаря уставу 1865 года и послѣдовавшимъ къ нему дополненіямъ, были сравнительно съ прошлымъ временемъ довольно значительны, хотя, при продолжавшемся несочувствіи къ изученію этого предмета среди учащейся университетской молодежи, значительныхъ результатовъ достигнуть не удалось; не вполнѣ соотвѣтствовала принятымъ мѣрамъ и степень пользованія со стороны университета русскимъ языкомъ какъ органомъ дѣлопроизводства, не говоря уже о немъ, какъ органѣ преподаванія. Со введеніемъ реформы въ концѣ 1880-хъ годовъ судьба русскаго языка въ университетѣ совершенно измѣняется: задача усвоенія его студентами перенесена была на среднюю школу, и эта вполнѣ правильная мѣра, можно сказать, окончательно и вполнѣ успѣшно разрѣшила вопросъ о русскомъ языкѣ въ названномъ отношеніи; русскій языкъ, изученіе котораго перестало быть обязательнымъ въ университетѣ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, сдѣлался предметомъ спеціальнаго изученія лишь для однихъ студентовъ-филологовъ, сообразно вновь введеннымъ общерусскимъ планамъ преподаванія и программамъ; вмѣстѣ съ этимъ, какъ мы видѣли, государственный языкъ постепенно дѣлается органомъ преподаванія на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, и входитъ, путемъ послѣдовательныхъ постановленій и распоряженій, въ университетское дѣлопроизводство и въ устное употребленіе въ практикѣ дѣловыхъ внутреннихъ его отношеній.

Перейдемъ къ фактамъ.

Согласно уставу 1865 года, вмѣсто прежней каѳедры „русскаго языка и литературы" была положена каѳедра „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще"; вмѣстѣ съ тѣмъ лектура русскаго языка была упразднена, а возмѣщеніе ея предусмотрѣно было въ проектѣ устава 1865 года: одну изъ десяти штатныхъ доцентуръ рѣшено было обратить именно на предметъ преподаванія русскаго языка и литературы [1]); это предположеніе было впослѣдствіи формально осуществлено предложеніемъ попечителя графа Кейзерлинга, отъ 6-го ноября 1868 года, въ силу котораго одна изъ доцентуръ закрѣплялась на историко-филологическомъ факультетѣ за русскимъ языкомъ и литературой. Когда въ 1880 году была учреждена новая каѳедра „сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій", то обстоятельство это не было лишено значенія для судьбы преподаванія въ Дерптскомъ университетѣ русскаго языка и литературы, потому что лежавшая прежде на профессорѣ по каѳедрѣ „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще" обязанность преподавать и предметы, входящіе—по общеуниверситетской терминологіи — въ составъ славянской филологіи, переходила теперь къ новому профессору [2]), и для представителя первой каѳедры являлась возможность болѣе сосредоточиться собственно на русскомъ языкѣ и литературѣ; это обстоятельство получило особое значеніе при реформѣ, съ наступленіемъ которой доцентъ „русскаго языка и литературы" могъ перейти отъ ненужныхъ болѣе лекторскихъ курсовъ къ научному преподаванію на историко-филологическомъ факультетѣ церковно-славянскаго языка и исторіи русскаго языка. Такимъ образомъ, первоначальное названіе каѳедры „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще" уже съ начала 1880-хъ годовъ не совпадало съ дѣйствительно преподаваемымъ представителями ея предметомъ; той же неточностью въ названіи и несоотвѣтствіемъ фактическому положенію дѣла характеризуется и доцентура „русскаго языка и литературы", являющаяся въ сущности суррогатомъ особой профессуры, имѣющейся въ другихъ русскихъ университетахъ для преподаванія исторіи русскаго языка и для языка церковно-славянскаго.

Условія преподаванія русскаго языка въ университетѣ до реформы

---

[1]) Сборникъ постановленій, IV. 111—112.

[2]) Тамъ же, VII. 2017.

носили прежній, въ извѣстномъ смыслѣ принудительный, характеръ. Правила 14-го апрѣля 1860 года [1]) были дополнены новыми „правилами о порядкѣ градуальнаго испытанія по русскому языку", утвержденными совѣтомъ университета 11-го мая 1884 года и точно опредѣлявшими какъ составъ комиссій для подобныхъ испытаній, такъ и сроки ихъ для студентовъ каждаго факультета. Вскорѣ однако же въ эти дополнительныя правила внесены были нѣкоторыя измѣненія, согласно постановленію совѣта отъ 23-го мая 1886 года: они устанавливали, что „испытанія по русскому языку могутъ производиться не ранѣе, какъ при или по выдержаніи первой половины или первой трети градуальнаго испытанія, при чемъ предполагается, что всѣ обязательныя лекціи по сему языку выслушаны испытуемымъ" (§ 2). Правила эти находились въ силѣ до изданія, предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 12-го сентября 1893 года, новыхъ правилъ слѣдующаго содержанія:

„1. Тѣ изъ студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета, которые получили образованіе въ гимназіяхъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ или обучались въ нихъ не менѣе пяти лѣтъ, а равно выдержавшіе въ этихъ гимназіяхъ испытаніе зрѣлости, освобождаются отъ контрольныхъ испытаній по сему предмету.

2. Студенты же, окончившіе курсъ гимназій Рижскаго учебнаго округа въ то время, когда въ сихъ гимназіяхъ велось преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, а равно принятые въ университетъ по аттестатамъ заграничныхъ гимназій, обязаны сдать въ теченіе университетскаго курса особое испытаніе по русскому языку, въ доказательство полнаго съ нимъ знакомства, какъ теоретическаго, такъ и практическаго. Испытаніе производится въ факультетской комиссіи, съ депутатомъ отъ историко-филологическаго факультета.

3. Въ основу такого испытанія полагается клаузурная работа, состоящая въ письменномъ переводѣ даннаго испытательной комиссіей отрывка съ нѣмецкаго или другого иностраннаго языка на русскій. По разсмотрѣніи перевода членами комиссіи, производится устное испытаніе по содержанію работы для провѣрки ея самостоятельности и знакомства съ русской грамматикой.

4. Посѣщеніе лекцій русскаго языка и литературы необязательно для студентовъ не-филологовъ; но, въ случаѣ желанія, имъ предоставляется записываться на общіе и спеціальные курсы по сему предмету,

---

[1]) См. т. I, стр. 446—447.

читаемые на историко-филологическомъ факультетѣ съ уплатою гонорара за такіе курсы на общемъ основаніи“.

Этими положеніями, вытекавшими изъ самой сущности предпринятой относительно университета общей реформы, былъ положенъ конецъ тому ненормальному положенію, въ которомъ находился русскій языкъ въ Дерптскомъ университетѣ въ теченіе цѣлыхъ девяти десятилѣтій его существованія; отнынѣ онъ дѣлается языкомъ, въ принудительномъ изученіи котораго не было нужды, знакомство съ которымъ предполагалось уже при самомъ вступленіи молодыхъ людей въ университетъ и выносилось послѣдними изъ реформированной средней школы; отнынѣ онъ дѣлается предметомъ лишь добровольнаго изученія въ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, въ качествѣ исключительно научной дисциплины.

Познанія въ русскомъ языкѣ студентовъ Дерптскаго университета въ годы до реформы въ описываемый періодъ были, какъ и прежде, весьма недостаточны. Это документируется цѣлымъ рядомъ офиціальныхъ указаній то прямого, то косвеннаго характера; къ послѣднимъ относятся постоянно повторявшіеся факты недостатка въ 1860-хъ—1880-хъ годахъ хорошихъ учителей русскаго языка въ среднихъ школахъ Прибалтійскаго края, куда эти лица вербовались, главнымъ образомъ, изъ воспитанниковъ Дерптскаго университета. Для устраненія этого печальнаго явленія и вмѣстѣ съ тѣмъ для достиженія намѣченной цѣли относительно среднихъ учебныхъ заведеній Дерптскаго-Рижскаго округа были, между прочимъ, учреждены въ 1887 году шесть стипендій при Историко-филологическомъ Институтѣ въ Петербургѣ, а въ 1873 году еще шесть стипендій при Московскомъ университетѣ для абитуріентовъ Дерптскаго учебнаго округа, съ цѣлью приготовленія изъ нихъ будущихъ учителей русскаго языка въ мѣстныхъ среднихъ школахъ. Когда издано было высочайшее повелѣніе отъ 10-го апрѣля 1887 года о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, то лифляндское дворянство, въ лицѣ своего предводителя барона Мейендорфа, обратилось на высочайшее имя съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ этого законодательнаго акта въ силу соображеній, условность и недостаточная убѣдительность которыхъ были въ полной мѣрѣ оцѣнены тогдашнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому поводу, графъ Деляновъ ссылался и на мнѣніе попечителя М. Н. Капустина, по которому „учащіе (въ среднихъ школахъ) изъ иностранцевъ и изъ числа окончившихъ курсъ

въ Дерптскомъ университетѣ дѣйствительно не владѣютъ въ большинствѣ русскимъ языкомъ“ [1]). Недостатокъ знакомства воспитанниковъ Дерптскаго университета съ русскимъ языкомъ, по свидѣтельству ректора А. С. Будиловича, давалъ себя чувствовать еще и въ 1890-хъ годахъ неоднократными ходатайствами то экзаменоваться по-нѣмецки, то представлять нѣмецкія диссертаціи и т. п. [2]).

Что касается русскаго языка, какъ органа преподаванія, то его роль въ описываемый періодъ до реформы была такъ же незначительна, какъ и въ предшествующее время [3]); только реформа юридическаго факультета въ 1889 году поставила этотъ вопросъ государственной важности на вполнѣ надежную почву и обезпечила достиженіе соотвѣтственныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи для университета вообще. Но что мысль министерства народнаго просвѣщенія приняла въ этомъ вопросѣ достаточно опредѣленное направленіе и нѣсколько раньше, видно изъ того, что когда въ 1886 году совѣтъ университета обратился въ министерство съ ходатайствомъ объ учрежденіи новой каѳедры теоретической хирургіи на средства казны, то министръ И. Д. Деляновъ, въ отвѣтѣ своемъ попечителю отъ 9-го октября 1886 года, писалъ, что онъ могъ бы принять на себя ходатайство объ отпускѣ изъ казны потребнаго на упомянутую каѳедру кредита, если бы, въ виду ежегодно постепенно увеличивающагося числа студентовъ изъ русскихъ, можно было ввести преподаваніе означеннаго предмета на русскомъ языкѣ; просить же деньги изъ государственнаго казначейства на умноженіе каѳедръ съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія не представляется возможнымъ“ [4]). Совѣтъ университета однако же не воспользовался тогда этой условной готовностью министерства къ поднятію средствъ научнаго образованія на медицинскомъ факультетѣ.

Процессъ введенія русскаго языка въ преподаваніе, начатый съ юридическаго факультета въ концѣ 1889 года, проходилъ настолько успѣшно, что когда, согласно предписанію попечителя отъ 12-го декабря 1892 года, были опрошены русскіе подданные, преподававшіе въ университетѣ по-нѣмецки, кто изъ нихъ можетъ перейти къ русскому преподаванію съ начала 1893—94 ак. года и кому понадо-

---

[1]) Сборникъ постановленій, X. 922.

[2]) *Будиловичъ, А.* Объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекающемъ столѣтіи. Юрьевъ 1889, стр. 56; ср. стр. 52—55.

[3]) См. т. I, стр. 447—448.

[4]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа, № 413, 1886 года.

бится на подготовку къ этому извѣстный дополнительный срокъ, то оказалось, какъ это видно изъ представленія попечителя министру отъ 13-го января 1893 года, что съ августа 1893 года могутъ перейти къ русскому преподаванію 11 преподавателей разныхъ факультетовъ, а къ августу слѣдующаго 1894 года присоединится къ нимъ и 12-ый и что, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ 25-ю преподавателями, читавшими уже къ этому времени, главнымъ образомъ, на юридическомъ факультетѣ, по-русски, къ августу 1893 года будетъ всего 36, а къ августу 1894 года—37 человѣкъ; съ увольненіемъ же нѣкоторыхъ преподавателей, за выслугой срока, на пенсію къ сентябрю 1894 года и съ замѣною ихъ лицами съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, число всѣхъ русскихъ преподавателей къ началу 1894—95 ак. года должно будетъ возрасти до 40. Въ виду этого, попечитель Н. А. Лавровскій сдѣлалъ въ министерство, отъ 15-го января 1893 года, представленіе объ окончательномъ введеніи въ университетѣ русскаго преподаванія на всѣхъ факультетахъ, не исключая и богословскаго, при чемъ для двухъ лицъ (Вильгельма Гершельмана и Л. фонъ-Шредера) ходатайствовалъ о разрѣшеніи замѣнить имъ русскій языкъ латинскимъ, для остальныхъ же назначить двухгодичный срокъ. Министръ графъ Деляновъ, въ отвѣтѣ своемъ отъ 12-го марта 1893 года, согласился съ этими предположеніями, за исключеніемъ однако же богословскаго факультета „въ виду тѣхъ особыхъ условій—писалъ министръ—въ которыхъ находится этотъ факультетъ, и тѣхъ особенныхъ неудобствъ, которыя могутъ встрѣтиться при введеніи русскаго языка въ преподаваніи предметовъ сего факультета“; „но—прибавлялъ онъ далѣе—если бы оказалось изъ числа профессоровъ лицо, извѣстное въ ученомъ мірѣ по своимъ научнымъ и преподавательскимъ достоинствамъ, изъявившее желаніе читать тотъ или другой богословскій предметъ на русскомъ языкѣ, то я, со своей стороны, не премину войти въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами о дозволеніи такому профессору чтенія лекцій по избранному имъ предмету на русскомъ языкѣ“. Однако, такого лица въ средѣ богословскаго факультета, съ русскимъ языкомъ преподаванія, до конца описываемаго періода не появлялось. Срокъ перехода къ русскому преподаванію для другихъ факультетовъ былъ 1-е января 1895 года; но затѣмъ, предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 12-го января 1895 года, было разрѣшено нѣкоторымъ профессорамъ и доцентамъ дочитывать свои лекціи на нѣмецкомъ языкѣ въ виду близости выслуживаемаго ими срока пенсіи (профессору Гаусману до

29-го января 1896 года и доценту Кесслеру до 21-го февраля 1897 года), а другимъ отсроченъ переходъ къ преподаванію на русскомъ языкѣ на одинъ годъ, до 1-го января 1896 года (проф. Дегіо, доцентъ Цеге-фонъ Мантейфель, приватъ-доцентъ Шлютеръ).

Въ нѣсколько иномъ положеніи оказался университетъ, въ дѣлѣ введенія русскаго языка преподаванія, относительно иностранцевъ, для которыхъ не могли быть установлены никакіе предѣльные сроки; по отношенію къ нимъ могли быть примѣнены или система выжиданія, когда они выслужатъ пенсію и могутъ быть замѣнены лицами, могущими преподавать по-русски, или досрочное пенсіонированіе ихъ. Въ интересахъ скорѣйшаго завершенія реформы, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ со стороны ректора университета было сдѣлано, отъ 30-го декабря 1899 года, соотвѣтствующее представленіе министру Н. П. Боголѣпову; такихъ лицъ къ концу 1899 года было всего шесть: трое—на медицинскомъ факультетѣ, одинъ—на историко-филологическомъ и двое—на физико-математическомъ; но ходатайство это надлежащаго успѣха не имѣло, и силою вещей получила примѣненіе исключительно система выжиданія, на помощь которой приходили сравнительно рѣдкіе теперь случаи перехода юрьевскихъ профессоровъ-иностранцевъ въ заграничныя высшія учебныя заведенія. Въ виду отказа министерства отъ досрочнаго пенсіонированія указанныхъ немногихъ лицъ, университету, въ интересахъ преподаванія, приходилось заботиться о параллельныхъ курсахъ на русскомъ языкѣ; научныя же познанія и преподавательская опытность этихъ лицъ не могла находить въ университетѣ, вслѣдствіе перемѣны въ составѣ студентовъ по происхожденію и языку, столь широкаго, какъ прежде, приложенія.

Въ тѣсной связи съ языкомъ преподаванія былъ вопросъ о языкѣ испытаній, диссертацій, диспутовъ, торжественныхъ рѣчей и другихъ подобныхъ проявленій академической жизни. Въ этомъ отношеніи принятъ былъ постепенно рядъ мѣръ въ согласіи съ основной мѣрой введенія въ университетѣ русскаго преподаванія. Такъ, предписаніемъ попечителя 5-го мая 1893 года, преподаватели университета, читавшіе лекціи на русскомъ языкѣ, обязывались производить на этомъ же языкѣ испытанія и публичные диспуты. Что касается языка диссертацій, то, какъ извѣстно, въ прежнее время онѣ обыкновенно писались по-латыни, и только приблизительно съ 1860-хъ годовъ русскій языкъ началъ энергически вытѣсняться нѣмецкимъ; этому соотвѣтствовалъ и языкъ ученыхъ диспутовъ, но предписаніемъ министра отъ 19-го августа 1893 года поставлено было въ обязанность уни-

верситету „объявить русскій языкъ обязательнымъ въ диссертаціяхъ на всѣ ученыя степени, если онѣ представляются въ Юрьевскій университетъ: а) студентами русскаго происхожденія и подвергавшимися испытанію зрѣлости на русскомъ языкѣ, б) бывшими воспитанниками прочихъ университетовъ имперіи, в) преподавателями, читающими лекціи на русскомъ языкѣ и г) лицами, допущенными къ ученой промоціи на основаніи докторскихъ дипломовъ въ заграничныхъ университетахъ"; при этомъ министръ присоединялъ, что „въ случаѣ особыхъ затрудненій при исполненіи выше приведенныхъ предписаній" возможно допускать и отступленіе отъ этого порядка „по взаимному соглашенію декана подлежащаго факультета съ ректоромъ университета"; дополненіемъ къ этому предписанію явилось разъясненіе попечителя отъ 20-го октября 1893 года въ томъ же смыслѣ, вызванное протестомъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ, не владѣвшихъ русскимъ языкомъ въ достаточной степени и находившихъ для себя стѣснительнымъ упомянутое министерское предписаніе. Произнесеніе торжественной рѣчи на ежегодномъ актѣ 12-го декабря первоначально было, главнымъ образомъ, обязанностью „профессора краснорѣчія"; но съ 1850-хъ годовъ обязанность эту стали брать на себя, въ извѣстной очереди, и представители другихъ научныхъ дисциплинъ всѣхъ факультетовъ. Со введеніемъ русскаго языка преподаванія въ университетѣ чтеніе актовой рѣчи съ 1892 года поручалось лицу, преподающему по-русски, но въ слѣдующемъ 1893 году очередная актовая рѣчь являлась обязанностью богословскаго факультета, преподаваніе на которомъ велось исключительно по-нѣмецки; тогда обнаружилось большое неудобство, такъ какъ никто изъ членовъ этого факультета не пожелалъ взять на себя составленіе и произнесеніе русской рѣчи; попечитель представлялъ министру, отъ 8-го сентября 1893 года, побудить богословскій факультетъ къ тому, чтобы произносимъ былъ русскій переводъ рѣчи, которую соотвѣтствующій профессоръ составитъ по-нѣмецки; въ этомъ смыслѣ и состоялось разъясненіе вопроса со стороны министерства отъ 22-го сентября 1893 года, но на практикѣ богословскій факультетъ, передавшій въ 1893 году свою очередь юридическому факультету, совершенно исключилъ себя изъ состава другихъ факультетовъ въ отношеніи обязательной очереди произнесенія актовой рѣчи кѣмъ-либо изъ его представителей. Нѣсколько ранѣе, предписаніемъ попечителя отъ 15-го января 1893 года, установлено было чтеніе публичныхъ техническихъ лекцій на русскомъ языкѣ.

Въ своемъ мѣстѣ [1]) мы указывали на мѣры, которыя были приняты правительствомъ къ водворенію русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, какъ органа дѣловой переписки и дѣлопроизводства, и на неудовлетворительность результатовъ этихъ мѣръ на практикѣ. Въ описываемый періодъ вопросъ этотъ, вплоть до реформы университета, находился въ прежнемъ положеніи, и государственный языкъ, въ указанной роли, по прежнему тщетно стучался въ двери этого высшаго разсадника просвѣщенія. Тутъ заслуживаютъ быть отмѣченными нѣкоторые любопытные факты. 1-го іюня 1867 года высочайше утверждено было мнѣніе комитета министровъ о приведеніи въ дѣйствіе закона 3-го января 1850 года относительно введенія въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губерній переписки на русскомъ языкѣ; но законъ этотъ, не исключая и Дерптскаго университета, по прежнему оставался „мертвой буквой, главнымъ образомъ, по совершенному недостатку въ краѣ желающихъ поступить на службу образованныхъ людей, владѣющихъ русскимъ языкомъ". Считая такое положеніе вещей непоправимымъ и въ извѣстномъ смыслѣ даже естественнымъ, тогдашній попечитель графъ Кейзерлингъ обратился въ министерство съ соображеніями, въ силу которыхъ ходатайствовалъ объ освобожденіи университета отъ подчиненія названному требованію правительства; онъ ссылался, главнымъ образомъ, на то, что въ составѣ университетскихъ коллегій находится весьма значительное число иностранцевъ, не знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, и потому находилъ, что даже и попечитель, если только онъ „желаетъ сохранить къ университету непрерывныя живыя отношенія", можетъ пользоваться въ своей перепискѣ лишь языкомъ нѣмецкимъ. Это мнѣніе было передано для обсужденія, „по особой важности настоящаго дѣла", въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, но вызвало тамъ разногласіе. Одно мнѣніе вполнѣ раздѣляло соображенія попечителя, находя, что университетъ, какъ учебное заведеніе, не подходитъ подъ „бюрократическую форму присутственныхъ мѣстъ", и потому нуждается для своего дѣлопроизводства въ „полномъ просторѣ въ употребленіи языка доступнаго", какимъ не можетъ быть для него, конечно, русскій языкъ; другое мнѣніе, напротивъ, находило, что „научныя и педагогическія цѣли" университета никоимъ образомъ не могутъ пострадать отъ русскаго языка, а съ другой стороны—что въ сферѣ

---

[1]) Т. I, стр. 448—451.

учебной администраціи есть немалое число дѣлъ и вопросовъ административныхъ, хозяйственныхъ, счетныхъ и другихъ, окончательное разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ высшаго начальства, и послѣднее имѣетъ право требовать ихъ изложенія на языкѣ государственномъ: „вообще—говорилось тамъ—обязательное употребленіе отечественнаго языка въ обстоятельствахъ разсматриваемаго дѣла, представляясь мѣрою весьма важною по цѣли и послѣдствіямъ, должно имѣть совершенно иное значеніе, нежели исполненіе одной простой формы". Въ виду этого разногласія, министерство нашло нужнымъ обратиться за мнѣніемъ по данному вопросу къ генералъ-губернатору Прибалтійскихъ губерній Альбединскому, который, хотя и съ оговорками, но высказалъ мысль, что введеніе въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, въ томъ числѣ и въ университетѣ, дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ „невозможно и даже немыслимо". Въ результатѣ такого обсужденія, дѣло это, внесенное министерствомъ въ комитетъ министровъ, удостоилось высочайшаго утвержденія 31-го октября 1869 года въ слѣдующей общей формѣ: „вмѣнить въ обязанность всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Дерптскаго учебнаго округа, содержимымъ вполнѣ или частью на счетъ казны, вести исключительно на русскомъ языкѣ переписку какъ съ коронными мѣстами и учрежденіями Прибалтійскихъ губерній, такъ и внѣ оныхъ съ высшими и общими государственными установленіями и вообще съ губернскими присутственными мѣстами" [1]). Такимъ образомъ, внутреннія сношенія въ университетѣ отдѣльныхъ его частей между собою остались по прежнему при языкѣ нѣмецкомъ.

Однако, даже и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ принятіе изложеннаго закона показалось университету обременительнымъ, въ особенности въ виду того, что изъ него неизбѣжно вытекала необходимость переписываться на русскомъ языкѣ и съ попечителемъ. Получивъ отъ попечителя увѣдомленіе о высочайшемъ повелѣніи 31-го октября 1869 года, совѣтъ университета, въ засѣданіи своемъ 26-го ноября того же года, постановилъ избрать изъ своей среды особую комиссію для разсмотрѣнія этого высочайшаго повелѣнія. Комиссія эта нашла, что упомянутый законъ не согласуется съ той организаціей въ управленіи университета, которая предоставлена ему уставомъ 1865 года, такъ какъ, въ силу коллегіальнаго принципа управленія, во главѣ отдѣльныхъ университетскихъ учрежденій постоянно могутъ

---

[1]) Сборникъ постановленій, IV. 1422—1440.

оказаться лица изъ иностранныхъ подданныхъ, для которыхъ офиціальная переписка на русскомъ языкѣ была бы невыполнима. Между тѣмъ на посту попечителя графа Кейзерлинга смѣнилъ П. К. Жерве, извѣстившій университетъ о своемъ вступленіи въ должность—согласно новому закону—на русскомъ языкѣ. Ректоръ Г. фонъ-Эттингенъ, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ попечителю на нѣмецкомъ языкѣ отъ 4-го февраля 1870 года, просилъ его отъ имени совѣта отказаться отъ сношеній съ университетомъ на русскомъ языкѣ, въ особенности указывая на то, что высочайшее повелѣніе 31-го октября 1869 года не относится къ сношеніямъ университета съ попечителемъ, такъ какъ послѣднія имѣютъ характеръ не внѣшней, а внутренней офиціальной переписки этого учрежденія. Попечитель рѣшилъ доложить объ этомъ въ министерство, которое сочло нужнымъ подвергнуть этотъ вопросъ новому обсужденію въ особомъ совѣщаніи, составленномъ, съ высочайшаго соизволенія, изъ графа Шувалова, прибалтійскаго генералъ-губернатора Альбединскаго, министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого и попечителя П. К. Жерве. Совѣщаніе это признало, что высочайшее повелѣніе 31-го октября 1869 года относительно переписки на русскомъ языкѣ „одинаково распространяется какъ на начальство низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа, такъ и на университетъ, его ректора, совѣтъ и правленіе“, но „въ видахъ облегченія и по уваженію къ тому, что большинство должностныхъ лицъ и преподавателей въ учебномъ вѣдомствѣ Прибалтійскихъ губерній недостаточно знаютъ русскій языкъ, дозволяется: а) всякаго рода приложенія справокъ, выписокъ изъ протоколовъ засѣданій, журналовъ и отдѣльныхъ мнѣній профессоровъ университета излагать на языкѣ нѣмецкомъ, съ приложеніемъ лишь къ нимъ во всѣхъ случаяхъ препроводительной бумаги на русскомъ языкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе дѣла зависитъ отъ высшей центральной власти; б) переписку съ факультетами и въ ихъ кругу вести на языкѣ нѣмецкомъ“; вмѣстѣ съ этимъ совѣщаніе постановило „предоставить попечителю объяснить, въ случаѣ надобности, ректору университета, что за симъ никакихъ послабленій въ исполненіи означенныхъ мѣръ допущено не будетъ“. Эти постановленія особаго совѣщанія высочайше было повелѣно 13-го марта 1870 года исполнить [1]). Но и на этотъ разъ, по примѣру прошлаго и имѣя въ виду не разъ проявленную высшимъ начальствомъ относительно уни-

[1]) Сборникъ постановленій, IV. 1530—1534.

верситета почти безпримѣрную уступчивость и недостатокъ твердости въ разъ принятомъ рѣшеніи, университетъ дважды пытался обсуждать высочайшее повелѣніе 13-го марта 1870 года, избирая въ засѣданіяхъ совѣта 8-го апрѣля и 25-го апрѣля 1870 года особыя комиссіи для этой цѣли и для составленія соотвѣтствующихъ петицій, хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что среди членовъ совѣта находились и лица, правда немногія, протестовавшія противъ такихъ петицій; попечитель П. К. Жерве оба раза отказался представлять эти, явно неосновательныя, петиціи по назначенію [1]).

Конецъ этимъ неувѣреннымъ попыткамъ дать русскому языку подобающее мѣсто въ офиціальной перепискѣ и дѣлопроизводствѣ Дерптскаго университета положенъ былъ только при императорѣ Александрѣ III высочайше утвержденными 14-го сентября 1885 года „правилами“ объ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ и перепискѣ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края. Однако, и тутъ законъ примѣненъ былъ къ университету съ величайшей постепенностью—главнымъ образомъ уже въ эпоху его общей реформы. Такъ, предложеніемъ попечителя отъ 5-го декабря 1885 года было разъяснено, что впредь всѣ дипломы, аттестаты, свидѣтельства и всякаго рода удостовѣренія отъ университета должны быть составлены на русскомъ языкѣ, хотя къ нимъ можетъ быть прилагаемъ и переводъ на латинскомъ или другомъ языкѣ; во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ университета—въ сношеніяхъ факультетовъ между собою и съ совѣтомъ, въ протоколахъ совѣта, правленія и университетскаго суда, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ профессоровъ и т. п.—допускаются языки латинскій и нѣмецкій. Предложеніемъ попечителя отъ 24-го октября 1891 года, дипломамъ и другимъ удостовѣреніямъ отъ университета присвоенъ единственно русскій языкъ; внутреннее дѣлопроизводство на юридическомъ факультетѣ должно вестись на русскомъ языкѣ, акты внутренняго дѣлопроизводства совѣта, правленія и факультетовъ—за исключеніемъ протоколовъ совѣта и правленія—должны быть представляемы попечителю на русскомъ языкѣ; обозрѣніе лекцій, личный составъ университета и матрикулы должны вестись на русскомъ языкѣ. Далѣе, 6-го октября 1892 года было предписано попечителемъ журналы и протоколы совѣта и правленія составлять на русскомъ языкѣ, при чемъ нѣсколько позже къ русскому тексту рѣшено было присоединять и нѣмецкій переводъ; журналы и прото-

---

[1]) *Будиловичъ, А. С.* Объ успѣхахъ русскаго языка, стр. 67—70.

колы совѣта на обоихъ языкахъ велись съ 4-го ноября 1892 года при чемъ только русскій текстъ, какъ единственно подлинный, подписывался всѣми присутствовавшими въ засѣданіяхъ, а нѣмецкій скрѣплялся лишь подписью секретаря; съ 11-го мая 1900 года протоколы и журналы совѣта велись лишь на русскомъ языкѣ; что же касается правленія, то журналы его съ 21-го октября 1892 года велись исключительно по-русски. Наконецъ, 27-го ноября 1892 года предписано было ввести русское дѣлопроизводство во всѣхъ факультетахъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета [1]). Этими мѣрами окончательно утверждено было въ университетѣ русское дѣлопроизводство, и нѣмецкій языкъ являлся въ засѣданіяхъ совѣта и факультетовъ лишь въ качествѣ средства устнаго ознакомленія съ дѣломъ и устныхъ собесѣдованій тѣхъ лицъ изъ состава этихъ коллегій, которыя, будучи иностранными подданными или членами богословскаго факультета, сохраняли за собой право незнакомства съ государственнымъ языкомъ.

V.

Университетскій совѣтъ; его дѣятельность до реформы и послѣ нея; торжественныя собранія и рѣчи.—Памятникъ К. Э. фонъ-Беру.—Столѣтіе дня рожденія Вильгельма Струве.—Столѣтіе дня рожденія императора Николая I.—Столѣтіе дня рожденія А. С. Пушкина.—Пятидесятилѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.—Семидесятипятилѣтіе основанія Дерптскаго университета.—Правленіе университета.—Упраздненіе и возстановленіе университетскаго суда.—Правила дѣлопроизводства.—Денежныя средства университета.—Постройки.—Сооруженіе православной домовой церкви.—Домская гора и ея украшеніе.—Статуя бога рѣки Рейна.—Наслѣдство барона Штемпеля.

Совѣтъ университета, компетенція котораго опредѣлена была § 29 устава 1865 года, подобно предшествующему времени представлялъ собою центръ и главную административную силу учрежденія, дѣйствуя въ составѣ какъ ординарныхъ, такъ и экстраординарныхъ профессоровъ, тогда какъ ранѣе членами его были одни только ординарные профессора. Олицетворяя собою принципъ широкой коллегіальности, представляющей при нормальныхъ условіяхъ столь благопріятную почву для правильнаго развитія учебно-ученой стороны жизни университета, совѣтъ Дерптскаго университета—по крайней мѣрѣ до реформы—нерѣдко являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и оплотомъ мѣстныхъ

---

[1]) *Будиловичъ, А. С.*, назв. соч., стр. 27—28.

традицій и воззрѣній, настойчиво вступавшихъ въ коллизію съ правительственными предначертаніями, какъ это мы отчасти уже видѣли въ вопросѣ о русскомъ языкѣ. Реформа университета сняла съ совѣта въ 1889 году важнѣйшую изъ его функцій—избраніе ректора, проректора, декановъ и профессоровъ, передавъ ее въ руки центральной правительственной власти; мѣра эта, въ связи съ послѣдовавшимъ измѣненіемъ состава совѣта, лишала его характера сплоченности, увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, самостоятельности и вліянія: пополненіе его состава и руководство жизнью университета уже ни прямо, ни косвенно не могло отъ него самого зависѣть. Самый процессъ реформы мало отразился на дѣятельности совѣтскихъ совѣщаній, такъ какъ проходилъ отдѣльными частями помимо его компетенціи, путемъ предписаній изъ министерства и попечителя округа, что было совершенно естественно въ силу самаго характера реформы и общегосударственныхъ условій ея осуществленія. Тѣмъ не менѣе, и въ пору реформы на совѣтъ выпало не мало работы не только въ силу еще остававшихся за нимъ весьма многихъ учебно-административныхъ функцій, но и вслѣдствіе тѣхъ переходныхъ условій, которыя привела съ собою реформа и ближайшія ея послѣдствія. Дѣятельность совѣта въ эту пору была не только напряженной и трудной вслѣдствіе необходимости мирить старыя традиціи съ новыми фактами университетской жизни, при долго господствовавшемъ двоязычіи въ устныхъ совѣщаніяхъ, но нерѣдко и очень шумной. Въ составъ совѣта входили ежегодно новыя лица, большею частію молодыя и начинавшія въ Юрьевѣ свою самостоятельную академическую дѣятельность; вступая въ университетскую профессорскую среду, они приносили съ собою съ разныхъ концовъ Россіи неодинаковыя общія воззрѣнія и въ силу этого на мѣстѣ формировали далеко несходные, иногда прямо противоположные взгляды на прошлое университета, на политическую и учебную сторону реформы; отсюда—неизбѣжное раздѣленіе на кружки, даже партіи, ареной для борьбы которыхъ являлся именно совѣтъ, тѣмъ болѣе, что тихая жизнь небольшого провинціальнаго городка, съ преобладающимъ эстонско-нѣмецкимъ населеніемъ, не отвлекала духовныя силы членовъ университетской семьи куда-либо въ другую сторону, а сосредоточивала ихъ главнымъ образомъ на университетѣ, его интересахъ, дѣлахъ и отношеніяхъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, послѣдніе годы прожитаго университетомъ столѣтія были тѣмъ временемъ, когда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія обнаружилось стремленіе, отчасти подъ вліяніемъ болѣе об-

щихъ условій русской жизни, подвергнуть пересмотру основы жизни русскихъ университетовъ—съ цѣлію выработки новаго устава въ замѣнъ во многомъ уже неудовлетворявшаго университетскимъ потребностямъ устава 1884 года, въ духѣ котораго шло и преобразованіе Юрьевскаго университета. Послѣдній, въ лицѣ совѣта, также приглашался, вмѣстѣ съ другими университетами, къ совѣщаніямъ и къ выраженію своего мнѣнія по разнымъ вопросамъ, еще и ранѣе возникавшимъ въ министерствѣ. Такъ, въ 1895—96 годахъ разсматривалъ онъ вопросъ о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи студентовъ по университетамъ имперіи; послѣ предварительнаго обсужденія его въ особой комиссіи, соображенія совѣта по этому вопросу, занимавшагося имъ въ засѣданіяхъ 16-го ноября 1895 и 31-го января 1896 года, представлены попечителю отъ 15-го февраля 1896 года. Въ 1897 г. совѣтъ занимался вопросомъ объ измѣненіи существующей въ русскихъ университетахъ системы гонорара; особая комиссія изъ представителей отъ каждаго факультета по два, представила выработанный ею проектъ рѣшенія этого вопроса, который разсмотрѣнъ былъ въ засѣданіи совѣта 19-го декабря 1897 года и затѣмъ, съ дополненіями и измѣненіями, представленъ, отъ 19-го января 1898 года, въ министерство. Въ 1899 году совѣту, совмѣстно со всѣми факультетами, было предложено обсудить вопросъ о правильномъ устройствѣ практическихъ занятій на факультетахъ, гдѣ такія занятія отсутствуютъ или слабо организованы, и о средствахъ, необходимыхъ для осуществленія этого дѣла; результаты предварительныхъ совѣщаній факультетовъ по этому вопросу были разсмотрѣны въ совѣтѣ 7-го мая 1899 года и отъ 8-го мая представлены попечителю; въ дополненіе къ этому, согласно новому запросу министерства о размѣрѣ кредита на организацію этихъ занятій, были, по порученію совѣта, представлены попечителю, отъ 12-го іюня 1899 года, соотвѣтствующія соображенія декановъ и ректора. Въ 1901 году на долю совѣта выпала очень сложная работа — дать мотивированные отвѣты на рядъ вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ относительно желательнаго устройства университетовъ. Предварительно избрана была въ засѣданіи совѣта 4-го мая 1901 года комиссія (предсѣдатель — П. П. Пусторослевъ; члены: А. М. фонъ - Бульмерингъ, К. К. Дегіо, М. А. Дьяконовъ, В. В. Кохъ, Д. Н. Кудрявскій, Н. И. Кузнецовъ, Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ, Г. В. Левицкій и Е. В. Пассекъ), которая и занималась поставленными вопросами главнымъ образомъ въ лѣтнее вакаціонное время; одновременно съ этимъ

работали и отдѣльные факультеты. Результаты этихъ подготовительныхъ работъ, со всѣми относящимися къ нимъ матеріалами, были внесены, послѣ лѣта, въ ближайшія засѣданія совѣта 24-го и 27-го августа, 1, 3, 6, 10 и 11 сентября 1901 года; здѣсь они подвергнуты были подробному обсужденію, и затѣмъ весь этотъ матеріалъ отправленъ былъ попечителю округа для представленія въ министерство. Когда затѣмъ, въ сентябрѣ—декабрѣ 1902 года, при министерствѣ народнаго просвѣщенія была созвана, съ высочайшаго соизволенія отъ 18-го мая того же года, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ Г. Э. Зенгера, комиссія для обсужденія доставленнаго изъ всѣхъ университетовъ матеріала по университетскому вопросу, съ участіемъ въ ней представителей между прочимъ и отъ университетовъ, то таковымъ избранъ былъ отъ Юрьевскаго университета, въ засѣданіи совѣта 23-го сентября 1902 года, проф. П. П. Пустороcлевъ; другимъ представителемъ университета, по назначенію отъ министерства, былъ въ этихъ совѣщаніяхъ проф. П. П. Граве, командированный послѣ отказа отъ этого назначенія проф. К. К. Дегіо.

Въ слѣдующемъ 1902 году совѣтъ Юрьевскаго университета долженъ былъ немало вниманія отдать на рѣшеніе и разработку предложенныхъ министерствомъ вопросовъ касательно упорядоченія студенческаго быта, вызванныхъ главнымъ образомъ бывшими въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ семестровъ студенческими волненіями и безпорядками. Въ засѣданіяхъ 12-го и 24-го января 1902 года были разсмотрѣны утвержденныя министерствомъ 22-го декабря 1901 года „Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій“ — въ томъ смыслѣ, насколько они могутъ быть примѣнены къ Юрьевскому университету по мѣстнымъ и инымъ условіямъ; далѣе, въ засѣданіяхъ 27-го сентября и 26-го ноября 1902 года были подвергнуты обсужденію циркулярное предложеніе министерства отъ 27-го августа 1902 года „о реорганизаціи нѣкоторыхъ законоположеній и правилъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія“ и „правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ сихъ заведеній“; тутъ получилъ извѣстное рѣшеніе вопросъ о кураторахъ, о курсовыхъ собраніяхъ студентовъ и о курсовыхъ старостахъ, и въ послѣднемъ упомянутомъ засѣданіи совѣта 26-го ноября утверждена была выработанная имъ особая „Инструкція кураторамъ Императорскаго Юрьевскаго университета“; но мѣры эти нашли себѣ практическое осуществленіе лишь въ слѣдующемъ

1903 году. Наконецъ, въ засѣданіяхъ 4-го и 26-го ноября 1902 года совѣтъ университета занимался, согласно предложенію министерства отъ 26-го сентября того же года, вопросомъ „объ увеличеніи содержанія лицъ педагогическаго персонала учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія“ примѣнительно къ университету; разрѣшеніе и этого вопроса нашло себѣ мѣсто лишь въ 1903 году.

На эти же послѣдніе годы столѣтія существованія университета падаетъ примѣненіе и къ Юрьевскому университету, наравнѣ съ другими университетами имперіи, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ новой системы замѣщенія вакантныхъ профессуръ—путемъ обращенія министерства къ мнѣнію факультетовъ и совѣта о кандидатахъ и о сравнительныхъ правахъ ихъ на открывшуюся вакансію. Совѣту пришлось высказаться, послѣ предварительнаго разсмотрѣнія вопросовъ въ факультетахъ, въ трехъ случаяхъ: въ засѣданіи 11-го ноября 1897 года по поводу замѣщенія вакантной каѳедры гинекологіи и акушерства, въ засѣданіи 16-го февраля 1902 года по поводу замѣщенія каѳедры сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій и въ засѣданіи 7-го мая 1902 года по поводу замѣщенія каѳедры прикладной математики. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что совѣтъ, въ этой для него случайной роли, дѣйствовалъ въ упомянутыхъ случаяхъ далеко не единодушно, что, при наличности также нѣкоторыхъ другихъ условій, вскорѣ побудило министерство, предложеніемъ отъ 26-го іюля 1903 года, пожелать ограничиться, минуя совѣтъ, лишь факультетскими совѣщаніями объ имѣющихся кандидатахъ для замѣщенія вакантныхъ въ университетѣ каѳедръ, „дабы таковыя не пустовали и преподаваніе могло быть обезпечено въ ближайшемъ же времени въ надлежащей мѣрѣ“.

Кромѣ того, черезъ совѣтъ прошло въ теченіе описываемаго времени, до реформы и послѣ нея, немалое количество дѣлъ, предварительно разсмотрѣнныхъ отдѣльными факультетами и по своему характеру выходящихъ за предѣлы нашего изложенія. Изъ имѣющихъ болѣе широкій или общій интересъ упомянемъ здѣсь о снабженіи войскъ врачами въ мирное и военное время (1867), о допущеніи лицъ, пріобрѣтшихъ въ иностранныхъ университетахъ званіе хирурга и акушера, къ испытанію на степень лѣкаря въ русскихъ университетахъ (1869), мнѣніе относительно ходатайства одного изъ университетовъ имперіи о разрѣшеніи пригласить стенографовъ или стенографистокъ для записыванія профессорскихъ лекцій (1881), о способѣ

привести въ исполненіе намѣреніе министерства организовать при историко-филологическомъ факультетѣ Дерптскаго университета приготовленіе учителей нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній (1889) и т. п.

Что касается степени напряженности занятій совѣта съ внѣшней стороны, то объ этомъ могутъ дать нѣкоторое понятіе слѣдующія цифры числа засѣданій въ разные годы до реформы и послѣ нея: 1865—24 засѣданія (первоначальная организація университета по только что дарованному новому уставу 1865 года), 1866—13, 1867—12, 1868—19, 1869—17, 1870—21, 1880—11, 1881—9, 1882—12, 1883—12, 1884—14, 1885—13; 1890—7, 1891—5, 1892—6, 1893—7, 1894—8, 1895—7, 1896—8, 1897—11, 1898—9, 1899—9, 1900—10, 1901—18, 1902—21. Сравнительно малое число засѣданій въ первые годы реформы объясняется тѣмъ, что, какъ уже упомянуто, многія дѣла, въ силу новаго порядка, шли тогда помимо совѣта; съ другой стороны, обиліе засѣданій передъ концомъ періода находитъ себѣ объясненіе въ большомъ количествѣ экстренныхъ дѣлъ и вопросовъ, которыми долженъ былъ заниматься совѣтъ по порученію министерства. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что засѣданія совѣта въ пореформенное время были вообще гораздо продолжительнѣе, чѣмъ до этого при нѣмецкомъ режимѣ.

На обязанности совѣта лежало, какъ и въ прежнее время, устройство ежегоднаго торжественнаго акта, на которомъ, кромѣ годового отчета и свѣдѣній о присужденныхъ студентамъ медаляхъ и преміяхъ, читалась очередная рѣчь научнаго содержанія кѣмъ-либо изъ представителей соотвѣтствующаго факультета. Первый годичный актъ, совершенный, включая сюда и факультетскую рѣчь, на русскомъ языкѣ, имѣлъ мѣсто 12-го декабря 1892 года.

Кромѣ того, разныя памятныя годовщины изъ исторіи русской жизни, литературы или науки, а также изъ собственной исторіи университета, давали совѣту поводъ къ устройству особыхъ торжественныхъ собраній съ соотвѣтствующими случаю рѣчами; такія собранія были важными событіями не только для университета, но и цѣлаго города, представители интеллигенціи котораго обыкновенно въ большомъ числѣ стекались въ эти дни въ университетскій актовый залъ. Болѣе отзывчивымъ на такія событія является совѣтъ въ пореформенную эпоху, такъ какъ болѣе широкія рамки политическихъ и культурныхъ условій жизни университета подавали къ тому и гораздо

болѣе существенныхъ поводовъ, чѣмъ въ прошлое время, когда русская жизнь интересовала университетъ очень мало, а своя мѣстная довольно бѣдна была настолько крупными историческими воспоминаніями, чтобы они могли подать поводъ къ подобнымъ торжествамъ.

Изъ дореформенной эпохи, въ разсматриваемое время, въ числѣ такихъ событій особенно должна быть отмѣчена постановка университетомъ въ Дерптѣ памятника знаменитому натуралисту, бывшему воспитаннику университета и почетному его члену, академику К. Э. фонъ-Беру, прожившему послѣдніе годы своей жизни и скончавшемуся въ этомъ городѣ. Начало этому дѣлу положено было заявленіемъ группы профессоровъ (А. Шмидтъ, Бетхеръ, Штида, Розенбергъ, Бемъ, Гревингъ, Шварцъ, К. Шмидтъ), отъ 1-го декабря 1876 года, поданное въ совѣтъ университета съ предложеніемъ ему заняться дѣломъ сооруженія памятника К. Э. фонъ-Беру. 7-го декабря въ совѣтѣ избрана была для этого изъ подавшихъ заявленіе лицъ комиссія, докладъ которой по данному вопросу былъ заслушанъ совѣтомъ въ засѣданіи 16-го декабря того же 1876 года, и затѣмъ комиссія, переименованная въ комитетъ, въ составъ котораго вошли еще дополнительно проф. Драгендорфъ, ректоръ Биддеръ и попечитель А. А. Сабуровъ, немедленно приступила къ дѣлу. 4-го апрѣля 1877 года министромъ народнаго просвѣщенія было испрошено, согласно ходатайству совѣта университета, высочайшее разрѣшеніе открыть подписку для сбора пожертвованій на памятникъ. Въ апрѣлѣ 1881 года комитетомъ объявленъ былъ конкурсъ на составленіе проектовъ памятника, съ обѣщаніемъ двухъ премій—первой въ 750 рублей и второй въ 500 рублей. Въ составъ экспертизы вошли слѣдующія лица: проф. Бонштедтъ въ Готѣ, баронъ Брюнингъ въ Петербургѣ, проф. Гроссе въ Дрезденѣ, графъ Кейзерлингъ, проф. Кюнэ въ Гейдельбергѣ, Оскаръ Пельхау въ Ригѣ, проф. Рютимейеръ въ Базелѣ, П. П. Семеновъ въ Петербургѣ, московскій городской голова С. М. Третьяковъ и представитель литейнаго завода бронзовыхъ издѣлій въ Петербургѣ Шопенъ. Первая премія была присуждена Францу фонъ-Вильбоа въ Дерптѣ, вторая—проф. Вагмюллеру въ Мюнхенѣ, но памятникъ воздвигнутъ былъ по новой модели академика А. М. Опекушина, которому поручено было комитетомъ и самое выполненіе дѣла за 14.500 р. Срокомъ изготовленія памятника было назначено 1-го мая 1884 года, но, вслѣдствіе замедленія въ работахъ, онъ открытъ былъ 16-го ноября 1886 года; въ торжественномъ собраніи совѣта по этому поводу профессоръ по каѳедрѣ эмбріологіи, гистоло-

гіи и сравнительной анатоміи Э. В. Розенбергъ говорилъ рѣчь [1]). Памятникъ поставленъ въ концѣ главной аллеи университетскаго парка на Домской горѣ, выполненъ весьма художественно и до настоящаго времени составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній города [2]).

Изъ аналогичныхъ случаевъ дѣятельности совѣта въ эпоху послѣ реформы должно указать на слѣдующіе.

3-го апрѣля 1893 года университетъ праздновалъ торжественнымъ засѣданіемъ совѣта 100-лѣтнюю годовщину рожденія Вильгельма Струве, большая часть жизни и дѣятельности котораго была посвящена Дерптскому университету. На торжествѣ, въ присутствіи многочисленной публики, съѣхавшихся депутацій, а также представителей семьи знаменитаго астронома, было произнесено двѣ рѣчи: одна на русскомъ языкѣ—тогдашняго профессора астрономіи въ Юрьевскомъ университетѣ Л. Шварца (прочитана была, за болѣзнью автора, проф. Л. К. Лахтинымъ), другая на нѣмецкомъ языкѣ профессоромъ физики А. фонъ-Эттингеномъ. Многочисленныя привѣтствія, полученныя по телеграфу и по почтѣ, служили указаніемъ на широкій интересъ со стороны общества къ этому празднику науки въ обновленномъ реформою разсадникѣ высшаго просвѣщенія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ 1896 году, 25-го іюня, исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія императора Николая I. Празднованіе этой годовщины университетомъ пріурочено было къ 12-му декабря того же года, когда, согласно постановленію совѣта, кромѣ обычной факультетской рѣчи, произнесены были еще двѣ другія—проф. Е. В. Пѣтуховымъ „Объ отношеніяхъ императора Николая I и А. С. Пушкина“ и проф. А. Н. Филипповымъ „Императоръ Николай I и Сперанскій“ [3]).

Въ 1899 году университетъ, вмѣстѣ со всей Россіей, принималъ участіе въ празднованіи столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина. Незадолго до самаго дня празднованія, профессоръ Е. В. Пѣтуховъ прочелъ въ актовомъ залѣ университета 11, 13, 17, 19 и 21 мая пять публичныхъ лекцій на тему „Пушкинъ и его литературная дѣятельность“, при огромномъ стеченіи каждый разъ мѣстной публики и учащейся обоего пола молодежи. Въ самый день торжества,

---

[1]) *Rosenberg, E. W.* Festrede am Tage der Enthüllung des in Dorpat errichteten Denkmals für Karl Ernst von Baer, 16 Nov. 1886. Dorpat 1886.

[2]) Архивъ Юрьевскаго университета: Das Denkmal für K. E. von Baer.

[3]) Обѣ рѣчи напечатаны въ „Ученыхъ Запискахъ И. Ю. У.“ 1897 № 2.

устроеннаго по рѣшенію совѣта и усиліями спеціально избранной имъ для того комиссіи, 26-го мая, послѣ богослуженія въ университетской православной церкви, состоялся въ актовомъ залѣ торжественный юбилейный актъ, въ присутствіи приглашенныхъ почетныхъ гостей и многочисленной публики; тутъ были произнесены рѣчи: Е. В. Пѣтухова „Два года изъ жизни Пушкина", В. Ф. Чижа „Пушкинъ какъ идеалъ душевнаго здоровья", Е. Ф. Шмурло „Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія", Б. И. Срезневскаго „Пушкинъ въ музыкѣ", А. М. Германа „Пушкинъ въ эстской литературѣ", Я. И. Лаутенбаха „Пушкинъ въ латышской литературѣ" [1]).

Въ 1902 году совѣтъ университета рѣшилъ почтить 50-лѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя (21-го февраля) и В. А. Жуковскаго (12-го апрѣля), пріурочивъ особое соединенное торжество по этому поводу къ первой упомянутой годовщинѣ. На этомъ актѣ, также при весьма торжественной обстановкѣ и при большомъ стеченіи публики, были произнесены рѣчи: Е. В. Пѣтуховымъ „Гоголь и Жуковскій", В. Ф. Чижомъ „Плюшкинъ какъ типъ старческаго слабоумія", А. М. Германомъ „Гоголь въ эстской литературѣ", Я. И. Лаутенбахомъ „Гоголь въ латышской литературѣ" и Л. К. Мазингомъ „Переводы сочиненій Гоголя". Актъ носилъ, главнымъ образомъ, характеръ чествованія памяти Гоголя, такъ какъ первоначально имѣлось въ виду устроить и въ память Жуковскаго подобное же торжественное собраніе; но студенческія волненія, принявшія весной 1902 года въ Юрьевѣ особенно острый характеръ и выразившіяся, между прочимъ, шумными манифестаціями непосредственно послѣ Гоголевскаго торжества какъ въ стѣнахъ университета, такъ и на городскихъ улицахъ, побудили университетъ отказаться отъ особаго чествованія памяти В. А. Жуковскаго, который по своимъ личнымъ связямъ и жизненной судьбѣ имѣлъ и къ городу и къ университету весьма близкое отношеніе [2]); въ память этого послѣдняго обстоятельства, согласно ходатайству совѣта университета, городское управленіе согласилось переименовать одну изъ улицъ, Блюмовскую, въ „улицу В. А. Жуковскаго", а г-жа Шмидтъ, владѣлица дома по этой улицѣ № 20, гдѣ, по достовѣрнымъ указаніямъ, жилъ Жуковскій, дала согласіе на прибитіе къ

---

[1]) Рѣчи эти, съ присоединеніемъ „Слова" профессора прот. А. С. Царевскаго и статьи Е. Ф. Шмурло „Маска и письмо Пушкина, хранящіяся въ библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета", составили содержаніе изданнаго университетомъ особаго „Пушкинскаго Сборника" (Юрьевъ 1899).

[2]) См. т. 1, стр. 273—274.

этому дому изготовленной на счетъ университета доски съ надписью: „въ этомъ домѣ жилъ В. А. Жуковскій въ 1815—1817 годахъ“ [1]).

Наконецъ, по почину и при ближайшемъ участіи совѣта, университетъ имѣлъ въ описываемое время два случая отмѣтить двѣ годовщины изъ исторіи своего собственнаго существованія.

12-го декабря 1877 года исполнилось 75 лѣтъ со дня основанія университета. Въ засѣданіи совѣта 27-го января 1877 года была избрана комиссія (изъ профессоровъ Фолька, Энгельмана, А. Шмидта, Мейкова и Шварца) для предварительной разработки вопроса о юбилеѣ, который имѣлъ для университета, такъ сказать, двойное значеніе— какъ 75-лѣтіе своего собственнаго существованія и какъ 100-лѣтіе со дня рожденія державнаго основателя университета императора Александра I. Комиссія, въ своемъ докладѣ совѣту въ засѣданіи 13-го апрѣля 1877 года, полагала, что наилучшимъ способомъ отмѣтить приближающуюся знаменательную годовщину было бы составленіе историческаго обзора научной и учебной дѣятельности отдѣльныхъ факультетовъ, съ біографическими и библіографическими данными и съ приложеніемъ личныхъ списковъ и разнаго рода статистическихъ таблицъ; съ этой цѣлію имѣлось въ виду прибѣгнуть къ сотрудничеству преподавательскаго персонала и къ содѣйствію университетскихъ канцелярій по сообщенію соотвѣтствующихъ матеріаловъ. Хотя эти предположенія комиссіи совѣтомъ были одобрены, однако, они не привели ни къ какому фактическому результату: проектированный трудъ совершенно не былъ составленъ, и литературнымъ памятникомъ 75-лѣтія университета явился лишь небольшой сборникъ газетныхъ статей [2]), имѣющій очень мало значенія и возникшій совершенно помимо университета. Что касается самаго празднованія столь памятнаго для университета дня, то оно выразилось на актѣ 12-го декабря 1877 года произнесеніемъ, вмѣсто одной рѣчи, двухъ: профессора русской исторіи Александра Брикнера и профессора физической географіи и метеорологіи Карла Вейрауха. Первый ораторъ, между прочимъ, въ своей рѣчи сказалъ: „Сегодня исполнилось ровно сто лѣтъ,

[1]) Слѣдомъ чествованія университетомъ памяти двухъ названныхъ писателей является изданный имъ „Сборникъ въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго“ (Юрьевъ 1903), въ которомъ нашла себѣ мѣсто, кромѣ упомянутыхъ рѣчей, еще работа Е. В. Пѣтухова „В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (1815—1817)“, прочитанная авторомъ, въ качествѣ делегата отъ Юрьевскаго университета, въ торжественномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ 7-го апрѣля 1902 г.

[2]) См. т. I, стр. 28.

когда увидѣлъ свѣтъ тотъ, котораго царствованію суждено было сдѣлать эпоху въ исторіи Россіи и въ то же время войти въ глубокое соприкосновеніе съ событіями цѣлаго міра. Сегодня, 75 лѣтъ тому назадъ, въ 25-лѣтній день своего рожденія, этотъ «Благословенный» создалъ нашу Alma Mater. Мы празднуемъ память обожаемаго монарха и вспоминаемъ его всемірноисторическое значеніе: ему опредѣлено было, послѣ страшныхъ переворотовъ и потрясеній, послѣ войнъ и тираніи, занять первое мѣсто въ мірѣ и совершить прекраснѣйшее и величайшее дѣло умиротворенія, близкое всѣмъ странамъ и народамъ. Никогда ни раньше, ни послѣ Россія не принимала столь непосредственнаго участія въ ходѣ политическихъ событій Западной Европы, какъ въ 1813—1815 годы. Величественно, грандіозно, въ блескѣ своего царственнаго могущества, въ почетномъ ореолѣ руководителя міровыхъ событій, появляется Александръ въ центрѣ политической работы на Вѣнскомъ конгрессѣ. Достойна удивленія и вѣчной признательности его спокойная и въ высшей степени непритязательная дѣятельность въ законодательствѣ и управленіи, его истинно гуманная работа на пользу просвѣщенія, его забота о культурныхъ интересахъ, объ образованіи: сюда именно принадлежитъ и одно изъ первыхъ его правительственныхъ дѣяній—основаніе нашего университета“ [1]). Чѣмъ ознаменована была остальная часть этого дня, затрудняемся сказать по недостатку данныхъ, но, согласно ходатайству совѣта, министромъ народнаго просвѣщенія, отъ 19-го ноября 1877 года, было разрѣшено употребить на празднество 1.000 рублей изъ спеціальныхъ средствъ [2]).

Наконецъ, 12-го и 13-го декабря 1902 года университетъ торжественно праздновалъ 100-лѣтіе своего существованія, но описаніе этого событія выходитъ уже за предѣлы нашей задачи.

Правленію университета, по уставу 1865 года, предоставлены были главнымъ образомъ функціи по веденію университетскаго хозяйства и по разнымъ денежнымъ вопросамъ, но съ реформой оно видоизмѣнено было и въ своемъ составѣ и въ предѣлахъ своей компетенціи. Когда въ 1895 году проректоръ, не входившій въ число членовъ правленія, былъ замѣненъ инспекторомъ, то послѣдній явился въ качествѣ полно-

---

[1]) Festreden zur Feier des hundertjährigen Geburtsfestes Seiner Hochseligen Majestät Kaiser Alexander I, gehalten am Stiftungstage der Universität Dorpat am 12 Dec. 1877 von *Alexander Brückner* und *Carl Weirauch*. Dorpat 1878, стр. 1—2.

[2]) Архивъ Юрьевскаго университета: Die Jubelfeier der Universität Dorpat bei ihrem 75-jährigen Bestehen am 12 December 1877.

правнаго члена этой коллегіи; первый разъ засѣданіе правленія, съ участіемъ представителя инспекціи, состоялось 1-го сентября 1895 года. Здѣсь умѣстно упомянуть, что первымъ инспекторомъ студентовъ въ Юрьевскомъ университетѣ былъ Михаилъ Александровичъ Бутлеровъ (съ 18-го іюля 1895 года до 1-го іюля 1900 года), за которымъ слѣдовалъ въ этой должности Нилъ Ивановичъ Тихомировъ (со 2-го августа 1900 года). По упраздненіи въ 1889 году университетскаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ состоявшаго при правленіи синдика университета, тѣмъ самымъ извѣстная доля судебныхъ функцій надъ студентами перешла къ правленію, при ближайшемъ участіи инспектора, но затѣмъ, когда со второго полугодія 1902 года университетскій судъ, въ нѣсколько иномъ видѣ, былъ возстановленъ, то послѣднія функціи опять отошли отъ правленія. Кромѣ того, съ отнятіемъ въ 1889 году отъ университета извѣстной доли автономіи и съ усиленіемъ административнаго режима, при значительномъ количествѣ экстренныхъ дѣлъ, неизбѣжныхъ въ процессѣ сложной реформы Дерптскаго университета, и при умноженіи числа студентовъ, особенно съ 1897 года, дѣятельность правленія измѣняется не только качественно, но и количественно и становится болѣе напряженной. Послѣднее наглядно явствуетъ изъ числа засѣданій, къ тому же болѣе продолжительныхъ, чѣмъ въ прежнее время. Во время до реформы извѣстной напряженностью отличалась дѣятельность правленія только въ первые годы по введеніи новаго устава и штата: въ 1865 году—23 засѣданія, въ 1866—18, въ 1867—24, въ 1868—23, въ 1869—20, въ 1870—21, но затѣмъ въ 1871—1892 годахъ число засѣданій колебалось, за рѣдкими исключеніями, между 7 и 15; съ 1893 же года мы видимъ слѣдующія числа засѣданій: въ 1893 — 26, въ 1894—20, въ 1895—31, въ 1896—26, въ 1897—23, въ 1898—30, въ 1899—32, въ 1900—34, въ 1901—35, въ 1902—39.

Упраздненный въ 1889 году университетскій судъ, или—какъ онъ назывался въ новой своей фазѣ — „профессорскій дисциплинарный судъ“, снова примѣненъ былъ къ Юрьевскому университету уже только въ послѣдніе мѣсяцы его столѣтняго существованія, въ силу и на основаніи высочайше утвержденныхъ 24-го августа 1902 года „Временныхъ правилъ о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія“. Правила эти заслушаны были въ засѣданіи совѣта 8-го сентября 1902 года; составъ суда избранъ былъ въ это и въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе 27-го сентября 1902 года; предсѣдателемъ избранъ

былъ профессоръ П. П. Пустороследъ, и первое засѣданіе суда имѣло мѣсто 6-го февраля 1903 года.

Внѣшнимъ регуляторомъ дѣятельности совѣта, правленія и факультетовъ были утвержденныя попечителемъ графомъ Кейзерлингомъ 6-го декабря 1868 года „Правила дѣлопроизводства въ совѣтѣ, правленіи и факультетахъ (Geschäftsordnung für das Conseil, das Directorium und die Facultäten der Kaiserlichen Universität Dorpat)“. При введеніи реформы, попечителемъ Н. А. Лавровскимъ обращено было вниманіе на ту особенность этихъ „правилъ“, въ силу которой въ упомянутыхъ коллегіяхъ рѣшеніе всѣхъ дѣлъ предоставлялось большинству, при чемъ до крайности ограничивалась роль меньшинства и предсѣдателя собранія; въ виду этого, предложеніемъ попечителя отъ 17-го марта 1893 года введены были для Юрьевскаго университета въ дѣйствіе „Правила о правахъ и обязанностяхъ ректора университета какъ предсѣдателя совѣта“, высочайше одобренныя 20-го сентября 1868 года [1]), бывшія уже давно обязательными для другихъ университетовъ имперіи и дававшія гораздо большій просторъ административной инціативѣ главы университета; вмѣстѣ съ этимъ, поручалось совѣту образовать особую комиссію для выработки проекта правилъ дѣлопроизводства въ правленіи и въ факультетахъ. Заслушавъ это порученіе въ засѣданіи 27-го апрѣля 1893 года, совѣтъ ходатайствовалъ передъ попечителемъ о выработкѣ дополнительныхъ правилъ и относительно дѣлопроизводства въ совѣтѣ на основаніи „Правилъ“ 20-го сентября 1868 года. Выработанный комиссіей, съ разрѣшенія попечителя, докладъ былъ, послѣ разсмотрѣнія его въ совѣтѣ, утвержденъ попечителемъ 12-го мая 1894 года подъ именемъ „Правилъ дѣлопроизводства въ совѣтѣ, правленіи и факультетахъ Императорскаго Юрьевскаго университета“. Съ теченіемъ времени, по указаніямъ практики, и въ этихъ „правилахъ“ обнаружились разнаго рода недостатки, побудившіе совѣтъ, въ засѣданіи 18-го декабря 1900 года, образовать особую, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ представителей каждаго факультета, комиссію для выработки проекта новыхъ „правилъ“; однако, составленному этой комиссіей проекту не пришлось до истеченія описываемаго періода получить соотвѣтствующее утвержденіе, и названныя коллегіальныя собранія Юрьевскаго университета до сихъ поръ еще руководятся правилами 1894 года.

---

[1]) Сборникъ постановленій, IV. 974—977.

Въ извѣстной связи съ вопросомъ о дѣлопроизводствѣ стояло и уничтоженіе, при реформѣ университета, особыхъ практиковавшихся до того въ канцеляріяхъ Дерптскаго университета сборовъ въ пользу секретарей и писцовъ. Сборы эти установились частію по давнему обычаю, частію въ силу попечительскихъ распоряженій въ 1840—1846 годахъ, а также словеснаго разрѣшенія ректора и декановъ—въ цѣляхъ пополненія скуднаго содержанія секретарей и писцовъ университетскихъ канцелярій; они производились съ частныхъ лицъ при выдачѣ аттестатовъ, дипломовъ, разнаго рода справокъ, копій и другихъ свѣдѣній канцелярскаго характера. Такъ, въ канцеляріи совѣта университета за дипломы на степень кандидата, магистра и доктора взималось сверхъ казенныхъ пошлинъ по 3 р. 60 к. въ пользу канцелярій и 30 к. въ пользу служителя, за указы объ увольненіи бывшихъ чиновниковъ университета 1 р., за удостовѣреніе о назначеніи пенсіи 60 к.; въ канцеляріи правленія: за увольнительныя отъ службы свидѣтельства и копіи съ формулярныхъ списковъ 1 р., за паспорты служащимъ 60 к.; въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ: за копію одного изъ личныхъ документовъ 40 к., за выдачу бывшему студенту свидѣтельства о поведеніи для предъявленія въ евангелическо-лютеранскую консисторію или въ воинское присутствіе 60 к.; въ канцеляріи медицинскаго факультета: за дипломъ на степень доктора медицины или магистра фармаціи 4 р. 50 к., за дипломъ на званіе лекаря, провизора или дантиста 4 р. 20 к., аптекарскаго помощника или повивальной бабки 3 р. 70 к., уѣзднаго врача 1 р. 50 к. Насколько значительны были такіе сборы для отдѣльныхъ лицъ, можно судить по тому, что, напримѣръ, въ 1891 году въ пользу секретаря совѣта поступило 511 р. 60 к., въ пользу писца въ канцеляріи совѣта 136 руб. 20 коп., въ пользу служителя при канцеляріи 52 руб. 30 коп.; въ канцеляріи правленія въ пользу писца 58 руб. 10 коп., въ канцеляріи медицинскаго факультета въ пользу писца поступила весьма значительная сумма 1.300 руб.; въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ въ пользу писца 6 руб. 40 коп. Въ 1893 году, согласно предложенію ректора А. С. Будиловича, была образована изъ ректора, проректора и декана медицинскаго факультета комиссія для разсмотрѣнія вопроса объ этихъ сборахъ, и на основаніи заключеній этой комиссіи попечитель, въ своемъ сообщеніи правленію отъ 5-го августа 1893 года, призналъ эти сборы, какъ незаконные, подлежащими уничтоженію; но чтобы до нѣкоторой степени вознаградить секретарей университетскихъ канцелярій за причиняемый имъ такой

отмѣной матеріальный ущербъ, имъ стало выдаваться изъ ресурсовъ университетской кассы ежегодное регулярное вознагражденіе, сверхъ жалованья, въ размѣрѣ 300 руб. каждому; вмѣстѣ съ тѣмъ усиленъ былъ и штатъ писцовъ [1]).

Что касается дѣлопроизводства въ факультетахъ, то до реформы секретарей въ факультетахъ не было, кромѣ медицинскаго факультета, который имѣлъ, въ виду многолюдности студентовъ на немъ, даже свою канцелярію; но съ 1892 года, когда дѣлопроизводство въ факультетахъ предписано было вести на русскомъ языкѣ, въ помощь деканамъ были даны, какъ уже упомянуто, дѣлопроизводители изъ членовъ факультета для веденія переписки на русскомъ языкѣ; въ вознагражденіе имъ положено было отпускать изъ спеціальныхъ средствъ по 200 руб. въ годъ на каждый факультетъ.

Выше было указано на главнѣйшіе моменты увеличенія штатной суммы для содержанія университета. Рядомъ съ этимъ основнымъ источникомъ былъ еще и другой, вспомогательный—такъ называемыя „спеціальныя средства“ университета, составлявшіяся исключительно изъ студенческихъ взносовъ за ученье и за матрикулы. Этотъ источникъ съ начала 1880-хъ годовъ, при значительномъ числѣ студентовъ, предоставлялъ университетской казнѣ сравнительно немалую денежную сумму, которая, особенно въ годы реформы, при многихъ новыхъ и экстренныхъ затратахъ, сыграла видную роль въ матеріальной сторонѣ ея проведенія: до самаго конца описываемаго періода на спеціальныя средства университета содержались не только вновь возникавшія учебно-вспомогательныя учрежденія и субсидировались—въ интересахъ улучшенія и расширенія—старыя, но ими оплачивалось и содержаніе немалаго числа лицъ изъ служебнаго персонала университета. Изъ этихъ двухъ источниковъ—неравными частями—слагалось матеріальное благосостояніе университета, и чтобы дать понятіе о ростѣ этого благосостоянія—въ общемъ весьма недостаточнаго, особенно въ годы реформы сравнительно съ положеніемъ другихъ университетовъ—мы сообщимъ здѣсь нѣкоторыя цифровыя данныя, относящіяся къ началу и къ концу описываемаго періода.

Штатная сумма на содержаніе Дерптскаго университета, по новому штату 1865 года, равнялась, какъ мы знаемъ, 209.200 руб., изъ которыхъ 137.550 руб. шло на содержаніе личнаго состава и 71.650 руб. на учебно-вспомогательныя учрежденія, хозяйственныя и

---

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 492, 1893 года.

другія нужды. Спеціальныя средства по смѣтѣ на 1866 годъ составляли въ общемъ всего лишь 9.522 руб. 89½ коп. Сюда входили: 1) сборъ со студентовъ за слушаніе лекцій и за занятія въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, по 5 руб. въ семестръ (со средняго числа за 1862—1864 годы 817 чел.) 8.170 руб. въ годъ; 2) единовременный сборъ за матрикулы съ каждаго вновь поступающаго студента по 4 руб. (со средняго числа за 1862—1864 годы 109 чел. въ семестръ) 872 руб. въ годъ; 3) отдача въ наймы погреба на Домской горѣ 200 руб. въ годъ; 4) плата за пользованіе университетскимъ грунтомъ на Домской горѣ (со средняго числа за 1862—1864 годы) 280 руб. 89½ коп. [1]). Суммы эти обращаемы были на хозяйственныя потребности университета. Квартиры въ натурѣ отъ университета имѣли: профессоръ астрономіи, профессоръ ботаники, консерваторъ зоологическаго кабинета, ассистенты факультетскихъ клиникъ, помощникъ въ клинической аптекѣ, акушерка женской клиники, экзекуторъ, оберъ-педель и учитель верховой ѣзды. При этомъ надо имѣть въ виду, что фактически университетъ располагалъ за указанный годъ спеціальными средствами только по двумъ первымъ пунктамъ, такъ какъ доходъ отъ отдачи въ аренду земельныхъ участковъ Домской горы и погреба, согласно состоявшемуся въ половинѣ 1860-хъ годовъ объединенію государственной кассы, причислялся къ общегосударственнымъ ресурсамъ; это обстоятельство именно и было причиною того, что при окончательномъ составленіи штата 1865 года была положена особая въ 1.000 руб. сумма на содержаніе Домской горы, издержки по которой покрывались ранѣе доходами съ этого нѣкогда дарованнаго университету земельнаго грунта. Такимъ образомъ, спеціальныя средства университета въ началѣ періода равнялись приблизительно 9.000 рублей.

Какими же средствами обладалъ университетъ въ концѣ описываемаго періода?

Изъ общей смѣты по Юрьевскому университету на 1902 годъ видно, что вслѣдствіе дополнительныхъ ассигнованій, большинство которыхъ приведено нами въ своемъ мѣстѣ, штатная сумма по всѣмъ статьямъ въ совокупности—за выключеніемъ извѣстнаго процента на пенсіи и

---

[1]) Первый пунктъ доходовъ имѣлъ основаніемъ высочайшее повелѣніе 6-го ноября 1860 года, второй—разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 31-го января 1846 года, третій—разрѣшеніе министерства отъ 28-го іюня 1826 года и четвертый—также разрѣшеніе министерства отъ 7-го іюня 1857 года.

въ инвалидный капиталъ—выражается въ 1902 году 278.866 руб. 85 коп., т. е. увеличилась приблизительно на одну треть. Спеціальныя средства по смѣтѣ того же года выражаются суммой 67.075 руб., т. е. увеличились съ 1865 года болѣе, чѣмъ въ семь разъ. Они слагаются изъ слѣдующихъ частей: 1. Сборъ за слушаніе лекцій въ I семестрѣ 1902 года съ 1.365 студентовъ, фармацевтовъ и постороннихъ слушателей по 25 руб. съ каждаго — 34.125 руб. и во II семестрѣ 1902 года съ 1.222 лицъ по 25 руб. съ каждаго—30.550 руб. 2. Плата за матрикулы съ 400 лицъ по 6 руб. съ каждаго—2.400 руб. Другія статьи доходовъ въ смѣтѣ спеціальныхъ средствъ 1902 года находятъ себѣ спеціальное назначеніе, сообразно и спеціальному своему происхожденію, и потому не могутъ быть привлечены къ сравненію, а именно: 1. Проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ 8.607 руб. 40 коп. (на стипендіи студентамъ); 2. Плата за пользованіе больныхъ въ университетскихъ клиникахъ 57.225 руб. (на содержаніе этихъ клиникъ); 3. Доходъ отъ продажи произведеній Ботаническаго сада 665 руб. (на содержаніе этого сада); 4. Сборъ за обученіе ученицъ въ женской клиникѣ родовспомогательному искусству 17.350 руб. (на содержаніе этой клиники и вознагражденіе преподавателей); 5. Сборъ съ лицъ, подвергающихся испытанію на званіе аптекарскаго помощника и провизора 1.372 руб. (на покрытіе расходовъ по приготовленію экзаменующимися фармацевтическихъ препаратовъ) [1]).

Немалый интересъ представляютъ и нѣкоторыя частности смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ на тотъ же 1902 годъ. На жалованье преподавателямъ (по вновь учрежденнымъ каѳедрамъ и приватъ-доцентурамъ цѣликомъ или частью на спеціальныя средства, иногда путемъ обращенія въ профессуры доцентуръ), сверхштатнымъ ассистентамъ, лаборантамъ, писцамъ университетской библіотеки—14.180 руб.; на наемъ писцовъ канцелярій университета, архива, низшихъ служителей и служанокъ въ клиникахъ, лабораторіяхъ и кабинетахъ — 5.478 руб.; квартирныя деньги профессору метеорологіи, инспектору студентовъ, астроному-наблюдателю, библіотекарю, секретарямъ, пис-

---

[1]) Цифры по пунктамъ 2, 3, 4 и 5 выведены со средняго числа за 1898—1900 годы. Основаніемъ второго пункта является высочайше утвержденное 24 іюня 1880 года мнѣніе государственнаго совѣта, третьяго — высочайше утвержденное 9 ноября 1882 года мнѣніе государственнаго совѣта, четвертаго — высочайше утвержденное 11 апрѣля 1888 года мнѣніе государственнаго совѣта и предложенія попечителя Р. У. О. отъ 22 декабря 1898 и 23 апрѣля 1899 года, пятаго—высочайше утвержденное 27 января 1889 года мнѣніе государственнаго совѣта.

цамъ, діакону православной церкви, педелямъ и ихъ помощникамъ, служителямъ разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій—3.765 р.; на пособія и награды низшимъ служителямъ—800 руб.; вознагражденіе библіотекарю за труды его по завѣдыванію университетской профессорской читальней—250 руб.; вознагражденіе уѣздному врачу за труды и содѣйствіе профессору государственнаго врачебновѣдѣнія — 100 руб.; на пріобрѣтеніе медалей для студентовъ—700 руб.; на путевыя пособія назначеннымъ въ должность преподавателямъ—900 руб.; на дѣлопроизводство по факультетамъ — 1.450 руб.; на печатаніе „Ученыхъ Записокъ"—3.000 руб.; на содержаніе поликлиники, лабораторіи по каѳедрѣ діагностики и кабинетовъ геологическаго, зоотомическаго и гигіеническаго—2.600 руб.; на усиленіе штатной суммы медицинской клиники, патологическаго и физіологическаго институтовъ, минералогическаго и физическаго кабинетовъ, астрономической обсерваторіи и нѣкоторыхъ другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій — 7.750 руб.; на усиленіе штатной суммы православной университетской церкви—400 руб.; на составленіе коллекцій книгъ и предметовъ по библейской и церковной археологіи (на богословскомъ факультетѣ) — 100 руб.; на студенческую библіотеку при историко-филологическомъ факультетѣ—200 руб.; на приведеніе въ порядокъ гербаріевъ Ботаническаго сада—240 руб.; за чтеніе дополнительныхъ лекцій приватъ-доцентами и профессорами — 5.000 руб.; добавочное содержаніе профессорамъ (за чтеніе на русскомъ языкѣ)—3.000 руб.; пособія ученымъ обществамъ при университетѣ — 600 руб.; пособія студентамъ — 2.000 руб.; газъ для институтовъ физико-математическаго факультета — 700 руб.; канцелярскіе расходы и разное печатанье—1.300 руб.; покупка дровъ—6.930 руб.; на празднованіе столѣтняго юбилея и печатаніе юбилейныхъ изданій—2.100 руб.; разные хозяйственные расходы, ремонтъ и другія надобности—3.532 руб.

Изъ приведенныхъ данныхъ достаточно видно, какую ничтожную роль играли спеціальныя средства въ бюджетѣ университета въ началѣ описываемаго періода и какое видное мѣсто заняли они, въ этой роли, къ концу послѣдняго. Можно положительно сказать, что безъ этого источника едва ли возможно было осуществленіе, по крайней мѣрѣ, учебной стороны реформы; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что средства эти въ значительной своей части отвлекались на такія статьи расхода (жалованье преподавателямъ, содержаніе нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій), которыя должны бы, при болѣе правильной постановкѣ дѣла реформы, всецѣло покрываться

изъ средствъ казны. Внѣ всякаго сомнѣнія, что чрезвычайное и притомъ хроническое напряженіе спеціальныхъ средствъ на удовлетвореніе указанныхъ надобностей сильно ослабляло возможность ихъ употребленія на усовершенствованіе многихъ сторонъ университетской жизни сообразно запросамъ времени. Вмѣсто того, чтобы получить, въ цѣляхъ наилучшаго перехода изъ одного состоянія въ другое, особые, увеличенные сравнительно съ другими русскими университетами, ресурсы, Юрьевскій университетъ имѣлъ, напротивъ, значительно болѣе скромный бюджетъ, чѣмъ остальные университеты имперіи, и покрывалъ, насколько это было возможно, не безъ ущерба и для отдѣльныхъ лицъ и для всего дѣла, экстренныя нужды переходнаго времени своими спеціальными средствами. При этихъ условіяхъ, едва имѣя возможность исполнить предъявленныя къ нему требованія, онъ не могъ уже, конечно, думать о свободномъ и широкомъ самостоятельномъ развитіи, обязательномъ для учрежденія столь важнаго государственнаго и общественнаго значенія.

Строительная дѣятельность университета въ описываемое время, по сравненію съ прошлымъ періодомъ, является весьма слабой, и объясняется это не только тѣмъ, что въ предшествующій періодъ сдѣлано было въ этомъ отношеніи сравнительно много, но также и тѣмъ, что въ это время университетъ не располагалъ для того достаточными матеріальными средствами.

До реформы, по части предоставленія университету необходимыхъ помѣщеній, путемъ постройки новыхъ или приспособленія пріобрѣтаемыхъ покупкою старыхъ зданій, удовлетворяемы были почти исключительно нужды медицинскаго факультета. Такъ, въ 1867 году купленъ былъ для глазной клиники домъ профессора Бухгейма, по Маріенгофской улицѣ, за 14.200 руб.; въ 1880 году купленъ былъ для помѣщенія клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней домъ профессора фонъ-Валя за 49.000 руб.; въ 1874—1875 годахъ, особенно благодаря настойчивымъ стараніямъ профессора Эрнста фонъ-Бергмана, были построены барачныя помѣщенія для хирургической клиники, стоимостью въ 28.975 руб., а въ 1887 — 1888 годахъ воздвигнуто было обширное каменное зданіе физіологическаго и патолого-анатомическаго институтовъ, постройка котораго обошлась въ 52.720 руб. 20 коп.

Въ связи съ этими постройками было сооруженіе университетскаго водопровода. Съ 1878 по 1889 годъ университетскія учебно-вспомогательныя учрежденія пользовались водой изъ водопровода мѣстной

станціи Балтійской желѣзной дороги, на основаніи договора, заключеннаго между университетомъ и правленіемъ общества Балтійской желѣзной дороги 10 октября 1878 года, за плату 0,2 коп. за каждый куб. футъ воды. Въ 1889 году университетъ построилъ собственную водокачку, при чемъ источникомъ воды явился обильный колодецъ съ прекрасной водой въ районѣ Домской горы; сооруженіе всѣхъ принадлежностей водопровода стоило около 11.000 руб.; затѣмъ, въ 1901 году для потребностей клинической прачешной былъ устроенъ особый дополнительный водопроводъ изъ рѣки Эмбаха, на что затрачено лишь 380 руб.

Въ періодъ реформы пришла очередь нѣкоторому удовлетворенію настоятельныхъ нуждъ, по части постройки или найма соотвѣтствующихъ помѣщеній, для физико-математическаго факультета. По договору между правленіемъ университета и профессоромъ Александромъ фонъ-Эттингеномъ 13-го апрѣля 1892 года, послѣдній отдалъ въ наемъ университету верхній этажъ своего дома, по Прудовой улицѣ (изъ пяти комнатъ съ корридоромъ, необходимыми надворными постройками и двумя башенными комнатами) для помѣщенія тамъ метеорологической обсерваторіи, за 300 руб. въ годъ; въ 1894—1895 годахъ былъ построенъ особый павильонъ для магнитныхъ наблюденій, стоимость котораго по смѣтѣ вычислена была въ 1.840 руб. 10 коп. Въ 1898 году произведена была постройка новаго ботаническаго кабинета, стоимостью въ 10.521 руб. 96 коп., а нѣсколько ранѣе передъ тѣмъ, въ 1896 году, было отпущено изъ казны 2.300 руб. на ремонтъ архидной галереи. Въ 1895 году построено небольшое круглое помѣщеніе, предназначенное для наблюденій переносными астрономическими инструментами; постройка его обошлась около 1.000 руб.; помѣщенный тамъ „зенитъ-телескопъ“ былъ заказанъ въ Гамбургѣ у фирмы „А. Репсольдъ и сыновья“ за 4.750 марокъ, а въ 1899 году пріобрѣтенъ у той же фирмы приборъ для измѣренія солнечныхъ фотограммъ за 825 марокъ. Въ концѣ 1896 года было устроено при астрономической обсерваторіи сейсмическое отдѣленіе; сейсмическіе приборы помѣщены въ старинномъ погребѣ, прежде сдававшемся университетомъ въ наемъ, а также въ подвалѣ обсерваторіи; стоимость приборовъ простирается до 2.500 р. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что приведенныя цифры стоимости поименованныхъ зданій или сооруженій указываютъ лишь на первоначальную смѣту или результатъ торговъ правленія съ подрядчиками; въ дѣйствительности же всегда требовались извѣстныя дополнительныя ассигнованія на усовершенствованіе или оборудованіе

возведенныхъ зданій, что покрывалось обыкновенно изъ спеціальныхъ средствъ.

Непосредственно послѣ начала реформы рѣшено было сооруженіе домовой православной университетской церкви. Уже въ 1893 году число вновь назначенныхъ православныхъ преподавателей университета простиралось до 25 человѣкъ, а число студентовъ православнаго исповѣданія до 100, при чемъ въ ближайшемъ будущемъ число тѣхъ и другихъ должно было увеличиться. Мысль объ устройствѣ православной церкви, явившаяся въ средѣ мѣстнаго и окружного начальства университета, была горячо поддержана министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Деляновымъ, посѣтившимъ, съ цѣлію ревизіи, Юрьевскій университетъ въ концѣ 1893 года, и преосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ рижскимъ и митавскимъ. Однако, на первыхъ же шагахъ, дѣло это встрѣтило существенныя затрудненія: въ университетѣ не было для церкви подходящаго свободнаго помѣщенія, не было и денегъ на ея устройство и содержаніе. Сначала остановились на мысли приспособить для православной церкви зданіе библіотеки, передѣланное нѣкогда изъ алтарной части обширнаго католическаго собора—въ надеждѣ, что на постройку новаго библіотечнаго зданія, въ которомъ такъ нуждалась университетская библіотека, будутъ отпущены особыя средства; но когда выяснилось, что надежда эта имѣетъ очень мало шансовъ на осуществленіе, то рѣшено было приспособить для православной церкви помѣщеніе метеорологическаго кабинета, служившаго вмѣстѣ и магнитной обсерваторіей, въ третьемъ этажѣ главнаго зданія университета; при этомъ метеорологическій кабинетъ переведенъ былъ въ помѣщеніе бывшей „Академической Муссы", а для магнитныхъ наблюденій рѣшено было построить особый павильонъ. На приспособленіе названнаго помѣщенія къ церкви потребовалось 2.150 руб., которые и были ассигнованы изъ казны, согласно высочайше утвержденному 29-го декабря 1894 года мнѣнію государственнаго совѣта; кромѣ того, дополнительно отпущено было на эту же цѣль 600 руб. изъ спеціальныхъ средствъ университета. Снабженіе церкви необходимыми предметами для богослуженія и книгами совершено было благодаря участію нѣкоторыхъ московскихъ благотворителей, а также многихъ лицъ изъ тогдашняго профессорскаго персонала университета [1]). На содержаніе церкви отпущено было изъ казны, съ

---

[1]) Перечень этихъ предметовъ помѣщенъ въ „Біографическомъ Словарѣ" т. I, стр. 30—32.

1-го января 1896 года, по 700 руб. въ годъ, и на одну часть этой суммы немедленно открыта была штатная вакансія псаломщика, учрежденная указомъ святѣйшаго синода отъ 12-го октября 1895 года и замѣщенная вскорѣ затѣмъ діакономъ, а другая часть предположена была на покрытіе текущихъ расходовъ по церкви; удовлетвореніе послѣдней нужды требовало однако же въ послѣдующіе годы дополнительной поддержки изъ спеціальныхъ средствъ университета въ размѣрѣ около 400 руб. ежегодно. Торжественное освященіе церкви во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго состоялось 23-го ноября 1895 года; оно совершено было архіепископомъ Арсеніемъ въ сослуженіи со всѣмъ наличнымъ православнымъ духовенствомъ города Юрьева и въ присутствіи министра графа Делянова. Предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 12-го октября 1896 года положено было праздновать ежегодно 23-го ноября какъ день храмового праздника новоучрежденной церкви. Первымъ настоятелемъ церкви былъ и до сихъ поръ состоитъ профессоръ православнаго богословія протоіерей А. С. Царевскій; старостами церкви были сначала проф. Б. И. Срезневскій (1895—1898), а потомъ (съ 1898 г.) проф. М. Е. Красноженъ [1]).

Въ самомъ концѣ описываемаго періода возникла мысль объ устройствѣ студенческаго общежитія, въ учрежденіи которыхъ министерство, какъ можно заключить изъ циркуляра 21-го іюля 1899 года, видѣло „наиболѣе цѣлесообразную мѣру для установленія желательнаго общенія студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ“ [2]). Предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 26-го марта 1901 года разрѣшено было построить студенческое общежитіе въ Юрьевѣ, на 150 человѣкъ, при чемъ на постройку ассигновано было до 225.000 руб. изъ казны. Послѣ продолжительныхъ колебаній, мѣстомъ для постройки была выбрана часть грунта на Домской горѣ, близко примыкающая къ Гецельской улицѣ. Постройка зданія совершалась въ теченіе 1902—1904 года, а освященіе общежитія состоялось 24-го октября 1904 года.

Университетскія помѣщенія общаго характера и назначенія, т. е. такъ называемый „старый университетъ“ на углу Рыцарской улицы и Большого рынка и главное зданіе на Ивановской улицѣ, въ теченіе описываемаго времени мало потерпѣли измѣненій. Въ „старомъ уни-

---

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 592, 1893 года.
[2]) Сборникъ распоряженій, XIV. 710.

верситетскомъ зданіи“ помѣщалось ученое эстонское общество со своими коллекціями и библіотекой, фармацевтическій институтъ съ 1870 года, а до 1893 года и „рисовальная школа“, послѣ упраздненія которой помѣщеніе ея перешло къ фармацевтическому институту; внизу помѣщалась и до сихъ поръ помѣщается педельная комната. Съ переводомъ весной 1870 года управленія округомъ въ Ригу и отъѣздомъ попечителя изъ Дерпта, квартира послѣдняго въ „старомъ университетѣ“ была занята фармацевтическимъ институтомъ, съ выдѣленіемъ четырехъ комнатъ на случай пріѣздовъ попечителя. Однако ректоръ университета обратился, уже 6-го мая 1870 года, въ правленіе съ ходатайствомъ, чтобы „старое университетское зданіе“ передано было университету цѣликомъ, со включеніемъ и упомянутыхъ четырехъ попечительскихъ комнатъ, которыя имѣлось въ виду отвести подъ помѣщеніе для производства испытаній; для пріѣздовъ же попечителя была подыскана въ наемъ, за 200 руб. въ годъ, меблированная квартира въ домѣ бургомистра Вальтера, на Рыцарской улицѣ, гдѣ уже ранѣе обыкновенно останавливались прибалтійскіе генералъ-губернаторы при посѣщеніяхъ ими Дерпта. Правленіе университета, а равно и самъ попечитель выразили на это свое согласіе, съ тѣмъ однако же, чтобы нанятая квартира служила и для остановокъ въ ней помощника попечителя; наемная плата за квартиру падала на спеціальныя средства университета. Когда затѣмъ въ 1876 году попечитель снова переѣхалъ на житье въ Дерптъ, а въ Ригѣ остался его помощникъ, то означенная квартира въ домѣ Вальтера служила для остановокъ въ ней исключительно помощника попечителя; самъ же попечитель имѣлъ особое наемное помѣщеніе, въ частномъ домѣ. Что касается главнаго университетскаго зданія на Ивановской улицѣ, то оно по прежнему вмѣщало въ себѣ, кромѣ актоваго зала и зала для свѣтскихъ засѣданій, еще главнѣйшія учебно-вспомогательныя учрежденія физико-математическаго факультета, музей изящныхъ искусствъ, аудиторіи для факультетовъ богословскаго, историко-филологическаго, юридическаго и отчасти физико-математическаго, университетскія канцеляріи и архивъ, карцеръ; въ послѣднее же время—какъ уже упомянуто—тамъ помѣщалась и донынѣ помѣщается православная университетская церковь. Капитальному ремонту оно въ теченіе всего описываемаго періода не подвергалось, и только въ 1897 году произведена была внѣшняя почистка нѣкоторыхъ помѣщеній и покраска зданія снаружи, на что отпущено было министерствомъ 4.784 руб. изъ суммъ строительнаго капитала среднихъ учеб-

ныхъ заведеній. Зданіе это, по своей тѣснотѣ, отсутствію достаточнаго дневного свѣта и общему примитивному устройству еще задолго до столѣтняго юбилея перестало отвѣчать надлежащимъ образомъ своему назначенію, и потому совершенно понятнымъ является слѣдующее вынесенное отъ него впечатлѣніе однимъ изъ почетнымъ гостей на юбилейномъ торжествѣ 1902 года: „Зданіе небольшое, съ наружной стороны красивое и чистенькое, внутри сумрачное, тѣсное и грязное. Корридоры узкіе, темные и холодные; аудиторіи маленькія, съ низкими потолками, ничуть не лучше харьковскихъ второстепенныхъ городскихъ училищъ, съ такими же двумѣстными скамьями, какъ въ городскихъ училищахъ. Верхняя одежда размѣщается тутъ же, въ аудиторіяхъ, на стѣнкахъ. Небольшой торжественный залъ, маленькая православная церковь и сравнительно большая, новая и свѣтлая лютеранская церковь" [1]).

Вообще строительныя нужды университета, особенно въ періодъ реформы, были до крайности велики и очевидны. Университетское начальство, особенно въ лицѣ ректора А. С. Будиловича, неоднократно дѣлало обстоятельно и детально мотивированныя представленія по этому предмету, но постоянно почти получало отказъ, со ссылкой на неимѣніе въ распоряженіи министерства на это нужныхъ средствъ. Какъ на примѣръ, можемъ указать здѣсь на одно такое ходатайство, представленное А. С. Будиловичемъ министру финансовъ С. Ю. Витте, отъ 20-го іюля 1897 года. Въ этомъ ходатайствѣ испрашивалось: на постройку библіотеки 258.536 р. 90 к., на надстройку третьяго этажа надъ однимъ изъ флигелей университета 19.756 р. 76 к., на перестройку стараго зданія манежа для музея изящныхъ искусствъ 25.394 р. 67 к., на расширеніе ботаническаго кабинета 10.000 р., на перестройку астрономической обсерваторіи 41.900 р., на пристройку флигеля къ глазной клиникѣ 9.061 р. 5 к. и на пристройку флигеля къ госпитальной клиникѣ 10.600 р. Какъ мы видѣли, только одна небольшая часть этого ходатайства (относительно ботаническаго кабинета) была уважена.

Недвижимой собственностью университета, кромѣ зданій, попрежнему оставалась Домская гора, на украшеніе которой въ прежніе годы было потрачено со стороны университета немало усилій и денежныхъ средствъ. Какъ обширный земельный участокъ въ самомъ

---

[1]) Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Столѣтіе Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета. Харьковъ. 1903, стр. 11.

центрѣ города, Домская гора уже съ первыхъ лѣтъ существованія университета стала застраиваться, кромѣ университетскихъ построекъ, частными зданіями, въ силу весьма льготныхъ арендныхъ на вѣчныя времена условій, которыя заключались университетомъ съ разными частными лицами [1]); между послѣдними было немалое число представителей преподавательскаго и служебнаго персонала университета. Такимъ способомъ возникли прилегающія теперь къ университетскому парку улицы Прудовая, Мельничная, Обводная, Яковлевская и нѣкоторыя другія, расположенныя большею частію своихъ построекъ на нѣкогда арендованной у университета землѣ. Право отдачи въ эту аренду осталось за университетомъ и въ описываемое время, будучи подтверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 7-го іюня 1857 года, при чемъ осталась почти безъ измѣненія прежняя, крайне низкая арендная плата по 5 коп. съ квадратной руты (приблизительно 5,27 кв. саж.) въ годъ. Какъ уже упомянуто, плата за эту аренду, бывшая до половины 1860-хъ годовъ составной частью спеціальныхъ средствъ университета и шедшая на содержаніе и украшеніе Домской горы, съ изданіемъ новаго штата 1865 года отошла въ общіе государственные ресурсы, а Домская гора получила для своего содержанія особую штатную сумму изъ казны; тѣмъ не менѣе, въ первые же годы описываемаго періода со стороны университета сдѣлана была попытка оставить за собою пользованіе арендной платой; ходатайство въ этомъ смыслѣ отъ имени правленія и совѣта (5-го и 19-го декабря 1867 года) было представлено на усмотрѣніе министра финансовъ и государственнаго контроля, но не имѣло успѣха, какъ видно изъ отвѣта попечителя совѣту отъ 30-го мая 1868 года [2]). Нельзя здѣсь не упомянуть о томъ, что въ прежнее время отмежеваніе арендованныхъ разными лицами участковъ совершалось со стороны университета безъ достаточнаго вниманія къ своимъ интересамъ; это въ особенности сдѣлалось яснымъ изъ исхода процесса, веденнаго университетомъ (въ лицѣ уполномоченнаго имъ профессора А. С. Невзорова) въ 1898—1903 годахъ съ однимъ изъ арендаторовъ, присяжнымъ повѣреннымъ фонъ-Брекеромъ: въ результатѣ — послѣдній принужденъ былъ уменьшить площадь своего сада, на Домской горѣ,

---

[1]) Das erste Jahrzehnt der ehemaligen Universität Dorpat. Aus den Memoiren des Prof. *J. W. Krause*. Baltische Monatsschrift, B. LIII (1902), стр. 248—249.

[2]) Архивъ Юрьевскаго Университета: Grundzinsgelder.

на 36,56 кв. рутъ (192,65 кв. саж.), которыми не по праву пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ, вслѣдствіе неправильной отмежовки заарендованнаго грунта.

Домская гора была цѣнна для университета главнымъ образомъ какъ мѣсто сооруженія его учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ недалекомъ разстояніи одно отъ другого, и какъ прекрасный паркъ. Отъ возведенія новыхъ построекъ площадь Домской горы, конечно, уменьшалась для свободнаго пользованія, постепенно теряла свой первоначальный лѣсной характеръ, и уже при постройкѣ студенческаго общежитія въ 1902 году сначала представлялось затруднительнымъ подыскать подходящее мѣсто на свободномъ университетскомъ грунтѣ, такъ что одно время преобладала даже мысль о покупкѣ для этой цѣли участка земли у частнаго владѣльца. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ ея видѣ Домская гора представляетъ неоцѣненное благо какъ для университета, такъ и для всего города въ гигіеническомъ и эстетическомъ отношеніи. Засадка парка новыми деревьями въ описываемое время производилась гораздо менѣе энергично, чѣмъ прежде, за то въ интересахъ усовершенствованія и привлекательности его для мѣстной публики приняты были нѣкоторыя мѣры. Такъ, съ половины 1880-хъ годовъ на Домской горѣ въ лѣтніе мѣсяцы, въ извѣстные дни и часы недѣли, стала играть городская капелла, сначала въ незадолго передъ тѣмъ возникшемъ павильонѣ съ прохладительными напитками, а потомъ въ спеціально построенномъ для этого павильонѣ въ другой сторонѣ парка, у зданія университетской библіотеки—по тѣмъ соображеніямъ, что, вслѣдствіе нахожденія перваго павильона вблизи анатомическаго театра и главной медицинской клиники, музыка мѣшала занятіямъ студентовъ и безпокоила больныхъ. Весной и лѣтомъ 1902 года въ двухъ мѣстахъ Домской горы, передъ анатомическимъ театромъ и у подножія развалинъ стараго собора, были расчищены площадки и устроены приспособленія для игры въ лаунъ-тенисъ. Къ достопримѣчательностямъ Домской горы относятся, между прочимъ, памятникъ К. Э. фонъ-Беру, о постановкѣ котораго въ концѣ главной аллеи парка, въ 1886 году, мы уже говорили, и кругловатый, довольно большой величины, камень. Этотъ камень, по преданію, очень давняго происхожденія на данномъ мѣстѣ, быть можетъ съ языческихъ временъ; на верхней части его есть два чашеобразныхъ, несомнѣнно искусственныхъ, углубленія. Объ этомъ археологическомъ памятникѣ профессоръ П. А. Висковатовъ подалъ въ 1894 году въ правленіе университета заявленіе, изъ котораго видно,

что когда въ 1879—1880 годахъ производились работы по приведенію въ болѣе изящный видъ нѣкоторыхъ, дикихъ еще, уголковъ Домской горы, то было, между прочимъ, отдано приказаніе уничтожить этотъ камень и части его употребить на земляныя работы, однако исполнитель послѣднихъ пощадилъ этотъ остатокъ старины и искусственно опустилъ его въ землю; авторъ означеннаго заявленія просилъ, въ виду предстоявшаго тогда, въ 1896 году, X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, откопать камень и, такимъ образомъ, снова сдѣлать видимой эту старинную достопримѣчательность, что̀ и было исполнено. Въ настоящее время камень этотъ находится возлѣ павильона съ прохладительными напитками, обсаженный группой небольшихъ деревьевъ; въ объясненіе упомянутыхъ чашеобразныхъ углубленій на немъ ходитъ нѣсколько мѣстныхъ легендъ и разсказовъ [1]).

Къ числу художественныхъ украшеній Домской горы одно время относился такъ называемый „Vater Rhein“, т. е. бронзовое изваяніе миѳологической фигуры бога рѣки Рейна, работы извѣстнаго мѣстнаго художника фонъ-Вильбоа. Это художественное произведеніе принесла въ 1874 году въ даръ университету Шарлотта фонъ-Гроте, урожденная графиня Меллинъ, въ память своей покойной матери, долго жившей въ Дерптѣ, съ тѣмъ, чтобы оно было поставлено въ университетскомъ паркѣ, и на содержаніе статуи въ порядкѣ жертвовательницей былъ переданъ въ университетъ капиталъ въ 1.000 рублей. Въ началѣ 1880-хъ годовъ, когда возникли болѣе острыя враждебныя отношенія мѣстнаго эстонскаго населенія къ нѣмцамъ, эстонцы установили на упомянутое изваяніе такой взглядъ, что въ немъ намѣренно символизированы германскія политическія тенденціи Прибалтійскихъ губерній, къ чему подавала поводъ самая композиція этого произведенія, въ видѣ трехъ болѣе мелкихъ фигуръ миѳологическаго содержанія возлѣ одной большой. Подъ вліяніемъ этой идеи, сдѣлавшейся въ дерптскихъ эстонскихъ кругахъ очень популярной, на статую не разъ дѣлались покушенія ее испортить, а 26-го октября 1883 года она была взорвана и тѣмъ значительно испорчена; въ виду этого, лифляндскій губернаторъ предложилъ университету поставить изваяніе въ закрытомъ помѣщеніи, гдѣ (въ одномъ изъ сараевъ) въ настоящее время оно и находится. Въ 1896 году наслѣдники г-жи фонъ-Гроте возбудили къ университету искъ о передачѣ имъ этой статуи на томъ основаніи, что университетъ не выполнилъ условія дара, поставивъ

[1]) Архивъ Юрьевскаго Университета: Anlagen auf dem Domberge. V. III.

статую въ закрытое помѣщеніе; университетъ, черезъ своего повѣреннаго, профессора А. С. Невзорова, выигралъ процессъ сначала въ рижскомъ окружномъ судѣ 14-го февраля 1897 года, потомъ, по апелляціи противной стороны, дважды въ С.-Петербургской судебной палатѣ 9-го января 1898 года и 28-го сентября 1901 года; однако и на это послѣднее рѣшеніе повѣреннымъ истцовъ фонъ-Брекеромъ подана апелляціонная жалоба, результатъ которой пока неизвѣстенъ [1]).

Кромѣ Домской горы, другихъ земельныхъ участковъ университетъ въ описываемый періодъ не имѣлъ и не имѣетъ; но здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одной неосуществившейся возможности для университета сдѣлаться собственникомъ довольно значительнаго недвижимаго имущества внѣ предѣловъ города Юрьева. Именно, умершій 26-го ноября 1881 года баронъ Рейнгольдъ фонъ-Штемпель отказалъ, въ своемъ завѣщаніи отъ 11-го января 1881 года, родовое свое имѣніе Альтъ-Грюнвальдъ, въ Курляндіи, состоявшее изъ 1322 десятинъ земли, съ постройками, живымъ и мертвымъ инвентаремъ, Дерптскому университету. Но мать, братья и сестры барона Штемпеля начали процессъ о признаніи упомянутаго завѣщанія недѣйствительнымъ, вслѣдствіе того, что покойный баронъ страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей и потому не могъ сознательно отнестись къ составленію имъ своего завѣщанія. Постановленіемъ митавскаго окружнаго суда отъ 27-го октября 1898 года, завѣщаніе признано въ самомъ дѣлѣ недѣйствительнымъ, и упомянутаго имущества университетъ унаслѣдовать не могъ [2]).

VI.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета.—Библіотека; ея управленіе, денежныя средства, книжныя пожертвованія; вопросъ объ архивѣ де-ла-Гарди; тѣснота помѣщенія. — Учрежденіе профессорской читальни. — Рисовальная школа. — Обученіе музыкѣ. — Физическія упражненія. — Общія свѣдѣнія о состояніи нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ въ 1860-ые и 1890-ые годы.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета центральнымъ по своему общему характеру и первымъ по важности является и въ описываемое время университетская библіотека.

---

[1]) Архивъ Юрьевскаго университета: „Статуя бога рѣки Рейнъ“.

[2]) Архивъ Юрьевскаго университета: Nachlasssachen des verstorbenen Barons Reinhold v. Stempel zu Alt-Grünwald.

Регуляторомъ ея дѣятельности были съ одной стороны „правила для управленія университетской библіотеки“ (Reglement für die Bibliothekverwaltung bei der Dorpater Universität, въ 27 §§), утвержденныя совѣтомъ университета 14-го мая 1865, а съ другой „правила для пользованія университетской библіотекой“ (Reglement für die Benutzung der Universitätsbibliothek, въ 18 §§), утвержденныя правленіемъ 16-го ноября 1868 года. Въ 1890-хъ годахъ, при реформѣ, почувствовалась потребность въ выработкѣ новыхъ правилъ для библіотеки и въ смыслѣ ея управленія и въ смыслѣ пользованія ею; особо избранной изъ представителей факультетовъ комиссіей выработанъ былъ въ совѣтѣ университета проектъ этихъ новыхъ правилъ, и первые 12 §§ его разсмотрѣны и приняты были въ засѣданіи совѣта 9-го октября 1897 года; но затѣмъ продолженіе этого дѣла, за недостаткомъ времени, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно откладывалось, пока означенный проектъ не былъ обратно взятъ изъ совѣта, согласно ходатайству директора библіотеки отъ 27-го сентября 1901 года. Система управленія библіотекой и правила пользованія ею въ общихъ чертахъ остались прежнія [1]).

Бюджетъ библіотеки, по штату 1865 года, опредѣленъ былъ въ 5.000 руб., что послѣ дополнительнаго штата 1842 года (въ 3.157 р. 10 к.) представляло значительную прибавку. Упомянутыми правилами для управленія университетской библіотекой 14-го мая 1865 года (§ 7) сумма эта распредѣлялась между факультетами слѣдующимъ образомъ: богословскому—420 руб., юридическому—420 руб., медицинскому—560 руб., историко-филологическому—700 руб и физико-математическому — 700 р.; на общенаучный отдѣлъ, на сочиненія по исторіи культуры, изящной литературы и исторіи искусства—700 руб., на русскую литературу отдѣльно—200 руб., а остальные 1.300 руб. уходили на пересылку, упаковку, комиссію, переплеты, библіотечные шкафы, канцелярскія потребности, освѣщеніе и вознагражденіе низшихъ служителей библіотеки. Что касается распредѣленія указанныхъ факультетскихъ паевъ на отдѣльныя каѳедры, то съ самаго же начала періода установленъ былъ такой порядокъ, что всѣ факультеты, кромѣ историко-филологическаго, распредѣляли общую сумму по всѣмъ каѳедрамъ равномѣрно, такъ что на богословскомъ факультетѣ приходилось по 84 руб. на каѳедру, на юридическомъ по 70 руб., на медицинскомъ по 50 руб. 83 к. и на физико-математическомъ по

[1]) См. т. I, стр. 469—471.

77 руб. 77 к.; на историко-филологическомъ же факультетѣ сумма въ 700 руб. распредѣлялась такъ, что каѳедра русской литературы (по офиціальному названію „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще“), въ виду имѣвшейся въ ея распоряженіи особой суммы, не участвовала въ факультетскомъ дѣлежѣ; каѳедра всеобщей исторіи получала 140 руб., а остальная сумма 560 руб. распредѣлялась между прочими семью каѳедрами поровну, т. е. по 80 руб.; такимъ образомъ, доцентура русскаго языка и литературы (т. е. фактически, какъ это было всегда на практикѣ, исторія русскаго языка и церковно-славянскій языкъ), каѳедра сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій (т. е. фактически каѳедра славяновѣдѣнія), а также предметы всеобщей литературы и исторіи церкви, не представленные особыми каѳедрами, совсѣмъ не располагали средствами для пополненія соотвѣтствующихъ отдѣловъ университетской библіотеки и пополнялись только случайными пріобрѣтеніями по заказамъ со стороны представителей смежныхъ спеціальностей, или изрѣдка благодаря единовременнымъ и крайне скромнымъ спеціальнымъ ассигнованіямъ. Полагавшаяся по штату 1865 года особая сумма въ 800 руб. на выписку газетъ и журналовъ распредѣлялась между факультетами такъ: богословскому и юридическому— по 60 руб., медицинскому, историко-филологическому и физико-математическому по 120 руб.; на общенаучные журналы, а также на періодическія изданія по исторіи культуры, изящной литературѣ и исторіи искусства—220 руб. и на политическія газеты—100 руб.

Очень естественно, что, при столь скудныхъ штатныхъ средствахъ для пріобрѣтенія книгъ, постоянно чувствовалась необходимость въ дополнительныхъ ассигнованіяхъ. Такъ, высочайше утвержденнымъ 4-го сентября 1873 года мнѣніемъ государственнаго совѣта было отпущено изъ казны единовременно 800 руб. на пополненіе библіотеки по отдѣлу русской исторіи [1]. 29-го іюня 1876 года отпущено было изъ средствъ казны 1.500 руб. на пополненіе отдѣла библіотеки по исторіи русской литературы и языка. Вотъ какъ, между прочимъ, писалъ проф. П. А. Висковатовъ, отъ 8-го декабря 1875 года, возбуждая передъ историко-филологическимъ факультетомъ ходатайство объ упомянутомъ ассигнованіи: „При вступленіи въ должность [т. е. въ 1874 году] я нашелъ вышеозначенное отдѣленіе [т. е. русскаго языка и литературы, а также славяновѣдѣнія] уни-

[1]) Сборникъ постановленій, V. 2153—2154.

верситетской библіотеки въ самомъ плохомъ состояніи, такъ какъ недоставало даже необходимыхъ учебниковъ, напримѣръ Галахова изд. 1868 года. Недоставало и недостаетъ и въ настоящее время сборниковъ и сочиненій какъ литературнаго, такъ и филологическаго содержанія. Ни одно повременное изданіе не имѣется въ полномъ видѣ, а многихъ и вовсе нѣтъ... Даже журналъ „Русская Старина" не пріобрѣтенъ вовремя, такъ что не имѣется чрезвычайно важныхъ томовъ перваго и второго года, которые въ книжной торговлѣ распроданы. Изъ филологическихъ сочиненій нѣтъ именно тѣхъ, которыя считаются классическими по русской и славянской филологіи (Срезневскаго и Потебни), не говоря уже о польскихъ, чешскихъ и другихъ славянскихъ писателяхъ". 10-го декабря 1880 года профессора Висковатовъ, Брикнеръ и Стида просили историко-филологическій факультетъ возбудить ходатайство объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 3.000 руб. на пріобрѣтеніе книгъ по русскому языку и литературѣ, славянской филологіи, русской исторіи, статистикѣ, географіи Россіи; ходатайство это было поддержано совѣтомъ, и, согласно высочайше утвержденному 14-го мая 1882 года мнѣнію государственнаго совѣта, отпущено было, какъ уже упомянуто въ своемъ мѣстѣ, въ теченіе 1883—1885 годовъ по 1.000 руб. ежегодно, т. е. всего 3.000 руб.—однако на нужды библіотеки вообще; въ виду этого послѣдняго обстоятельства, въ 1885 году возбуждено было, черезъ историко-филологическій факультетъ, профессорами Висковатовымъ, Брикнеромъ, Бодуэномъ де-Куртенэ и Мукке прежнее, нѣсколько видоизмѣненное теперь, ходатайство объ отпускѣ 3.000 руб. на пополненіе библіотеки по предметамъ русскаго языка и литературы, сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, исторіи Россіи и географіи, этнографіи и статистики Россіи; но ходатайство это успѣха не имѣло. Въ эпоху реформы, со введеніемъ въ составъ факультетскаго преподаванія многихъ новыхъ предметовъ и съ обнаружившимися весьма значительными пробѣлами въ разныхъ отдѣлахъ библіотеки по научной литературѣ главнымъ образомъ на русскомъ, а также англійскомъ и французскомъ языкахъ, при появленіи въ университетѣ многихъ новыхъ преподавательскихъ силъ, наконецъ при неизбѣжномъ условіи новыхъ научныхъ потребностей сообразно общему росту различныхъ отраслей науки, дефекты университетской библіотеки въ Юрьевѣ обнаружились съ особенной очевидностью. Вся тяжесть удовлетворенія этихъ, большею частью спѣшныхъ, книжныхъ потребностей—такъ какъ бывали случаи, что по нѣкоторымъ пред-

метамъ безъ соотвѣтствующаго экстреннаго пополненія библіотеки совершенно нельзя было вести преподаваніе—легла тогда на спеціальныя средства университета: въ теченіе 1890-хъ годовъ правленіе ассигновывало почти каждому новому преподавателю извѣстную сумму въ 200—500 руб. на пополненіе того или другого спеціальнаго отдѣла библіотеки; независимо отъ этого, въ то же десятилѣтіе наиболѣе остраго періода реформы, по текущимъ заказамъ библіотеки расходъ всегда далеко превышалъ опредѣленную штатную сумму, и образовывавшіеся такимъ образомъ хроническіе дефициты библіотеки, равные почти самой штатной суммѣ, покрывались исключительно изъ спеціальныхъ средствъ. Въ этихъ усиліяхъ пополненія библіотеки указаннымъ способомъ принимали участіе главнымъ образомъ историко-филологическій и юридическій факультеты и въ меньшей степени—богословскій, медицинскій и физико-математическій: первый—потому что реформа его не коснулась, а два послѣдніе потому, что отдѣльныя каѳедры по этимъ факультетамъ пополняли свои книжныя потребности на средства соотвѣтствующихъ институтовъ и кабинетовъ, что въ концѣ концовъ, при изложенныхъ выше обстоятельствахъ, большею частью также ложилось на спеціальныя средства университета. Въ результатѣ этихъ усилій явилось то, что къ концу описываемаго періода университетская библіотека въ Юрьевѣ по нѣкоторымъ частямъ была оборудована довольно удовлетворительно сочиненіями сравнительно новыми, которыя можно было достать въ продажѣ, но по части старыхъ научныхъ сочиненій, написанныхъ не на нѣмецкомъ языкѣ и вышедшихъ уже изъ продажи, библіотека и по настоящее время страдаетъ весьмя крупными пробѣлами, тѣмъ болѣе чувствительными для учащаго и учащагося персонала университета, что въ городѣ не имѣется никакого другого книгохранилища, которое могло бы хотя сколько-нибудь отвѣчать требованіямъ при научной и преподавательской работѣ.

Однако, кромѣ денежныхъ ассигнованій, были и другіе источники къ умноженію университетской библіотеки. Еще съ 1820-хъ годовъ начался обмѣнъ диссертаціями съ германскими университетами, а съ начала 1880-хъ годовъ въ этомъ обмѣнѣ принимаютъ участіе нѣкоторые университеты Франціи, Швеціи, Даніи, Швейцаріи и Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Обмѣнъ такъ называемыми „программами“ съ средними германскими школами начался съ половины 1870-хъ годовъ, при чемъ университетъ, со своей стороны, издаетъ, для отвѣтной разсылки, какое-либо небольшое научное сочиненіе на одномъ изъ

иностранныхъ языковъ, большею частію по-нѣмецки или по-латыни. Со времени изданія съ 1893 года „Ученыхъ Записокъ“ университета, въ обмѣнъ на послѣднія стали получаться многія періодическія, преимущественно русскія, изданія, цѣликомъ поступающія въ университетскую библіотеку. Здѣсь же должно упомянуть о поступленіи въ библіотеку съ 1828 года различныхъ изданій, большею частію на эстонскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, разрѣшаемыхъ мѣстною цензурою, а съ 1896 года Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати доставляется въ библіотеку университета по одному экземпляру всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгъ и брошюръ на латинскомъ и эстонскомъ языкахъ, которыя поступаютъ въ Главное Управленіе. Это рѣшеніе, какъ видно изъ предложенія министра народнаго просвѣщенія попечителю отъ 17-го апрѣля 1896 года, было со стороны Главнаго Управленія лишь частичнымъ удовлетвореніемъ того ходатайства, съ которымъ обращался къ нему университетъ относительно общаго по всѣмъ русскимъ цензурнымъ учрежденіямъ распоряженія о непосредственномъ доставленіи въ Юрьевскую университетскую библіотеку всѣхъ вообще печатаемыхъ въ Россіи произведеній на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ.

Было и нѣсколько случаевъ пожертвованія книгъ университету цѣлыми собраніями. Такъ, въ 1890 году генералъ-лейтенантъ графъ Егоръ Александровичъ Игельстромъ завѣщалъ университету свою небольшую библіотеку, которая, въ количествѣ 430 №№ книгъ различнаго содержанія, и поступила въ университетскую библіотеку 12-го февраля 1891 года. Въ мартѣ 1896 года, черезъ посредство управленія Рижскаго учебнаго округа, поступило въ университетскую библіотеку нѣсколько десятковъ книгъ на иностранныхъ языкахъ изъ собранія книгъ, переданнаго учебнымъ заведеніямъ округа наслѣдниками умершаго въ 1890 году бывшаго лектора эстонскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, а впослѣдствіи профессора Казанскаго университета Михаила Веске. Въ ноябрѣ того же 1896 года университету была передана въ даръ часть библіотеки бывшаго воспитанника Дерптскаго университета, академика А. А. Штрауха, состоящая изъ сочиненій по зоологіи, а въ 1900 году—собраніе книгъ по минералогіи и геологіи бывшаго кандидата Юрьевскаго университета В. Л. Спендіарова; оба эти собранія не составляютъ однако же части общей университетской библіотеки, будучи помѣщены первое въ зоологическомъ, а второе въ минералогическомъ и геологическомъ кабинетахъ университета. Наконецъ, здѣсь нельзя не упомянуть, хотя это и вы-

ходитъ за строго хронологическія рамки нашего описанія, о пожертвованномъ въ 1903 году наслѣдниками извѣстнаго библіографа А. Н. Неустроева весьма значительномъ собраніи книгъ, главнымъ образомъ по русской исторіи, въ количествѣ около 6.000 №№; согласно желанію жертвователей, этому собранію, не смотря на всѣ затрудненія, отведено особое помѣщеніе въ университетской библіотекѣ, и книги расположены въ шкафахъ, спеціально заказанныхъ для нихъ на собственный счетъ самими жертвователями.

Если, такимъ образомъ, обогащеніе библіотеки печатными книгами, хотя и не въ очень широкихъ размѣрахъ, шло впередъ, то, напротивъ, рукописный отдѣлъ библіотеки за описываемое время остался въ прежнемъ состояніи. Тутъ умѣстно разсказать объ одномъ эпизодѣ изъ исторіи библіотеки, когда одна изъ важнѣйшихъ частей ея рукописнаго отдѣла едва не была утрачена библіотекой или вымѣнена на нѣчто менѣе цѣнное въ научномъ отношеніи. Дѣло идетъ о бумагахъ изъ архива шведскаго государственнаго дѣятеля, сподвижника короля Густава-Адольфа, графа де-ла-Гарди, переданныхъ въ университетскую библіотеку въ 1848 году [1]). Въ мартѣ 1883 года шведское правительство возбудило, черезъ своего посла въ Петербургѣ, вопросъ о передачѣ весьма важныхъ для исторіи Швеціи бумагъ де-ла-Гарди изъ Дерптской университетской библіотеки въ Стокгольмскій государственный архивъ, въ обмѣнъ на хранящіеся въ послѣднемъ архивные документы, имѣющіе интересъ для исторіи Лифляндіи. Министерство народнаго просвѣщенія, черезъ которое велась переписка, было очень склонно удовлетворить желаніе шведскаго правительства, но университетскій совѣтъ отнесся къ этому дѣлу болѣе осторожно и, разсмотрѣвъ черезъ соотвѣтствующихъ спеціалистовъ какъ хранящіяся въ библіотекѣ бумаги, такъ и опись предлагаемыхъ въ замѣнъ шведскимъ правительствомъ документовъ, не согласился на предложенный обмѣнъ и рекомендовалъ предложить шведскому правительству, въ научныхъ интересахъ, ограничиться снятіемъ съ дерптскихъ бумагъ точныхъ копій; совѣтъ настолько крѣпко держался своего мнѣнія о неравноцѣнности предложеннаго обмѣна, что отвѣтилъ отказомъ на предложеніе министерства народнаго просвѣщенія

---

[1]) См. т. I, стр. 45.—Ср. объ этихъ бумагахъ подробнѣе у *В. А. Кордта*: „Изъ семейнаго архива графовъ де-ла-Гарди" въ „Уч. Зап. Юр. У." 1894 № 2, и у *Г. Г. Саблера*: „Собраніе русскихъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ семейнаго архива графовъ Делагарди", тамъ же 1896 № 3.

передать въ Стокгольмъ хотя бы часть собранія де-ла-Гарди, и когда послѣ этого попечитель М. Н. Капустинъ, согласно предложенію министра И. Д. Делянова, обратился къ университету съ запросомъ, отъ 24-го ноября 1884 года, не согласится ли университетъ „принести въ даръ“ шведскому правительству „копію съ означенной коллекціи“, то совѣтъ университета, въ засѣданіи 17-го декабря 1884 г., рѣшилъ отвѣтить, что „предоставляетъ шведскому правительству озаботиться снятіемъ копіи съ собранія грамотъ де-ла-Гарди здѣсь въ Дерптѣ на собственный свой счетъ“. Этимъ дѣло и кончилось, и коллекція изъ архива графа де-ла-Гарди осталась по прежнему собственностью Дерптскаго университета. Эта любопытная переписка подала, между прочимъ, поводъ со стороны членовъ историко-филологическаго факультета къ отзывамъ о названной коллекціи, небезинтереснымъ и помимо вопроса о передачѣ этихъ документовъ изъ одного книгохранилища въ другое. „Они (томы документовъ)—говорится въ отзывѣ факультета отъ 23-го апрѣля 1884 года—содержатъ важныя бумаги отличнѣйшихъ личностей второй половины XVI и первой половины XVII вѣка. Кромѣ нѣсколькихъ сотенъ подлинныхъ писемъ шведскаго короля Густава-Адольфа, его полководцевъ и государственныхъ людей, тамъ находятся подлинныя бумаги шведскихъ королей Іоанна III, Христіана и Карла X, датскихъ королей Фридриха II и Христіана IV, Екатерины Медичи, французскихъ королей Карла IX, Генриха III и Генриха IV, автографы герцога Альбы и канцлера Дерптскаго университета Іоанна Скитте, равно какъ главнаго управителя Лифляндскаго, Померанскаго и Мекленбургскаго Петра Спирингъ-Сильферкрона. Можно смѣло сказать, что этотъ богатый источникъ по всеобщей, въ особенности же по балтійской исторіи есть сокровище здѣшней университетской библіотеки. Предложенные шведскимъ правительствомъ архивные акты имѣли бы неоспоримое значеніе по исторіи управленія лифляндской церковью и университетомъ, если бъ они сохранились въ полномъ комплектѣ; но такъ какъ этого нѣтъ, и предложенный на обмѣнъ предметъ представляетъ собою только разрозненныя части, то таковой эквивалентъ оказывается слишкомъ низкимъ въ сравненіи съ большой и неоцѣненною коллекціей, которую пожертвовала бы университетская библіотека“. Въ другомъ факультетскомъ отзывѣ, отъ 27-го сентября 1884 года, принадлежавшемъ профессорамъ Гаусману, Вальцу и Брикнеру, въ отвѣтъ на предложеніе министерства народнаго просвѣщенія передать въ Стокгольмъ хотя бы часть коллекціи, говорится: „Разсмотрѣвъ тщательно и по-

дробно всѣ бумаги упомянутой коллекціи нашей библіотеки, мы пришли къ убѣжденію, что дѣленіе или передача части ея невозможны безъ вреда для ея научнаго достоинства. Документы, состоя между собою во внутренней связи, образуютъ самостоятельное цѣлое. Въ нихъ говорится о борьбѣ, происходившей между русскими и шведами въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія, и о мѣстностяхъ, принадлежащихъ теперь почти исключительно къ русскому государству; документы относятся къ русскимъ губерніямъ: Новгородской, Тверской, Московской, Смоленской, Псковской, Нюландской, Выборгской, Эстляндской и Лифляндской. Отдавъ хотя бы только часть собранія де-ла-Гарди, мы бы сами себя лишили драгоцѣнныхъ источниковъ исторіи русскаго государства".

Количество книжныхъ сокровищъ библіотеки при началѣ описываемаго періода приведено было нами въ своемъ мѣстѣ [1]). Къ концу 1902 года было: книгъ 173.171 экз., періодическихъ изданій 32.745 экз., рукописей 772 экз., картъ, рисунковъ, портретовъ и т. п. 5.972 экз., диссертацій 152.857 экз.

Весьма слабой стороной въ дѣлѣ пользованія столь значительными книжными сокровищами библіотеки является отсутствіе въ ней печатнаго каталога. Возникшіе въ старое время [2]) общіе „систематическій" и „алфавитный" каталоги продолжались по прежней системѣ, при чемъ доступъ къ послѣднему студентамъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не разрѣшался и не разрѣшается; для облегченія же пользованія первымъ былъ составленъ и въ 1873 году напечатанъ „Schlüssel zum systematischen Catalog der Dorpater Universitäts-Bibliothek", изданный въ 1900 году и въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ „Ключъ къ систематическому каталогу библіотеки Императорскаго Юрьевскаго университета".

Директорами университетской библіотеки изъ профессоровъ, по избранію совѣта, состояли: Л. Швабе (съ 21-го мая 1865 по 20-е октября 1867 года), К. Г. фонъ-Паукеръ (съ 20-го октября 1867 по 7-е февраля 1874 года), Е. А. Петерсенъ (съ 7-го февраля 1874 по 12-е февраля 1879 года), Р. А. Бэмъ (съ 12-го февраля 1879 по 12-е марта 1881 года), Р. Гаусманъ (съ 12-го марта 1881 по 18-е декабря 1890 года), Г. Ф. Мюлау (съ 18-го декабря 1890 по 17-е марта 1895 года), Е. Ф. Шмурло (съ 17-го марта 1895 по 12-е сен-

---

[1]) Т. I, стр. 473.

[2]) См. т. I, стр. 473—474.

тября 1900 года) и Е. В. Пассекъ (съ 24-го октября 1900 года). Должность библіотекаря за описываемое время, послѣ Эмиля Андерса (1860—1871), занимали Гуго-Бернгардъ Каппъ (1871—1887) и Вольфгангъ-Генрихъ Шлютеръ (съ 1888 года).

Выше упомянуто было, что въ 1897 году возбуждалось ходатайство о постройкѣ для библіотеки новаго зданія; это ходатайство въ описываемый періодъ было далеко не первымъ. Не лишены интереса слѣдующія соображенія директора библіотеки профессора Мюлау, представленныя имъ совѣту при ходатайствѣ отъ 12-го мая 1893 года о постройкѣ новаго библіотечнаго зданія: „Уже въ 1855 году попечитель округа фонъ-Брадке возбудилъ вопросъ о «замѣтной тѣснотѣ въ библіотекѣ». Всевозможныя мѣры были съ тѣхъ поръ приняты къ пресѣченію этого неудобства. Низшіе служителя, квартировавшіе въ самомъ зданіи библіотеки, переведены, за исключеніемъ одного, на другія квартиры, а ихъ помѣщенія отведены теперь подъ библіотеку. Число полокъ для книгъ было увеличено, сами полки возвышены, мѣстами даже до потолка, при чемъ правленіе библіотеки принуждено было прибѣгать нерѣдко къ мѣрамъ, небезопаснымъ даже для самаго библіотечнаго зданія. Въ нижнемъ залѣ—помѣщеніи и такъ уже темномъ, въ особенности на галлереяхъ—полки до того сдвинуты, что здѣсь, гдѣ почти постоянныя сумерки, въ пасмурные дни почти невозможно найти требуемыхъ книгъ безъ огня, что въ библіотекѣ безусловно воспрещено. Въ верхнемъ этажѣ, не смотря на то, что средняя часть его пола лежитъ не на сводахъ, разставлены полки не безъ опасности для лежащаго подъ нимъ второго этажа... За послѣднее десятилѣтіе недостатки эти, разумѣется, должны были обнаружиться еще сильнѣе. Лѣтомъ 1892 года, послѣ тщательнаго осмотра всѣхъ еще свободныхъ уголковъ, снова разставлены полки различныхъ величинъ, и теперь съ полной увѣренностью можно сказать, что впредь уже и для малѣйшей полки не найдется болѣе мѣста". Однако, какъ это, такъ и другія подобныя ходатайства по этому предмету остались безъ удовлетворенія, не смотря на крайнее неудобство при пользованіи библіотекой и на вполнѣ очевидную опасность, которой и по настоящее время подвергается, въ случаѣ пожара, это весьма богатое и одно изъ старѣйшихъ въ Россіи университетскихъ книгохранилищъ [1]).

---

[1]) Свѣдѣнія о библіотекѣ почерпнуты нами главнымъ образомъ изъ дѣлъ университетскаго архива: „Die Bibliothek" и „Die Vermehrung und Verminderung der Bibliothek", V. I—III.

Пріобрѣтеніе книгъ покупкою производилось библіотекой, подобно прошлому времени, частію непосредственно отъ заграничныхъ книгопродавцевъ, частію—главнымъ образомъ русскія книги—черезъ мѣстнаго книжнаго торговца Э. Ю. Карова, сохранившаго до самаго конца описываемаго періода для своего магазина названіе „университетской книжной торговли", хотя большая часть заказовъ библіотеки фактически шла мимо этого комиссіонера.

Въ извѣстной связи съ библіотекой находилось и учрежденіе „профессорской читальни", ютящейся со времени своего основанія и до сихъ поръ въ тѣсномъ и крайне неудобномъ помѣщеніи профессорской „сборной". Мысль объ учрежденіи читальни для своевременнаго и болѣе удобнаго пользованія періодическими, научными и политическими, изданіями относится къ 1874 году. До этого времени—при неудобствѣ пользованія немногочисленными періодическими изданіями, которыя выписывались въ библіотеку и передавались прямо въ нее—профессора и другіе преподаватели университета, разбиваясь на группы, выписывали тѣ или другія періодическія изданія общаго характера и газеты въ складчину. Но 6-го ноября 1874 года на разсмотрѣніе университетскаго совѣта поступило отъ имени профессоровъ Мюлау, Бульмеринга, Шмидта, Л. Мейера и Арт. фонъ-Эттингена предложеніе учредить при университетѣ особую читальню, при чемъ авторы предложенія представили и проектъ „правилъ" этого новаго учрежденія, который, въ главныхъ частяхъ, сводился къ слѣдующему. Авторы предлагали, чтобы университетъ отвелъ для читальни помѣщеніе и ассигновалъ ежегодно по 500 руб. изъ спеціальныхъ средствъ на содержаніе завѣдующаго читальней, переписку, разсылку журналовъ на домъ и т. п.; самые журналы, кромѣ тѣхъ, которые поступали бы изъ библіотеки, должны были пріобрѣтаться на взносы участниковъ читальни изъ университетскаго преподавательскаго персонала по 15 руб. въ годъ, при чемъ каждый участникъ имѣлъ бы право на двѣ трети взноса, т. е. на 10 руб., брать въ концѣ года журналовъ въ свою собственность, а остальное поступало бы въ собственность университетской библіотеки. По одобреніи въ совѣтѣ, проектъ этотъ препровожденъ былъ попечителемъ въ министерство, гдѣ и подвергся обсужденію въ ученомъ комитетѣ 23-го іюня 1875 года, встрѣтивъ тамъ совершенно неожиданное для участниковъ этого предпріятія противодѣйствіе. Комитетъ нашелъ необходимымъ существенно видоизмѣнить проектъ въ томъ смыслѣ, что пріобрѣтенныя въ читальню на взносы ея членовъ періодическія изданія должны полностью посту-

пать въ университетскую библіотеку, но чтобы не казалось, что библіотека будетъ обогащаться частными взносами преподавателей, комитетъ предлагалъ обратить эти взносы на содержаніе читальни, а журналы выписывать на тѣ 500 руб., которые испрашивались изъ спеціальныхъ средствъ университета. Эти соображенія комитета были разсмотрѣны, по порученію совѣта, библіотечной комиссіей; послѣдняя, въ донесеніи своемъ отъ 16-го октября 1875 года, нашла внесенныя комитетомъ измѣненія въ первоначальный проектъ настолько неосновательными и противорѣчащими главной идеѣ проекта, что полагала наиболѣе цѣлесообразнымъ совершенно отказаться отъ мысли объ учрежденіи читальни; совѣтъ, въ засѣданіи своемъ 15-го ноября 1875 года, вполнѣ раздѣлилъ эту точку зрѣнія, и дѣло кончилось ничѣмъ. Однако читальня въ скромныхъ размѣрахъ собственно библіотечныхъ періодическихъ изданій стала существовать со II семестра 1878 года, при чемъ за ея завѣдываніе библіотекарь Кашъ сталъ получать изъ спеціальныхъ средствъ университета по 200 руб. въ годъ; впослѣдствіи это вознагражденіе было повышено до 250 руб. въ годъ [1]).

Что касается типографіи, то, какъ и прежде [2]), университетъ не только не имѣлъ ея въ видѣ собственности, но даже и въ видѣ исключительнаго ею пользованія, а печаталъ свои изданія главнымъ образомъ въ мѣстныхъ типографіяхъ Генриха Лакмана, Карла Маттисена, В. Глезера и фирмы Шнакенбурга; послѣдняя въ 1883 году просила совѣтъ университета предоставить ей званіе „университетской типографіи", но просьба эта успѣха не имѣла.

Затѣмъ, изъ общеуниверситетскихъ учрежденій слѣдуетъ здѣсь сказать о тѣхъ, которыя были посвящены рисованію, музыкѣ и физическимъ упражненіямъ.

Въ своемъ мѣстѣ [3]) было уже упомянуто объ учителяхъ рисованія въ теченіе всего времени существованія университета: К. А. Зенфѣ, Августѣ Гагенѣ и Вальдемарѣ Крюгерѣ. Въ ихъ распоряженіи находилась „рисовальная школа" (Zeichen-Anstalt), возникшая въ 1809 году въ силу § 117 устава 1803 года. Помѣщалась она въ такъ называемомъ „старомъ зданіи" университета и содержалась частію на штатную сумму (до 1865 года 400 р. асс., а затѣмъ 150 р. сер.), частію по-

---

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 106, 1875 года Архивъ Юрьевскаго университета: Journalisticum. 1874—1881.

[2]) Т. I, стр. 475.

[3]) Т. I, стр. 409.

собіями изъ спеціальныхъ средствъ университета. Первый руководитель этого учрежденія К. А. Зенфъ (1803—1838) употребилъ не мало усилій къ тому, чтобы обставить школу достаточнымъ количествомъ хорошихъ картинъ, рисунковъ, гравюръ, гипсовыхъ слѣпковъ, книгъ и рисовальныхъ принадлежностей; какъ видно изъ отчета, представленнаго Зенфомъ совѣту университета отъ 23-го августа 1822 года, въ школѣ было 582 №№ картинъ, гравюръ и рисунковъ и 42 №№ гипсовыхъ слѣпковъ; предметы эти пріобрѣтены были большею частію за границей и доставлялись въ Дерптъ то черезъ Полангенскую, то черезъ Рижскую, то черезъ Ревельскую таможни. Послѣ выхода въ отставку преемника Зенфа, Августа Гагена (1838—1851), завѣдываніе школой временно находилось въ рукахъ профессоровъ Фридриха Крузе, а затѣмъ К. Х. Руммеля, пока не назначенъ былъ въ 1858 году новый учитель рисованія, академикъ Вольдемаръ Крюгеръ, вышедшій по болѣзни въ отставку съ 1-го января 1892 года. Вмѣстѣ съ этимъ прекратилось и самое существованіе „рисовальной школы". Правленіемъ университета было рѣшено, 10-го сентября 1893 года, перенести коллекцію принадлежащихъ школѣ книгъ, рисунковъ и эстамповъ въ помѣщеніе университетской библіотеки, а штатную сумму школы въ 150 руб. предоставить въ распоряженіе библіотечной комиссіи для пріобрѣтенія художественныхъ изданій; что же касается картинъ и гипсовыхъ слѣпковъ, то 13-го мая 1894 года правленіе поручило директору музея изящныхъ искусствъ профессору В. К. Мальмбергу „сосредоточить всю эту коллекцію въ совѣтскомъ залѣ и примыкающихъ къ нему комнатахъ и сдѣлать ее доступною для осмотра публики въ опредѣленные дни и часы" [1]).

Почти одновременно съ обученіемъ рисованію, прекратилось съ 1-го марта 1893 г., съ выходомъ въ отставку послѣдняго учителя музыки Ганса Гартгана, и обученіе этому искусству въ университетѣ, и въ послѣдующіе годы занятія студентовъ музыкой и пѣніемъ не находились уже въ формальной связи съ университетомъ, хотя организовавшіеся въ половинѣ 1890-хъ годовъ студенческіе хоры и оркестры пользовались для своихъ упражненій университетскими помѣщеніями и иногда даже нѣкоторой матеріальной поддержкой университета.

Что касается учителей „прочихъ искусствъ", т. е. танцованія, плаванія, верховой ѣзды, фехтованія и гимнастическихъ упражненій,

---

[1]) Архивъ Юрьевскаго университета: Zeichen-Anstalt. V. I—II.

то штатомъ 1865 г. на уплату преподавателямъ всѣхъ этихъ предметовъ опредѣлено 1.200 р. и кромѣ того на содержаніе манежа также 1.200 р. Эта первая сумма въ самомъ же началѣ была распредѣлена на будущее время такимъ образомъ: учителю верховой ѣзды—450 р., фехтованія—450 р., плаванія—200 р. и танцевъ—100 р.; однако, вскорѣ же, 27-го мая 1867 г., рѣшено было временно упразднить обученіе танцамъ и 100 р. употребить на уплату учителю гимнастическихъ упражненій, а 14-го октября 1878 г. изъ 200 р., назначенныхъ учителю плаванія, положено было выдѣлить 100 р. на уплату за возстановленное обученіе танцамъ. Наконецъ, какъ упомянуто выше, 2-го декабря 1891 г. упразднены были должности учителей танцевъ, плаванія, верховой ѣзды и фехтованія, и прекращенъ отпускъ суммы на содержаніе университетскаго манежа; послѣдній держался послѣ того нѣкоторое время въ качествѣ частнаго учрежденія и окончательно ликвидированъ былъ въ 1896 г. Заведеніе для купанья и плаванья, не имѣя уже съ 1862 г. [1]) особаго учителя, состоящаго на службѣ университета, существовало однако же, пользуясь временнымъ пособіемъ отъ университетскаго правленія, до 1880 г. Обученіе фехтованію въ описываемый періодъ находилось въ тѣсной связи съ гимнастическими упражненіями вообще, все болѣе и болѣе уступая мѣсто послѣднимъ, такъ что къ концу 1902 г. оставался и по настоящее время остается на службѣ университета изъ всѣхъ „учителей искусствъ“ одинъ только учитель гимнастическихъ упражненій, сосредоточивая свою дѣятельность въ сооруженномъ въ 1890 г. на частныя средства особомъ зданіи, извѣстномъ подъ именемъ „Turnhalle“.

Остальныя учебно-вспомогательныя учрежденія университета состояли при отдѣльныхъ факультетахъ, и исторія ихъ дѣятельности не входитъ, согласно принятому плану, въ кругъ нашего изложенія. Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ общей характеристики состоянія университета за описываемое время считаемъ небезинтереснымъ привести нѣсколько выдержекъ изъ офиціальныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, въ какомъ положеніи находились главнѣйшія университетскія учебно-вспомогательныя учрежденія въ Дерптѣ-Юрьевѣ въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ; эти свидѣтельства ближайше заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ могутъ наилучшимъ образомъ подтвердить, какъ отражался на университетѣ и его отдѣльныхъ частяхъ

[1]) См. т. I, стр. 477.

постоянный недостатокъ матеріальныхъ средствъ, на что уже не разъ приходилось намъ указывать въ своемъ мѣстѣ, и какъ—говоря мимоходомъ — несправедливы были упреки, дѣлавшіеся реформированному университету противниками реформы въ томъ, что послѣдняя понизила будто бы уровень рабочей способности университета: не будемъ говорить о людяхъ—ихъ роль въ такомъ вопросѣ, какъ значеніе цѣлаго университета, всегда была и будетъ на первомъ мѣстѣ,— но изъ послѣдующихъ фактическихъ указаній достаточно ясно, что университетъ по своей матеріальной обстановкѣ стоялъ въ 1880-хъ и началѣ 1890-хъ г.г., сообразно съ потребностями времени, далеко ниже не только періода своего процвѣтанія въ 1830 — 1840 годахъ, но и всѣхъ другихъ русскихъ университетовъ второй половины XIX вѣка.

Вотъ, напримѣръ, какъ характеризовалъ медицинскій факультетъ свои собственныя учебно-вспомогательныя учрежденія въ представленіи совѣту отъ 13-го октября 1882 г.:

„Имѣется только одна аудиторія, въ которой можно вмѣстить всѣхъ слушателей, и то съ трудомъ, такъ что, напримѣръ, на лекціяхъ профессора Стиды по спеціальной анатоміи многіе студенты должны стоять. Въ этой же аудиторіи должны читать лекціи не менѣе 8 преподавателей, а именно профессора Шмидтъ, Стида, Бехтеръ, Керберъ, Розенбергъ, Мейеръ, доцентъ Кохъ и прозекторъ Браунъ; а такъ какъ эти преподаватели читаютъ лекціи для студентовъ различныхъ полугодій, то затрудненія неизбѣжны, время слушателей не можетъ быть сберегаемо съ пользою для нихъ, но напротивъ поглощается самымъ неудобнымъ образомъ... Профессора терапевтической клиники и хирургіи не имѣютъ ни одной достаточно большой аудиторіи и потому принуждены читать въ операціонномъ залѣ.

Имѣются два помѣщенія, въ которыхъ производятся вскрытія труповъ: одно въ окружной лечебницѣ, комнатка въ 8 шаговъ длины 4 шага ширины, помѣщаетъ въ себѣ не болѣе 5 или 6 слушателей; въ этомъ уголкѣ должны производиться судебныя вскрытія и осмотры труповъ; а другое помѣщеніе, гдѣ должны производиться всѣ клиническія вскрытія труповъ и которыя находятся въ патологическомъ институтѣ, немногимъ лучше; правда, оно о трехъ окнахъ, и около 40 слушателей могутъ въ немъ присутствовать при вскрытіи, изъ коихъ около половины имѣетъ возможность смотрѣть, но что это значитъ, если число слушателей простирается до 80 и 90 и въ ближайшемъ будущемъ будетъ превышать сотню; если же въ настоящее

время производится вскрытіе, то при этомъ можетъ участвовать съ пользою только четвертая часть студентовъ медицины, и это крайнее положеніе годъ отъ году дѣлается болѣе стѣснительнымъ.

Помѣщенія анатомическаго института недостаточны для числа студентовъ, упражняющихся въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ. Могутъ упражняться только 60—70 студентовъ, между тѣмъ какъ въ I полугодіи участвовало въ этихъ упражненіяхъ 150. Посему время упражненія студентовъ, изъ-за тѣсноты помѣщенія, сокращено на половину.

Помѣщенія физіологическаго института во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Тончайшіе аппараты, вѣсы стоятъ въ тѣхъ же комнатахъ, въ которыхъ производятся вивисекціи и гдѣ ходятъ студенты при демонстраціи опытовъ. Въ той же самой комнатѣ по необходимости поставлена центробѣжная машина, отъ которой, если она приведена въ движеніе, сотрясаются всѣ стѣны, такъ что и думать нельзя о какомъ-либо измѣреніи или вѣшаніи; само собою разумѣется, что находящіеся тамъ же тончайшіе инструменты повреждаются, если они не могутъ стоять спокойно... Директоръ института не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни одной комнаты для собственныхъ занятій, потому что всѣ онѣ проходныя. Нѣтъ ни одной комнаты, въ которой можно бы было читать практическіе курсы по физіологической химіи, этой основѣ для успѣшнаго посѣщенія клиники; если два или три докторанта изслѣдуютъ въ институтѣ матеріалъ для своихъ диссертацій, то уже все помѣщеніе занято, профессоръ физіологіи самъ крайне стѣсненъ въ своей дѣятельности, а доцентъ физіологической химіи лишенъ даже всякой возможности заниматься. Студенты кое-какъ имѣютъ возможность въ институтѣ для сравнительной анатоміи усвоить себѣ пріемы въ пользованіи микроскопомъ, но тамъ болѣе 11 студентовъ одновременно не могутъ заниматься; какимъ же образомъ возможно обучать 100 студентовъ? Какой преподаватель въ состояніи читать девять курсовъ сряду и каковыми окажутся эти курсы? Однимъ словомъ, физіологія такъ скудно обставлена и столь мало можетъ способствовать основательному медицинскому образованію студентовъ, что въ научномъ развитіи молодыхъ людей это составляетъ самый существенный недостатокъ здѣшняго преподаванія медицинскихъ наукъ“.

Въ эпоху реформы въ 1890-хъ годахъ, когда учебно-вспомогательныя учрежденія университета подверглись всестороннему пересмотру большею частію вновь назначенныхъ директоровъ, въ ре-

зультатѣ получилась очень краснорѣчивая, но въ общемъ весьма печальная картина недочетовъ, чрезвычайно затруднявшихъ преподаваніе и дѣлавшихъ необходимыми настоятельныя и неоднократныя ходатайства о денежныхъ ассигнованіяхъ; ходатайства эти, какъ мы видѣли, большею частію не имѣли успѣха. Медицинскій факультетъ, въ своемъ представленіи совѣту отъ 1-го мая 1897 г., писалъ слѣдующее: „Клиники находятся въ довольно плачевномъ состояніи. Факультетскія клиники (медицинская, хирургическая и акушерская) еще могутъ носить названіе университетскихъ клиникъ, правда очень бѣдныхъ и нуждающихся, но госпитальная клиника въ такомъ состояніи, что любая больница Приказа общественнаго призрѣнія, не говоря уже о губернскихъ, земскихъ больницахъ, далеко превосходитъ ихъ по своей благоустроенности. Малость и тѣснота помѣщенія дѣлаютъ то, что палаты переполнены, для лабораторій нѣтъ мѣста, и онѣ ютятся въ углахъ, еще болѣе стѣсняя помѣщеніе; аудиторіи нѣтъ, лекціи читаются въ палатахъ, и такимъ образомъ въ маленькой палатѣ во время лекцій скопляются, кромѣ больныхъ, еще человѣкъ 60 слушателей. Воздухъ при этомъ дѣлается въ палатѣ на столько спертымъ, что положительно становится вреднымъ не только для больного, но и для здороваго".

Профессоръ по каѳедрѣ офталмологіи Э. Рельманъ писалъ, отъ 10-го мая 1896 г., въ медицинскій факультетъ о глазной клиникѣ: „Въ настоящее время аудиторіей служитъ трудно провѣтриваемая, низкая, только съ одной стороны и притомъ еще недостаточно освѣщенная, комната. Эта такъ называемая аудиторія слишкомъ мала для числа слушателей, расположена у Маріенгофской улицы, ведущей къ желѣзнодорожной станціи, и негодна для чтенія лекцій, потому что стукотня и шумъ экипажей постоянно мѣшаютъ преподавателю и слушателямъ".

Директоръ ботаническаго сада профессоръ Н. И. Кузнецовъ, въ своемъ представленіи въ физико-математическій факультетъ отъ 25-го сентября 1896 г., говоритъ, что нашелъ садовыя посртойки въ „запущенномъ состояніи": „въ двухъ оранжереяхъ балки и стропила совершенно прогнили, конюшня обвалилась, сарай представлялъ изъ себя рѣшето, а не зданіе для храненія дорогихъ оранжерейныхъ рамъ и проч. и проч.". „На научныя потребности сада, на выписку новыхъ сѣмянъ, луковицъ, саженцовъ, живыхъ растеній, на этикетированіе растеній и подобные расходы тратилась минимальная сумма, не превышавшая 125 р. въ годъ, между тѣмъ расходъ по пріобрѣтенію

живыхъ растеній является однимъ изъ крупныхъ расходовъ всякаго научнаго ботаническаго сада, стоящаго на высотѣ научныхъ требованій". Далѣе авторъ отзыва прибавляетъ: „Я не засталъ здѣсь ни одного представителя насѣкомоядныхъ растеній, ни одного представителя растеній, обладающихъ органами, производящими свободныя движенія, и имѣющихъ весьма важное значеніе при преподаваніи физіологіи... Ботаническій кабинетъ представлялъ жалкую комнату съ поломанной мебелью и почти безъ всякихъ научныхъ пособій".

Директоръ зоологическаго кабинета профессоръ Ю. Ѳ. Кеннель, отъ 11-го ноября 1896 года, писалъ: „Зоологическій музей имѣетъ 18 микроскоповъ, изъ которыхъ 4 — 5 крайне стары и едва годны для употребленія, а между остальными нѣтъ ни одного, который удовлетворялъ бы высшимъ требованіямъ. Демонстраціи по зоологіи возможны только благодаря тому, что другіе институты даютъ зоологическому музею свои микроскопы на временное пользованіе... Существующая коллекція музея не можетъ быть сохранена въ цѣлости при теперешнихъ средствахъ. Не смотря на всякое стараніе сберегать существующее, случается, что посуда со спиртомъ разбивается, крышка отстаетъ, а находящіеся тамъ объекты высыхаютъ прежде, чѣмъ можно это замѣтить; нѣжныя насѣкомыя становятся съ теченіемъ времени хрупкими и распадаются, ихъ цвѣта блекнутъ, они разъѣдаются другими маленькими насѣкомыми; въ чучела животныхъ проникаетъ моль; нѣкоторые препараты портятся при демонстрированіи. Все это, понятно, должно быть замѣнено новыми объектами, но на это не хватаетъ средствъ. Объ увеличеніи матеріаловъ путемъ пріобрѣтенія небольшихъ коллекцій или предлагаемыхъ иногда предметовъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи... Нѣтъ совершенно годной посуды для хорошей и поучительной установки спиртовыхъ препаратовъ. Большая часть послѣднихъ лежитъ въ непрозрачной, плохо закрывающейся, иногда только мѣхомъ прикрытой посудѣ; часто они лежатъ по нѣскольку вмѣстѣ, такъ что такая коллекція совершенно теряетъ свой поучительный характеръ... При полномъ отсутствіи какихъ-либо инструментовъ для производства біологическихъ и сравнительно физіологическихъ опытовъ надъ этими новыми отраслями зоологической науки нѣтъ никакой возможности работать. Всякое желаніе работать въ этой области приходится, въ виду отсутствія средствъ, уничтожать въ зародышѣ".

Директоръ метеорологической обсерваторіи профессоръ Б. И. Срезневскій, въ своемъ представленіи отъ 19-го ноября 1896 года, сооб-

щалъ, что раньше обсерваторія „довольствовалась службою одного наблюдателя, лишеннаго спеціальной подготовки", такъ какъ содержать спеціалиста при скудномъ бюджетѣ обсерваторіи было ей „не подъ силу". „Инструментальная часть обсерваторіи не можетъ не быть признана нынѣ устарѣлою. Метеорологическая обсерваторія не имѣетъ нормальнаго барометра, хорошаго термографа, поляриметра, планиметра, аккумуляторовъ и даже ни одного актинометра и геліографа. Магнитная обсерваторія не имѣетъ магнитографа, магнитный теодолитъ требуетъ передѣлки, унифиляръ и бифиляръ должны быть замѣнены новыми; весьма важно имѣть индукціонный инклинаторъ. Для преподаванія физической географіи не имѣется никакихъ пособій".

Директоръ агрономическаго кабинета, проф. С. К. Богушевскій, отъ 31-го января 1897 года, писалъ о своемъ институтѣ: „Всѣ пособія (т. е. предметы лабораторіи земледѣльческой химіи, музея, гербарія, коллекціи препараторовъ по технологіи, библіотека) требуютъ теперь либо исправленія, либо самаго существеннаго пополненія" [1]).

Безспорно, эти указанія являются немаловажнымъ свидѣтельствомъ въ пользу того мнѣнія, что по крайней мѣрѣ въ годы передъ реформой Дерптскій университетъ далеко не находился въ блестящемъ состояніи и что, во всякомъ случаѣ, дѣятелямъ реформы пришлось принять на руки очень незавидное наслѣдство. Вотъ еще, въ дополненіе, нѣсколько строкъ изъ воспоминаній одного очевидца начала 1890-хъ годовъ: „Старый университетъ усердно копалъ себѣ могилу своею бездѣятельностью и безпримѣрной для нѣмцевъ халатностью. Въ началѣ 90-хъ годовъ, т. е. передъ реформой, намъ пришлось, по прибытіи изъ-за границы, развести руками. Переѣхавъ изъ нѣмецкаго университета въ Дерптскій университетъ, авторъ этихъ строкъ не нашелъ въ немъ признаковъ настоящаго нѣмецкаго университета. Учебная и ученая дѣятельность находилась въ крайнемъ упадкѣ или, вѣрнѣе, въ состояніи полнаго омертвѣнія. Профессора, особенно медики, заявляли, что Дерптскій университетъ по части разныхъ кабинетовъ, лабораторій, клиникъ и т. п., безъ которыхъ нельзя вести занятія ни профессорамъ, ни студентамъ, стоитъ ниже русскихъ университетовъ, и этимъ обрѣзываетъ крылья не только у студентовъ, но и у профессоровъ. Дѣйствительно, всѣ эти лабораторіи, клиники, кабинеты

---

[1]) Другія документальныя указанія см. въ брошюрѣ *А. С. Будиловича*: Юрьевскій университетъ. Рига. 1897, стр. 19—29.

являлись настоящей ироніей надъ соотвѣтствующими учрежденіями... Библіотека находилась въ печальномъ положеніи, при чемъ экономическія науки были представлены десятками книгъ, разрозненныхъ и, видимо, попавшихъ туда по случаю“ [1]).

Справедливость требуетъ сказать, что къ концу описываемаго періода, не смотря на всѣ матеріальныя затрудненія, многія учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ были въ значительной степени обновлены и приведены въ лучшее противъ прежняго состояніе.

VII.

Правила для учащихся 1868 года и послѣдовавшія къ нимъ дополненія. — Правила 1893 года; ихъ общій характеръ и нѣкоторыя частности. — Новыя правила о полукурсовыхъ и окончательныхъ испытаніяхъ; новые учебные планы. — Мѣры къ увеличенію числа студентовъ. — Стипендіи казенныя и частныя. — Число студентовъ по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ и по каждому отдѣльно. — Вольнослушатели. — Присужденіе ученыхъ степеней и званій по всѣмъ факультетамъ. — Медали. — Дисциплинарная сторона жизни студентовъ; ихъ проступки и наказанія; дуэли. — Враждебная демонстрація студентовъ противъ приватъ-доцента Карла Валькера и ея подкладка. — Студенческія волненія послѣднихъ лѣтъ.

Переходимъ теперь къ студентамъ.

Въ первые два періода существованія университета „правила“ для учащихся въ университетѣ утверждались Высочайшей властью, и потому рѣчь о нихъ шла наравнѣ съ уставомъ и штатомъ; но по уставу 1865 года, § 29 Б. п. 7, составленіе правилъ этихъ предоставлялось совѣту университета, а утверждались они попечителемъ. Однако нѣкоторое время при новомъ уставѣ университетъ руководился еще прежними „правилами“, временно утвержденными, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го октября 1862 года, попечителемъ графомъ Кейзерлингомъ 2-го ноября 1862 года (Vorschriften für die Studirenden der Kaiserlichen Universität Dorpat, 103 §§, въ 8 главахъ). 15-го января 1863 года попечителемъ сдѣланы были въ этихъ правилахъ нѣкоторыя измѣненія (именно въ §§ 63, 65, 66, 67 и 74, касавшихся главнымъ образомъ наказаній, налагаемыхъ на студентовъ за разные проступки вообще и за дуэли въ частности), а 10 марта 1865 года, уже на основаніи новаго устава, утверждены были попе-

[1]) *П. К.* Прибалтійскій край. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1897, № 8, отд. II, стр. 14.

чителемъ, по представленію совѣта, новыя измѣненія: именно, вмѣсто §§ 96—103 внесены §§ 96—108, а также измѣненъ § 6 — касательно договоровъ и долговыхъ обязательствъ студентовъ. Согласно Высочайше утвержденному 28-го іюня 1865 года мнѣнію государственнаго совѣта, попечитель, отъ 7-го іюля 1865 года, измѣнилъ § 74 „правилъ" въ томъ смыслѣ, что по дѣламъ, касающимся поединковъ, студенты Дерптскаго университета подлежали уже не военному, какъ было раньше [1]), а общему уголовному суду, въ виду того, что по отзывамъ министровъ народнаго просвѣщенія графа Уварова, Норова и Ковалевскаго „духъ дерптскихъ студентовъ съ того времени (т. е. съ 1837 года) совершенно измѣнился и соотвѣтствуетъ нынѣ во всѣхъ отношеніяхъ требованіямъ правительства" [2]).

Между тѣмъ, совѣтъ университета находилъ нужнымъ подвергнуть дѣйствующія временныя „правила" для студентовъ 1862 года общему пересмотру, и составленный въ виду этого проектъ ихъ разсматривался въ засѣданіи совѣта 23-го января, 23-го февраля и 30-го мая 1867 года. Проектъ этотъ былъ утвержденъ попечителемъ графомъ Кейзерлингомъ 21-го декабря 1868 года, съ указаніемъ на § 62 новаго устава 1865 года. Эти правила оставались въ теченіе цѣлой четверти вѣка регуляторомъ жизни учащихся въ Дерптскомъ университетѣ, и потому мы должны на нихъ нѣсколько остановиться.

Основная часть правилъ 1868 года состоитъ изъ двухъ главъ, въ 39 §§. I глава (§§ 1—14) трактуетъ „о правахъ и обязанностяхъ студентовъ вообще, о вступленіи въ университетъ, занятіяхъ, испытаніяхъ и выходѣ изъ университета". Согласно § 2 запрещаются студентамъ „тайныя общества и сходки", но „дозволяется соединяться въ корпораціи", въ силу разрѣшенія 27-го апрѣля 1855 года, и „составлять общества для научныхъ цѣлей". По § 9, „выборъ въ слушаніи университетскихъ лекцій и научныхъ упражненій предоставляется свободному обсужденію студента", при чемъ „рекомендуется воспользоваться совѣтомъ профессоровъ-спеціалистовъ и принимать во вниманіе распредѣленіе и порядокъ, сообразно съ указаніями учебнаго плана и постановленіями, исходящими отъ факультетовъ"; достойно вниманія слѣдующее примѣчаніе къ § 10: „студенту, который съ особенною любовью занимается спеціальнымъ занятіемъ или приготовляется къ предстоящимъ испытаніямъ, дозволяется, передъ наступле-

---

1) См. т. I, стр. 385—386. 538.

2) Сборникъ постановленій. IV. 194—200.

ніемъ вакацій, войти въ факультетъ съ просьбою объ увольненіи отъ посѣщенія лекцій въ слѣдующемъ семестрѣ". II глава (§§ 15—39) излагаетъ правила „о подсудности, а равно и о судебномъ и дисциплинарномъ производствѣ въ университетѣ относительно студентовъ". Общій интересъ имѣетъ § 30, заключающій въ себѣ указаніе на предѣльную сумму долговыхъ обязательствъ, дозволительную студенту по разнымъ предметамъ съ точки зрѣнія компетенціи университетскаго суда: за обѣденный и вечерній столъ — 15 руб., хлѣбъ — 10 руб., молоко и сливки — 3 руб., квартира и дрова — 20 руб., наемъ мебели — 5 руб., прислугу — 10 руб., мытье бѣлья — 5 руб., портняжныя работы — 15 руб., сапожныя работы — 7 руб., книги — 10 руб. и „купеческіе товары" — 10 руб. За этими двумя основными главами помѣщено въ правилахъ нѣсколько „приложеній": A. „Постановленія относительно взиманія платы за слушаніе лекцій, а также и относительно права посѣщенія лекцій", утвержденныя попечителемъ 24-го декабря 1868 года; B. „Правила для пользованія университетской библіотекой", утвержденныя правленіемъ 16-го ноября 1868 года; C. „Положенія о стипендіяхъ на богословскомъ, медицинскомъ, историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ", утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія 30-го іюня 1865 года; D. „Правила о выдачѣ пособій студентамъ", утвержденныя попечителемъ 24-го декабря 1868 года; E. „О задачахъ на преміи и преміяхъ", утвержденныя совѣтомъ университета 7-го декабря 1868 года; F. „Положеніе о производствѣ испытаній на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени", утвержденное министерствомъ народнаго просвѣщенія 22-го октября 1866 года; G. „Учебные планы": по богословскому факультету (опредѣленіе факультета 28-го октября 1868 года), по юридическому (опредѣленіе факультета 14-го октября 1868 года), для „студентовъ дипломатіи" (опредѣленіе юридическаго факультета 14-го октября 1868 года), по медицинскому (опредѣленіе факультета 18-го октября 1868 года), по историко-филологическому (опредѣленіе факультета 25-го февраля 1868 года), по физико-математическому (опредѣленіе факультета 9-го ноября 1868 года), для „студентовъ фармаціи" (опредѣленіе медицинскаго факультета 18-го октября 1868 года); H. „О предметахъ, изъ которыхъ производятся испытанія на званіе или ученую степень"; въ послѣднюю рубрику введены и „правила о познаніяхъ, требуемыхъ изъ русскаго языка при испытаніяхъ на званіе или на степень", утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія 14-го апрѣля 1860 года. Такимъ обра-

зомъ, въ этихъ „Правилахъ" 1868 года впервые примѣнено очень раціональное выдѣленіе въ особый отдѣлъ свѣдѣній справочнаго характера, вслѣдствіе чего основная, и при томъ общая, часть „Правилъ" получила болѣе краткую и выразительную формулировку. Послѣдующія изданія „Правилъ" 1868 года (1871, 1875, 1886) имѣютъ исключительно редакціонный характеръ.

Вскорѣ, вслѣдствіе происходившихъ въ мартѣ 1869 года въ Петербургскомъ университетѣ, технологическомъ институтѣ и медико-хирургической академіи безпорядковъ, особой комиссіей изъ министровъ военнаго, финансовъ, государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія, а также шефа жандармовъ и петербургскаго оберъ-полицеймейстера, были выработаны и 8-го іюля 1869 года Высочайше утверждены „Главныя начала дисциплинарныхъ правилъ для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ"[1]); такъ какъ основная идея этихъ „началъ", заключавшаяся въ возможномъ стѣсненіи студенческихъ организацій и примѣненіи къ студентамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, болѣе строгихъ административныхъ мѣръ, противорѣчила общему духу и характеру дерптской студенческой жизни, то, согласно ходатайству университета, министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ сдѣлать эти „начала" для Дерптскаго университета обязательными лишь въ той мѣрѣ, какъ это признаетъ нужнымъ попечитель въ согласіи съ совѣтомъ университета; Государь далъ на это согласіе того же 8-го іюля 1869 года, о чемъ попечитель и увѣдомилъ совѣтъ отъ 26-го іюля 1869 года.

Изъ позднѣе послѣдовавшихъ дополненій къ „Правиламъ" 1868 года можно здѣсь отмѣтить: 1-го мая 1872 года — о взносѣ всѣми студентами и вольнослушателями за практическія занятія въ нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ „для пріобрѣтенія реагенцій и аппаратовъ" по 5 руб. въ семестръ; 11-го января 1873 года—разъясненіе о томъ, что освобожденіе отъ взноса гонорара можетъ касаться только обязательныхъ, а не добровольно объявленныхъ преподавателями курсовъ; 11-го іюня 1874 года, когда значительно участились студенческія дуэли, — о томъ, что „студенты за участіе въ поединкахъ на пистолетахъ, одновременно съ преданіемъ суду, исключаются изъ университета съ воспрещеніемъ вновь поступать въ число студентовъ сего университета", а 22-го декабря 1884 года эта мѣра

[1]) Сборникъ постановленій, IV. 1398—1400.

распространена была и на тѣхъ студентовъ, которые „вышли изъ университета и или сами дрались, или принимали участіе въ поединкахъ на пистолетахъ“; 20-го февраля 1882 года Высочайше было повелѣно повысить плату въ пользу университета съ 5 руб. до 10 руб. въ семестръ.

Къ моменту введенія реформы въ университетѣ, многія изъ этихъ правилъ устарѣли и, не соотвѣтствуя новымъ условіямъ жизни университета, нуждались въ коренной переработкѣ, особенно послѣ опубликованія „правилъ для студентовъ“ другихъ русскихъ университетовъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 16-го мая 1885 года и 24-го августа 1890 года. Въ виду этого, по предложенію попечителя Н. А. Лавровскаго, въ 1891 году была образована, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ проректора и пяти декановъ, особая комиссія, которая и выработала проектъ новыхъ „правилъ“, одобренный совѣтомъ 23-го апрѣля 1892 года и представленный на утвержденіе попечителя. Хотя по уставу 1865 года, какъ было уже упомянуто, попечителю было предоставлено право такого утвержденія, однако, въ виду того, что новый проектъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ отклонялся отъ устава 1865 года въ направленіи къ общеуниверситетскому уставу 1884 года, попечитель представилъ этотъ проектъ на утвержденіе министра, которое и послѣдовало 12-го января 1893 года.

„Правила“ 1893 года, дѣйствовавшія до самаго конца періода, состоятъ изъ девяти главъ, въ 114 §§. Въ I главѣ (§§ 1—12) говорится „о принятіи студентовъ въ университетъ“; II—(§§ 13—26) посвящена вопросу „о постороннихъ слушателяхъ“; III глава (§§ 27—46) заключаетъ въ себѣ „правила о платѣ студентовъ и постороннихъ слушателей въ пользу университета и преподавателей“; IV—(§§ 47—65) излагаетъ „обязанности студентовъ во время пребыванія ихъ въ университетѣ“; въ V—(§§ 66—78) находятся „правила о пользованіи студентами и посторонними слушателями университетскою библіотекой“; въ VI главѣ (§§ 79—82) говорится „о преміяхъ за студенческія сочиненія“; въ VII—(§§ 83—101) „о выдачѣ студентамъ пособій и стипендій“; въ VIII—(§§ 102—106) заключаются „правила объ увольненіи въ отпускъ и о выбытіи студентовъ до и послѣ окончанія курса“, и въ IX—(§§ 107—114) „правила о налагаемыхъ на студентовъ наказаніяхъ“. Съ внѣшней стороны „правила“ эти возвращаются къ прежнему смѣшанному типу правилъ; справочныя свѣдѣнія въ нихъ не выдѣлены въ особый отдѣлъ и въ значительной

степени, противъ прежняго, сокращены: изъ послѣднихъ имѣются только правила пользованія университетской библіотекой, но за то въ § 49 говорится, что „ни одинъ студентъ не можетъ ссылаться на незнаніе офиціальныхъ объявленій, которыя могутъ заключать въ себѣ временныя или иныя дополненія къ правиламъ и иныя распоряженія, объявляемыя „письменно въ главномъ зданіи университета или въ клиникахъ и прочихъ заведеніяхъ онаго". Отдѣла о подсудности спеціальному университетскому суду и о матеріальныхъ обязательствахъ студентовъ въ новыхъ „правилахъ" не существуетъ, но въ нихъ является, какъ нѣчто новое, перечень лицъ, которымъ студенты „должны отдавать честь" (§ 52). Въ „правилахъ" проведенъ принципъ, что „студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета, а потому въ стѣнахъ послѣдняго не допускается никакое дѣйствіе, носящее на себѣ характеръ корпоративный" (§ 56); запрещеніе это переходитъ и за предѣлы „стѣнъ университета": „студентамъ воспрещаются всякія неразрѣшенныя начальствомъ сборища и сходки съ цѣлью обсужденія какихъ-либо дѣлъ сообща" (§ 58), при чемъ не предусмотрѣно никакихъ студенческихъ организацій, которыя бы могли быть признаны для нихъ законными; запрещается „вступать даже въ дозволенныя закономъ общества, безъ испрошенія на то, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенія ближайшаго университетскаго начальства" (§ 59).

Къ числу дальнѣйшихъ постановленій относительно студентовъ Юрьевскаго университета въ эпоху реформы, внѣ собственно учебной сферы, должно указать здѣсь на слѣдующія. 10-го марта 1894 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ обязательности для студентовъ этого университета форменной одежды общаго съ другими университетами образца; для приведенія въ дѣйствіе этой мѣры выработанъ былъ особый порядокъ, утвержденный министерствомъ народнаго просвѣщенія 28-го апрѣля 1894 года, при чемъ, одновременно со введеніемъ форменной одежды, безусловно запрещено было съ начала 1894—95 учебнаго года ношеніе студентами-корпорантами цвѣтныхъ фуражекъ, лентъ черезъ плечо и другихъ внѣшнихъ корпораціонныхъ знаковъ. 8-го апрѣля 1896 года Высочайше разрѣшена была студенческая „тужурка", ближайшія правила ношенія которой опредѣлены министерствомъ народнаго просвѣщенія 6-го сентября 1896 года. 3-го апрѣля 1896 года министерствомъ опредѣленъ максимальный размѣръ платы студента въ пользу преподавателей, не свыше 20 р. въ полугодіе. Въ изданіи „Правилъ" 1900 года внесены лишь упомянутыя

дополненія и нѣкоторыя редакціонныя измѣненія, между которыми слѣдуетъ еще отмѣтить упоминаніе вмѣсто проректора — инспектора, въ силу введенія въ Юрьевскомъ университетѣ инспекціи въ 1895 году.

Съ 1899 года начинаются въ русскихъ университетахъ студенческія волненія; Юрьевскій университетъ не остался внѣ этого движенія и вызвалъ примѣненіе къ себѣ нѣкоторыхъ общихъ постановленій, о которыхъ здѣсь слѣдуетъ хотя бы вкратцѣ упомянуть.

Въ опубликованномъ вскорѣ послѣ начала волненій „правительственномъ сообщеніи“ 25-го мая 1899 года было указано, какъ на одну изъ главныхъ причинъ студенческихъ волненій и безпорядковъ, на разобщенность ихъ съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ. Для выработки мѣръ, которыя могли бы способствовать устраненію замѣченнаго недостатка, въ іюнѣ 1899 года было созвано въ Петербургѣ особое совѣщаніе изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Результатомъ этого совѣщанія былъ, между прочимъ, циркуляръ министра Н. П. Боголѣпова 21-го іюля 1899 года, въ которомъ признано было желательнымъ „установленіе общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ“, особенно „общеніе профессоровъ и студентовъ на почвѣ учебныхъ занятій, покровительствуемое дѣйствующими уставами и основанными на нихъ правилами высшихъ учебныхъ заведеній“; средствомъ для достиженія этой цѣли была избрана „широкая организація практическихъ занятій, насколько то дозволяютъ существующія условія“, а также „учрежденіе, подъ непремѣннымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ“, „учрежденіе студенческихъ хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музыкой“, наконецъ, „устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій“ [1]). Однако, это пожеланіе о сближеніи профессоровъ со студентами въ значительной степени было парализовано содержаніемъ немедленно послѣдовавшаго затѣмъ второго циркуляра, отъ 27-го іюля того же 1899 года, въ которомъ рекомендовалось уже не профессорамъ, а инспекціи войти въ ближайшее общеніе со студентами, при чемъ неудачи инспекціи на этомъ пути въ прежнее время объяснялись тѣмъ, что „инспекція, ограничивая свою дѣятельность, главнымъ образомъ, наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ въ стѣнахъ заведе-

[1]) Сборникъ распоряженій, XIV. 707—711.

нія, не достаточно входить въ разнообразныя потребности и нужды студентовъ и вообще мало заботится объ установленіи нравственной связи съ ними"; съ этой послѣдней цѣлію, рекомендовалось, чтобы „на будущее время представители инспекціи не ограничивались лишь заботами о сохраненіи внѣшняго порядка, но принимали на себя обязанности благожелательнаго попеченія объ учащихся, оказывая имъ помощь тѣми способами и средствами, какими можетъ располагать инспекція"; въ числѣ этихъ способовъ указывался и тотъ, чтобы помощники инспекціи могли „сноситься со студентами и по вопросамъ научныхъ занятій" [1]). Нѣкоторымъ шагомъ къ осуществленію этой мысли поставить студентовъ въ одновременное тѣсное общеніе съ профессорами и съ инспекціей было усиленіе въ Юрьевскомъ университетѣ не учебныхъ силъ университета, а именно инспекціи—путемъ учрежденія 20-го декабря 1899 года двухъ новыхъ должностей помощниковъ инспектора и пяти новыхъ должностей педелей, всего на сумму 4.960 р. ежегодно, при чемъ въ мотивировкѣ этой мѣры было, между прочимъ, сказано: „опытъ университетской жизни свидѣтельствуетъ о томъ, что инспекція только тогда способна стать ближе къ студентамъ, руководить ими и, по возможности, удерживать ихъ отъ вредныхъ увлеченій, когда численный составъ ея сколько-нибудь соотвѣтствуетъ численному составу учащихся" [2]). Послѣдовавшія затѣмъ событія и продолжавшіяся волненія учащейся молодежи показали, насколько неправильно были опредѣлены высшимъ начальствомъ причины этихъ волненій и ихъ основной характеръ. Призваніе профессоровъ къ совмѣстной съ инспекціей опекѣ надъ студентами, рекомендація научныхъ практическихъ занятій со спеціальной цѣлію удержать молодежь отъ увлеченій и безпорядковъ должны были отозваться глубокой горечью въ сердцахъ профессорской университетской корпораціи и только подчеркнуть давнее недовѣріе къ представителямъ послѣдней. Однако, преемникъ трагически скончавшагося Н. П. Боголѣпова, П. С. Ванновскій, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, въ приказѣ своемъ отъ 2-го апрѣля 1901 года, не упоминая объ инспекціи, говорилъ: „я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащейся молодежью и, независимо отъ преподаванія, споспѣшествовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія".

---

[1]) Сборникъ распоряженій, XIV. 719—721.
[2]) Сборникъ постановленій, XVI. 1602.

Для достиженія этихъ цѣлей и вмѣстѣ съ тѣмъ для упорядоченія уже существовавшихъ студенческихъ организацій были выработаны и 22-го декабря 1901 года министромъ народнаго просвѣщенія утверждены „Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій“, заслушанныя совѣтомъ Юрьевскаго университета 12-го января 1902 года; такъ какъ 24-го августа 1902 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе „Временныхъ правилъ о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ“, то этими нововведеніями значительно измѣнялись IV и IX главы дѣйствующихъ „Правилъ для студентовъ Юрьевскаго университета“ 1893 года, о чемъ и получено было увѣдомленіе министерства отъ 18-го іюня 1903 года. 27-го августа 1902 года послѣдовало циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при университетѣ института кураторовъ и въ приложеніи къ нему, въ связи съ учрежденіемъ „профессорскаго суда“, „Правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній“; вслѣдствіе этого, въ засѣданіи совѣта 26-го ноября 1902 года была утверждена выработанная особой комиссіей „Инструкція кураторамъ въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ“.

Здѣсь мы должны привести нѣкоторыя постановленія относительно учащихся, которыя тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ содержаніемъ „Правилъ для студентовъ“, хотя и не вошли въ обработку послѣднихъ 1893 года, какъ на это уже было указано при сравненіи ихъ съ прежними „Правилами“ 1868 года.

Мы уже знаемъ, что общее „положеніе“ объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени было утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія 22-го октября 1866 года [1]); оно дополнено было позднѣйшими министерскими распоряженіями отъ 11-го декабря 1869 года и 1-го мая 1871 года объ испытаніяхъ на степень магистра по историко-филологическому и юридическому факультетамъ [2]). Первое „положеніе“ находилось въ связи съ „учебными планами“, которые обнаруживали спеціальную особенность постановки преподаванія въ Дерптскомъ университетѣ, въ отличіе отъ другихъ русскихъ университетовъ. Сущность этой особенности заключалась въ существованіи, главнымъ образомъ, на историко-филологическомъ, юридическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, спеціальныхъ отдѣленій уже съ перваго полугодія, т. е. съ мо-

[1]) Сборникъ распоряженій, IV. 373—380; Штаты и приложенія, стр. 1—2.
[2]) Тамъ же, IV. 809—810; Штаты и приложенія, стр. 9; V. 70—75.

мента вступленія студента въ университетъ; отсюда проистекали названія: „студентъ-историкъ“, „студентъ-филологъ“, „студентъ-математикъ“, „студентъ-химикъ“. Это положеніе основывалось на стремленіи къ ранней спеціализаціи, которая вообще въ Дерптскомъ университетѣ поощрялась, какъ это видно изъ приведеннаго выше примѣчанія къ § 10 „Правилъ“ 1868 года. Такой порядокъ вещей, по сравненію съ другими русскими университетами, представлялъ весьма существенныя уклоненія, и попечитель М. Н. Капустинъ уже въ 1880-хъ годахъ обращалъ на это вниманіе министерства. Такъ, 6-го декабря 1885 года писалъ онъ министру И. Д. Делянову: „Тогда какъ по правиламъ объ испытаніяхъ 1885 года [общеуниверситетскимъ] отъ всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета требуются занятія классическими языками, въ Дерптѣ эти требованія предъявляются только тѣмъ студентамъ, которые избрали своею спеціальностью древніе языки. Такимъ образомъ, кандидаты сравнительнаго языкознанія, русскаго языка, политической экономіи, географіи и исторіи вовсе освобождены отъ занятій классическими языками... Русская исторія не требуется отъ всѣхъ студентовъ историческаго отдѣленія, а потому профессора Брикнера слушаютъ не болѣе 3-хъ или 4-хъ студентовъ... При такомъ порядкѣ неудивительны общія жалобы на упадокъ классическаго ученья; въ теченіе 3—4 лѣтъ пребыванія въ университетѣ студенты забываютъ даже то, чему выучились въ гимназіи“. О физико-математическомъ факультетѣ попечитель въ томъ же письмѣ писалъ: „На факультетѣ принято девять отдѣленій, такъ что значительная часть студентовъ вовсе не занимается математикой... Можно быть кандидатомъ математическаго факультета, выдержавъ экзаменъ изъ физики, химіи, части ботаники, метафизики и политической экономіи“. Тѣ же недостатки усматривалъ попечитель и на юридическомъ факультетѣ; богословскаго онъ не касался, такъ какъ этотъ факультетъ „по своеобразности своей“ выходилъ изъ предѣловъ компетенціи попечителя, и только о медицинскомъ факультетѣ отмѣтилъ, что единственно онъ „стоитъ на высотѣ научнаго значенія и практическихъ задачъ“. М. Н. Капустинъ былъ того мнѣнія, что пока такое положеніе дѣла не будетъ измѣнено, „въ Дерптъ будутъ искусственно стекаться молодые люди, избѣгающіе работы“, какъ онъ писалъ объ этомъ И. Д. Делянову въ другомъ письмѣ, отъ 21-го января 1886 года [1]). Поэтому онъ усиленно настаивалъ на введеніи въ Дерпт-

[1]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія, № 168926—4437.

скомъ университетѣ общеуниверситетскихъ правилъ о зачетѣ полугодій и о полукурсовыхъ и окончательныхъ испытаніяхъ. Это и явилось дѣломъ наступившей вскорѣ реформы. Новыя правила о зачетѣ полугодій и о полукурсовыхъ испытаніяхъ были утверждены: для юридическаго факультета 30-го мая 1890 года, а для историко-филологическаго, физико-математическаго и медицинскаго—3-го сентября 1891 года. Окончательнымъ завершеніемъ этого дѣла было распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія отъ 12-го мая 1892 года, по которому положенъ былъ конецъ „установившейся [въ Дерптѣ] спеціализаціи въ устройствѣ испытаній на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента" и прекращены были „на будущее время испытанія по какимъ бы то ни было спеціальностямъ, кромѣ существующихъ разрѣшенныхъ министерствомъ отдѣленій въ факультетахъ: историко-филологическомъ—по классическому, славянорусскому, историческому и германо-романскому, и въ физико-математическомъ—по математическому и естественно-историческому; мѣра эта нашла себѣ осуществленіе въ юридическомъ факультетѣ съ 1892—93 учебнаго года, а въ другихъ факультетахъ съ 1895—96 года. Естественнымъ слѣдствіемъ упраздненія спеціальныхъ отдѣленій были и новые учебные планы: по медицинскому факультету для первыхъ четырехъ семестровъ они утверждены были 24-го января 1892 года, а для остальныхъ шести семестровъ 23-го іюля 1893 и 6-го ноября 1896 года; по историко-филологическому факультету—17-го октября 1893 года, по физико-математическому—24-го іюня 1893 и 16-го марта 1896 года, а по богословскому—17-го октября 1893 и 10-го декабря 1896 года; 21-го августа 1896 года для слушателей фармаціи введенъ былъ, вмѣсто прежняго трехъ-семестральнаго, четырехъ-семестральный курсъ, признанный крайне необходимымъ въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго преподаванія фармацевтамъ предметовъ и для лучшаго усвоенія ихъ слушателями.

Что касается медицинскаго факультета, то, согласно дѣйствовавшимъ еще отъ прошлаго времени „правиламъ" 18-го декабря 1845 года [1]), къ испытанію на степень доктора медицины допускались молодые люди прямо со студенческой скамьи, помимо лѣкарскаго испытанія, и экзаменъ этотъ мало чѣмъ отличался отъ экзамена на званіе лѣкаря, а диссертаціи, по установившемуся обычаю, были крайне невелики и требовали на составленіе ихъ обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ, рѣдко

---

[1]) См. т. I, стр. 514.

годъ или болѣе. Поэтому, желающихъ держать экзаменъ только на лѣкаря оказывалось всегда очень немного сравнительно съ тѣми, которые хотѣли экзаменоваться прямо на доктора медицины. Въ пору реформы такое положеніе найдено было неправильнымъ, по сравненію съ другими русскими университетами, и 25-го октября 1893 года Высочайше было повелѣно, впредь до введенія въ Юрьевскій университетъ общаго устава 1884 года, распространить на него дѣйствіе § 589-го Устава Врачебнаго, согласно которому на степень доктора медицины могутъ быть допускаемы лишь тѣ лица, которыя представили дипломъ на званіе лѣкаря, выданный изъ Военно-Медицинской Академіи или одного изъ русскихъ университетовъ. Результаты же работъ особой комиссіи, образованной въ засѣданіи совѣта 4-го декабря 1892 года для составленія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ на высшія ученыя степени магистра и доктора по другимъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго, хотя и были разсмотрѣны и одобрены въ совѣтѣ 27-го апрѣля и 28-го мая 1893 года, однако утвержденіе ихъ отложено было до общаго примѣненія къ Юрьевскому университету устава 1884 года, какъ это видно изъ сообщенія министра народнаго просвѣщенія отъ 29-го марта 1899 года.

Старыя традиціи уступили, при реформѣ, мѣсто новымъ порядкамъ также въ вопросѣ о срокѣ окончательныхъ испытаній и о частныхъ курсахъ, такъ называемыхъ „privatissima". Въ старое время, до реформы, не было точно установленныхъ сроковъ для производства окончательныхъ испытаній; студенты приходили держать экзамены, когда чувствовали себя готовыми. Чтобы хотя нѣсколько упорядочить это дѣло, совѣтъ 23-го мая 1886 года опредѣлилъ сроки окончательныхъ испытаній для богословскаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ два раза въ годъ, въ концѣ каждаго семестра, а для юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ — четыре раза въ годъ, въ началѣ и концѣ каждаго семестра. Въ 1892 году установлено было, съ согласія министерства, производить окончательныя испытанія по всѣмъ факультетамъ только разъ въ годъ, передъ началомъ лѣтнихъ вакацій; однако фактически окончательныя и полукурсовыя испытанія производились, до самаго конца періода, на физико-математическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ въ концѣ не только весенняго, но и осенняго семестра; независимо отъ этого, студенты, особенно медицинскаго факультета, въ значительной степени пользовались системой такъ называемыхъ Vortermin'овъ, то-есть досрочныхъ испытаній, съ согласія соотвѣт-

ственнаго экзаменатора. Частные курсы (privatissima) были издавна широко распространены въ Дерптскомъ университетѣ, при чемъ согласно § 8 „Постановленій о взиманіи платы за слушаніе лекцій", утвержденныхъ 24-го декабря 1868 года, преподавателю предоставлялось назначать плату за эти курсы „по собственному соображенію". Обыкновенно такіе курсы продолжались двѣ—три недѣли, имѣли повторительный или резюмирующій характеръ, и плата за нихъ устанавливалась преподавателями отъ 10 до 25 рублей; участіе въ такихъ курсахъ, польза которыхъ въ большинствѣ случаевъ была внѣ всякаго сомнѣнія, было для большинства студентовъ, особенно медиковъ, почти необходимо не только потому, что тутъ сообщалось то, чего иногда нельзя было услышать на общихъ, „публичныхъ" лекціяхъ, но и потому, что посѣщеніе этихъ privatissima считалось со стороны профессоровъ признакомъ усердія студента къ своимъ занятіямъ и нерѣдко могло имѣть вліяніе на оцѣнку познаній на экзаменахъ. Въ виду этого, въ „Правилахъ" 1893 г., прим. къ § 28, было установлено, чтобы сборъ за эти лекціи не превышалъ одного рубля за семестральный часъ, какъ это издавна имѣло мѣсто по отношенію къ обычнымъ курсамъ. Медицинскій факультетъ, отъ 27-го мая 1893 года, вошелъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи такого постановленія относительно частныхъ курсовъ; попечитель въ своемъ отвѣтѣ, отъ 22-го сентября 1893 года, не нашелъ однако же возможнымъ пойти на встрѣчу этому ходатайству — тѣмъ болѣе, что профессора-медики и безъ того получали, сравнительно со своими коллегами по другимъ факультетамъ, довольно значительный гонораръ, въ среднемъ для 1892 года на каждаго преподавателя по 1610 р., при чемъ наивысшій гонораръ, по одной изъ каѳедръ этого факультета, достигалъ въ упомянутомъ году до 4768 рублей.

Когда въ 1895 году поднятъ былъ въ министерствѣ вопросъ о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи студентовъ между университетами въ имперіи, то и Юрьевскому университету предложено было высказать по этому вопросу свои соображенія. Составленный объ этомъ особой, избранной 6-го октября 1895 года, комиссіей докладъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ совѣтомъ въ засѣданіи 31-го января 1896 года. Увеличеніе числа студентовъ въ это время для университета — особенно на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ — было весьма желательно; однако совѣтъ высказался противъ проектированнаго министерствомъ прикрѣпленія абитуріентовъ гимназій при поступленіи ихъ въ университетъ къ тому или другому

округу и, въ частности, для увеличенія числа поступающихъ въ Юрьевскій университетъ молодыхъ людей рекомендовалъ слѣдующія мѣры: 1. Увеличеніе на нѣкоторыхъ факультетахъ числа каѳедръ, улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій и вообще примѣненіе къ Юрьевскому университету болѣе или менѣе нормальнаго штата другихъ русскихъ университетовъ; 2. Обезпеченіе существованія германо-романскаго отдѣленія на историко-филологическомъ факультетѣ, физико-географическаго и агрономическаго отдѣленія на физико-математическомъ; 3. Увеличеніе числа стипендій; 4. Допущеніе пріема на соотвѣтственные факультеты лицъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и реальныхъ училищахъ. Первыя два пожеланія остались до конца описываемаго періода почти совершенно безъ удовлетворенія; вторыя же два были до нѣкоторой степени удовлетворены.

Вопросъ о привлеченіи въ Юрьевскій университетъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій поднятъ былъ попечителемъ Н. А. Лавровскимъ еще въ 1894 году, но министерство не уважило этого ходатайства, отвѣтивъ, отъ 25-го сентября 1894 года, что такая мѣра „значительно понизитъ качественный составъ учащихся въ университетѣ, что̀ особенно нежелательно въ данное время, когда университетъ переживаетъ переходное положеніе и обращаетъ на себя вниманіе всего Прибалтійскаго края". Въ слѣдующемъ году ходатайство было возобновлено, при чемъ попечитель, отъ 20-го іюня 1895 года, писалъ: „Нынѣ на историко-филологическомъ факультетѣ всего до 15 студентовъ [1]), и число ихъ съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается, такъ что этотъ факультетъ въ ближайшее время можетъ оказаться совсѣмъ безъ слушателей, особенно въ виду крайней скудости стипендій, которыя еще могли бы отчасти увеличить контингентъ учащихся. То же, хотя и въ меньшей мѣрѣ, относится и къ физико-математическому факультету; лишь медицинскій и богословскій факультеты вполнѣ обезпечены достаточнымъ числомъ слушателей и не нуждаются въ особыхъ мѣрахъ для привлеченія послѣднихъ"; наконецъ, попечитель полагалъ, что допущеніе семинаристовъ въ Юрьевскій универси-

[1]) Цифра эта меньше офиціальной, такъ какъ попечитель, очевидно, не принималъ въ расчетъ тѣхъ, такъ сказать, фиктивныхъ студентовъ этого факультета, которые всегда на немъ бывали (особенно изъ студентовъ-богослововъ), чтобы, по разнымъ обстоятельствамъ, имѣть право оставаться въ университетѣ, по окончаніи курса, еще нѣкоторое время: ср. „Статистическія таблицы", стр. 8.

тетъ „было бы желательнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ видахъ усиленія русскаго элемента въ инородческой и иновѣрной средѣ и въ интересахъ сближенія послѣдней съ первымъ“. Но и это ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ, равно какъ и слѣдующее затѣмъ, отъ 11-го сентября 1895 года, въ отвѣтъ на которое, отъ 26-го сентября 1895 года, министерство возразило, что мѣра эта „при нынѣшней весьма слабой постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ понизила бы значеніе историко-филологическаго факультета въ глазахъ учащагося юношества, дѣлая его доступнымъ для лицъ, быть можетъ весьма слабыхъ въ классической филологіи“. А между тѣмъ фактически семинаристы поступали въ Юрьевскій университетъ на разные факультеты, каждый разъ съ особаго разрѣшенія на то министра народнаго просвѣщенія, и въ 1896 году такихъ лицъ было 47. Очевидно, это было лишь пробной мѣрой, о результатахъ которой и запрошенъ былъ попечитель; въ отвѣтахъ своихъ министру, отъ 13-го января и 14-го іюля 1897 года, онъ сообщалъ, что принятые семинаристы оказались и по поведенію и по успѣхамъ вполнѣ соотвѣтствующими предъявленнымъ къ нимъ требованіямъ. Но вопросъ о семинаристахъ былъ уже рѣшенъ: 13-го іюня 1897 года состоялось высочайшее повелѣніе о пріемѣ въ Юрьевскій университетъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, кончившихъ курсъ по I разряду, на всѣ факультеты кромѣ богословскаго; пріемъ обусловливался провѣрочнымъ испытаніемъ въ объемѣ гимназическаго курса: для поступающихъ на юридическій и медицинскій факультеты — изъ русскаго и латинскаго языковъ, для поступающихъ на физико-математическій — изъ русскаго языка, латинскаго и математики, а для поступающихъ на историко-филологическій факультетъ—изъ русскаго, латинскаго и греческаго языковъ. Мѣра эта для Юрьевскаго университета, въ критическую эпоху его переходнаго состоянія, имѣла огромное значеніе, обезпечивъ ему въ послѣдующіе годы достаточный притокъ слушателей по всѣмъ открытымъ для семинаристовъ факультетамъ.

Что касается казенныхъ стипендій, то до 1899 года число ихъ было очень ограничено; сосредоточивались онѣ главнымъ образомъ на медицинскомъ и на богословскомъ факультетахъ: на первомъ — потому что медики нужны были въ качествѣ врачей для государственной службы, на второмъ — для обезпеченія замѣщенія пасторскихъ мѣстъ въ предѣлахъ какъ Прибалтійскаго края, такъ и другихъ мѣстностей Россіи съ лютеранскимъ населеніемъ. На медицинскомъ факультетѣ было всего 20 стипендій по 300 р. каждая, на

богословскомъ 12 по 300 р. и, кромѣ того, 3 стипендіи Виленскаго евангелическо-реформатскаго синода по 266 р. $66^2/_3$ к. каждая [1]); всего на сумму 10.400 р. Вмѣстѣ съ этими стипендіями, обязывавшими стипендіата къ извѣстному сроку службы, было и нѣсколько казенныхъ необязательныхъ: 1 на юридическомъ факультетѣ, 1 на физико-математическомъ и 6 на историко-филологическомъ, всѣ по 300 р. каждая; всего на сумму 2.400 р. Кромѣ того, 1.200 р. предназначено было на пособія студентамъ всѣхъ факультетовъ. На практикѣ сумма необязательныхъ стипендій только въ рѣдкихъ случаяхъ расходовалась въ видѣ полной стипендіи, а выдавалась обыкновенно, вмѣстѣ съ упомянутыми 1.200 р., по рѣшенію факультетовъ малыми частями, въ видѣ пособій, нуждающимся студентамъ, которые „отличались прилежаніемъ и дарованіями". Высочайше утвержденнымъ 2-го марта 1876 года мнѣніемъ государственнаго совѣта Дерптскому университету даровано еще 4 новыхъ медицинскихъ стипендіи по 300 р., а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія 23-го іюня 1878 года и новое „положеніе" объ этихъ стипендіяхъ, въ замѣнъ прежняго отъ 30-го іюня 1865 года. Однако, въ 1879 году, при образованіи казенныхъ стипендій военнаго вѣдомства, часть казенныхъ стипендіальныхъ суммъ была взята изъ Дерптскаго университета и перечислена въ Петербургскую медико-хирургическую академію. Въ 1899 году, особенно благодаря настоятельнымъ ходатайствамъ ректора А. С. Будиловича, было положено усилить стипендіальныя средства университета до 15.000 р. въ годъ „за счетъ общей суммы, ассигнуемой на производство стипендій и пособій учащимся въ Императорскихъ россійскихъ университетахъ". Въ представленіи министерства народнаго просвѣщенія по этому поводу въ государственный совѣтъ было сказано, что „одною изъ главнѣйшихъ нуждъ Юрьевскаго университета является крайняя скудость его стипендіальныхъ средствъ"; казенныхъ стипендій и пособій, за исключеніемъ медицинскихъ стипендій, имѣется въ немъ всего на сумму 3.200 р. „Скудость стипендіальныхъ средствъ Юрьевскаго университета сказывается тѣмъ чувствительнѣе, что въ немъ имѣется пятый факультетъ, богословскій, на содержаніе стипендіатовъ котораго выдѣляется изъ означенныхъ 3.200 р. не менѣе 1.400 р., такъ что на четыре прочихъ факультета остается всего 1.800 р. Недостаточность этихъ суммъ

[1]) Измѣненіе числа и размѣра ихъ сравнительно съ прошлымъ временемъ (см. т. I, стр. 517) состоялось въ 1873 году: Сборникъ постановленій, V. 2186—2187.

на стипендіи и пособія станетъ еще очевиднѣе, если обратить вниманіе на то, что въ Юрьевскомъ университетѣ общая сумма частныхъ стипендіальныхъ капиталовъ не превышаетъ 150.000 р., такъ что на годичные проценты съ оныхъ (въ настоящее время 7.661 р. 19 к.) возможно образовать только 25 стипендій, изъ коихъ при томъ многія имѣютъ фамильный характеръ или предназначаются для лицъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, мѣстныхъ уроженцевъ, дворянъ и т. п.“ [1]). Осуществленіе этой мѣры послѣдовало въ 1900 году путемъ перевода изъ разныхъ русскихъ университетовъ стипендіальныхъ суммъ въ Юрьевъ. Такъ, въ іюлѣ 1900 года переведено было 9 такъ называемыхъ „педагогическихъ“ стипендій, по 250 р. каждая, для студентовъ историко-филологическаго (5 стипендій) и физико-математическаго (4 стипендіи) факультетовъ; въ октябрѣ того же 1900 года переведено 20 стипендій общаго характера по 250 р., которыя распредѣлены были между факультетами такимъ образомъ: историко-филологическому 3 стипендіи, физико-математическому—3, юридическому—9 и медицинскому—5; наконецъ, въ ноябрѣ 1900 года переведено было спеціально для историко-филологическаго факультета еще 10 стипендій по 250 р. Эти мѣры были для недостаточнаго юрьевскаго студенчества нѣкоторымъ удовлетвореніемъ одной изъ самыхъ его неотложныхъ нуждъ, придя на помощь десяткамъ молодыхъ людей, хотя цѣлыя сотни другихъ нуждались въ такой же помощи не менѣе настоятельно.

Что касается частныхъ пожертвованій на стипендіи студентамъ, то хотя они притекали въ описываемый періодъ нѣсколько энергичнѣе прошлаго времени, однако общая сумма ихъ была весьма незначительна, особенно по сопоставленіи съ другими русскими университетами и относительно огромнаго числа нуждающихся. Въ 1864 году была учреждена стипендія Эм. фонъ-Вульфъ-Роннебургомъ на капиталъ въ 11.600 р. для студентовъ юридическаго факультета, преимущественно изъ лифляндскихъ дворянъ; въ 1867 году — стипендія епископа Ульмана на капиталъ въ 16.500 р. для студентовъ богословскаго факультета [2]); въ 1868 году генералъ-штабъ-докторомъ флота Розенбергеромъ на капиталъ въ 6.400 р. для медиковъ [3]); въ 1876 году тайн. сов. А. А. Берте на капиталъ въ 9.200 р. для богословскаго факультета; въ 1880 году коллежскимъ совѣтникомъ Кар-

[1]) Сборникъ постановленій, XVI. 1601—1602.

[2]) Сборникъ постановленій, IV. 424—425.

[3]) Тамъ же, IV. 845.

ломъ Бекманомъ на капиталъ въ 5.000 р.; въ 1884 году докторомъ Ѳедоромъ Миквицемъ на капиталъ въ 8.700 р. для богословскаго факультета и преимущественно для членовъ семейства Миквицъ; въ 1886 году коллежскимъ ассесоромъ Карломъ Дан. Мюллеромъ на капиталъ въ 26.200 р. для фармацевтовъ; въ 1886 году рижскимъ купцомъ П. С. Поповымъ на капиталъ въ 6.800 р.; въ 1888 году тайн. сов. Кристофари на капиталъ въ 7.800 р. преимущественно для потомковъ жертвователя; въ 1892 году докторомъ медицины Ѳ. Ѳ. Зигелемъ на капиталъ въ 6.800 р.; въ 1893 году докторомъ медицины Г. Г. Циммерманомъ на капиталъ въ 6.400 р. для медиковъ; въ 1893 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Н. Н. Козловымъ на капиталъ въ 6.000 р. для медиковъ; въ 1895 году докторомъ медицины фонъ-Дрейеромъ на капиталъ въ 8.300 р. для членовъ корпораціи „Ливонія“; въ 1896 году коллежскимъ совѣтникомъ С. И. Креславскимъ на капиталъ въ 11.700 р. для фармацевтовъ; въ 1897 году коллежскимъ совѣтникомъ Фридрихомъ фонъ-Зеценомъ на капиталъ въ 24.487 р. 50 к. для уроженцевъ г. Риги, преимущественно изъ потомковъ жертвователя; въ 1902 году Влад. Фед. Блезе на капиталъ въ 6.000 р. и Ив. Ѳед. Доссомъ на капиталъ въ 10.000 р. для студентовъ, изучающихъ политическую экономію и финансы. Управленіе этими стипендіями [1]) принадлежитъ университету. Но, кромѣ того, студенты университета имѣютъ возможность, при наличности извѣстныхъ условій, пользоваться и другими частными стипендіями, управленіе которыми находится внѣ университета; ихъ немного, но между ними заслуживаютъ здѣсь упоминанія стипендіи, учрежденныя дерптскимъ купцомъ Петромъ Яковлевичемъ Шамаевымъ, согласно завѣщанію его 5-го сентября 1862 года и дополненію къ нему 27-го февраля 1878 года; капиталъ, преимущественно въ иностранныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ банкирскомъ домѣ Джона Ротшильда въ Парижѣ; въ 1902 году выдано было изъ процентовъ съ этого капитала 11.600 р. 84-мъ стипендіатамъ изъ студентовъ, большею частію по 100 р. въ семестръ каждому. Управленіе нѣкоторыми стипендіями перешло отъ университета въ другія руки; напримѣръ, стипендія доктора Тишера [2]) съ 1888 года находится въ вѣдѣніи рижскаго городского управленія.

---

[1]) Суммы ихъ капиталовъ показаны согласно офиціальной университетской росписи 1902 года.

[2]) См. т. I, стр. 517.

Въ теченіе всего описываемаго времени пріемъ въ студенты университета совершался два раза въ годъ, въ началѣ каждаго семестра, согласно § 58 устава 1865 года, который въ этомъ отношеніи расходится съ общеуниверситетскими уставами и 1863 года (§ 87) и 1884 года (§ 117). Внѣшнихъ ограниченій для поступленія въ студенты, въ смыслѣ комплекта, никогда не существовало. Когда въ 1899 году, въ связи съ возникшими студенческими волненіями, министерствомъ былъ поднятъ вопросъ о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи вновь поступающихъ студентовъ между университетами, и попечителямъ предложено было „рекомендовать получившимъ въ 1899 году аттестаты и свидѣтельства зрѣлости держаться при поступленіи въ университетъ своего округа", то для абитуріентовъ гимназій Виленскаго учебнаго округа, не имѣющаго своего университета, былъ указанъ, наравнѣ съ двумя столичными университетами, также и Юрьевскій; вскорѣ затѣмъ, предложеніемъ министерства попечителю рижскаго учебнаго округа отъ 23-го іюля 1899 года, на основаніи полученныхъ отъ университета сообщеній, установлены были предѣльныя максимальныя цифры, въ зависимости отъ имѣющихся помѣщеній, числа студентовъ, поступающихъ на первый курсъ: для медицинскаго факультета—150 человѣкъ, для юридическаго—120, для физико-математическаго—70 (на математическое отдѣленіе 30 и на естественное 40); для историко-филологическаго факультета никакой нормы не установлено, такъ какъ „избытка студентовъ на немъ не замѣчается", а богословскій факультетъ совершенно былъ обойденъ молчаніемъ.

Взглянемъ теперь на цифровыя данныя числа студентовъ по годамъ какъ въ общей суммѣ, такъ и по отдѣльнымъ факультетамъ въ частности. Общее число студентовъ въ началѣ періода, въ 1865 году, было 594, при чемъ они распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ—80, на юридическомъ—204, на медицинскомъ—146 и, кромѣ того, 35 слушателей фармаціи, на историко-филологическомъ—60 и на физико-математическомъ—69; къ концу періода, въ 1902 году, данныя этого рода представляются въ слѣдующемъ видѣ: общее число—1.824; оно распредѣляется по факультетамъ такъ: на богословскомъ—133, на юридическомъ—449, на медицинскомъ—767 и, кромѣ того, 91 слушатель фармаціи, на историко-филологическомъ — 136 и на физико-математическомъ — 245. Такимъ образомъ, какъ видно, общее число студентовъ къ концу періода увеличилось болѣе чѣмъ втрое, при чемъ самая меньшая

цифра падаетъ на 1867 годъ (582 чел.), а самая большая на 1901 годъ (1876 чел.). Этотъ ростъ общаго числа студентовъ происходилъ довольно равномѣрно, достигши первой тысячи, вообще съ основанія университета, въ 1879 году и идя послѣдовательно впередъ до начала реформы, такъ что въ 1890 году было всего въ университетѣ 1812 студентовъ; въ послѣдующіе годы, въ несомнѣнной, но не единственной зависимости отъ реформы, это число постепенно упадаетъ—до 1.225 чел. въ 1896 году, а затѣмъ, вслѣдствіе открытія въ 1897 году доступа въ университетъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, снова начинаетъ возрастать почти вплоть до самаго конца періода. Что касается отдѣльныхъ факультетовъ, то тутъ можно отмѣтить слѣдующее. На богословскомъ факультетѣ, самая меньшая цифра слушателей котораго падаетъ на 1868 годъ (56 чел.), а самая большая на 1890-й (284 чел.), наблюдается до начала реформы постепенное и довольно правильное возрастаніе числа студентовъ, при чемъ переходъ за первую сотню достигается вполнѣ устойчиво лишь въ 1878 году, а въ 1884 году—переходъ за вторую сотню; однако это увеличеніе наблюдается лишь до 1890 года, послѣ котораго цифра студентовъ этого факультета постепенно опускается, достигая въ концѣ періода приблизительно той же скромной цифры (133 чел.), которая является въ концѣ 1870-хъ и въ началѣ 1880-хъ годовъ; причина этого колебанія, несмотря на хронологическое совпаденіе факта уменьшенія студентовъ съ эпохой реформы, конечно находится внѣ послѣдней, такъ какъ именно этого факультета реформа совершенно не коснулась: она лежала всецѣло въ потребностяхъ евангелическо-лютеранской паствы въ предѣлахъ Россіи, когда число пасторскихъ вакансій то быстро увеличилось, вызвавъ въ свое время усиленный притокъ на богословскій факультетъ латышей и эстовъ, то затѣмъ уменьшилось вслѣдствіе ихъ постепеннаго заполненія. Юридическій факультетъ, также въ зависимости отъ извѣстныхъ, но уже другого рода, общихъ условій, обнаруживаетъ въ своемъ составѣ студентовъ тоже значительныя колебанія; самая меньшая цифра его слушателей (95 чел.) падаетъ на 1895 годъ, когда студентовъ оказывается на этомъ факультетѣ болѣе чѣмъ вдвое меньше цифры начала періода; самое большее число падаетъ на 1901 годъ; указанное уменьшеніе, послѣ цѣлаго ряда годовъ съ увеличивающейся тенденціей, особенно подчеркивается въ 1893—1895 годахъ и находится въ прямой зависимости не столько собственно отъ реформы университета, сколько отъ одновременно и отчасти раньше ея проведенной реформы суда въ Прибалтійскомъ краѣ, когда назначеніе

представителей судебной власти перешло отъ дворянства въ руки правительства, и потребовалось отъ нихъ знакомство съ общерусскими судебными порядками; новое же увеличенiе числа студентовъ юридическаго факультета съ 1897 года всецѣло объясняется наплывомъ въ университетъ воспитанниковъ духовныхъ семинарiй. Въ судьбѣ медицинскаго факультета, по скольку дѣло идетъ о количествѣ на немъ студентовъ, реформа университета явилась менѣе замѣтной причиной колебанiя послѣдняго; число слушателей на немъ въ общемъ постепенно возрастало, хотя самая высшая цифра (884 чел.) падаетъ не на послѣднiе годы, а именно на начало реформы, на 1890 годъ; самая меньшая относится къ 1867 году (130 чел.); причина общаго роста студентовъ медицины въ Дерптѣ, наблюдаемаго въ особенности съ начала 1880-хъ годовъ, лежала съ одной стороны въ недавнихъ событiяхъ русско-турецкой войны, обнаружившей недостатокъ у насъ врачебнаго персонала, а съ другой—въ утвердившейся особенно съ этого времени легкости полученiя въ Дерптѣ степени доктора медицины; нѣкоторое влiянiе на увеличенiе числа студентовъ-медиковъ въ концѣ 1880-хъ и началѣ 1890-хъ годовъ имѣлъ, вѣроятно, и общiй усиленный выпускъ абитурiентовъ гимназiй Прибалтiйскаго края, стоявшихъ наканунѣ реформы всей системы средняго образованiя на этой окраинѣ. Что же касается слушателей фармацiи, то нигдѣ, быть можетъ, разница между максимумомъ и минимумомъ такъ не поразительна, какъ именно тутъ: въ 1866 году ихъ было всего 28 чел., а въ 1897—345 чел.; кромѣ общихъ условiй, на это обстоятельство не остались безъ влiянiя широкая извѣстность профессора фармацiи I. Г. Драгендорфа и мѣры, принятыя имъ къ поднятiю фармацевтическаго института въ Дерптскомъ университетѣ [1]); съ другой стороны, отразился тутъ и сверхкомплектный прiемъ слушателей-евреевъ, приведенiе которыхъ къ прежней пяти-процентной нормѣ, въ связи съ другими обстоятельствами, имѣло влiянiе на значительное уменьшенiе числа слушателей фармацiи съ 1900 года, когда цифра ихъ, по сравненiю съ предшествовавшимъ годомъ, уменьшилась почти въ четыре раза. Число студентовъ историко-филологическаго факультета обнаруживаетъ съ самаго начала перiода рѣшительную наклонность къ увеличенiю, при чемъ въ устойчивомъ переходѣ за первую сотню (въ 1875 году) предупреждаетъ богословскiй и, какъ увидимъ сейчасъ, физико-математическiй факультеты; этотъ ростъ достигаетъ высшей точки въ

---

[1]) Бiографическiй словарь, т. II, стр. 240—243.

1886 году (222 чел.), и затѣмъ обнаруживается столь же рѣшительное паденіе, доходя въ 1896 году до минимума 33 чел.; только съ 1899 года опять наблюдается увеличеніе числа студентовъ этого факультета; не подлежитъ сомнѣнію, что и реформа университета и реформа средней школы имѣли существенное вліяніе на указанныя измѣненія въ смыслѣ уменьшенія, первая—оттягивая отъ историко-филологическаго факультета родовитыхъ и состоятельныхъ студентовъ изъ мѣстной среды, искавшихъ общаго высшаго образованія, а вторая—ослабляя возможность полученія доступа къ педагогической дѣятельности, которая требовала теперь, въ виду измѣненія языка преподаванія, большею частію природныхъ русскихъ; увеличеніе же числа студентовъ въ послѣдніе годы должно быть отнесено къ разрѣшенію поступать въ университетъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій. Наконецъ, что касается физико-математическаго факультета, то судьба его въ значительной степени напоминаетъ судьбу историко-филологическаго факультета, съ тою разницей, что увеличеніе числа студентовъ шло въ немъ нѣсколько медленнѣе и за первую сотню перешло оно лишь въ 1882 году; но за то и уменьшеніе при реформѣ обнаружилось позднѣе и не столь сильно, упавши въ томъ же 1896 году всего лишь до 72 чел.; максимума (въ 245 чел.) достигъ онъ въ послѣдній 1902 годъ; причины колебанія тутъ были тѣ же, что и для историко-филологическаго факультета, но обнаруживались менѣе рѣзко, такъ какъ число искавшихъ лишь общаго академическаго образованія на немъ не было столь велико; кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что державшееся до конца періода двуязычное преподаваніе на этихъ обоихъ факультетахъ несомнѣнно оказывало нѣкоторое препятствіе къ увеличенію на нихъ числа студентовъ.

По мѣсту происхождинія студенты университета въ 1865 году распредѣлялись такъ: 273—изъ Лифляндіи, 66—изъ Эстляндіи, 137—изъ Курляндіи, 116—изъ прочихъ губерній и 2—изъ-за границы, между тѣмъ какъ къ концу періода картина совершенно мѣняется: въ 1902 году изъ Лифляндіи—296, изъ Эстляндіи—73, изъ Курляндіи—89, изъ прочихъ губерній—1.360 и изъ-за границы—6. Изъ этого видно, что если въ началѣ описываемаго періода университетомъ пользовалась главнѣйшимъ образомъ молодежь изъ Прибалтійскихъ губерній, при чемъ учащіеся изъ другихъ губерній составляли приблизительно одну пятую всего числа студенчества, то къ концу періода, наоборотъ, уроженцы Прибалтійскихъ губерній составляютъ лишь одну четверть всего состава учащихся, а остальная масса при-

ходится на долю уроженцевъ другихъ частей имперіи; обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе отчасти въ произведенной въ концѣ 1880-хъ годовъ реформѣ, но главнымъ образомъ въ допущеніи въ университетъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Безотносительно число учащихся лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ въ концѣ періода сравнительно съ его началомъ почти не измѣнилось. Что же касается иностранцевъ, то число ихъ обыкновенно измѣрялось единицами и только въ 1880-хъ годахъ перешло на десятки, достигнувъ въ 1885 году самой высокой цифры въ этотъ періодъ (27 чел.). Интересно отмѣтить тутъ, что сравнительно слабое возрастаніе числа студентовъ въ Дерптскомъ университетѣ изъ Прибалтійскихъ губерній въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ должно быть объясняемо отливомъ части остзейской молодежи въ заграничные университеты—особенно на медицинскіе факультеты Германіи, гдѣ послѣ прусско-французской войны наблюдается особое оживленіе въ занятіи хирургіей; другой причиной этого обстоятельства было сравнительно благопріятное положеніе въ это время русской валюты, паденіе которой послѣ русско-турецкой войны существеннымъ образомъ отразилось въ усиленномъ приливѣ остзейской молодежи въ родной университетъ [1]).

Число вольнослушателей, допущенныхъ уставомъ 1865 года, въ Дерптскомъ-Юрьевскомъ университетѣ никогда не было особенно велико: въ 1866 году ихъ было—22, а въ 1902 году—5; высшая цифра падаетъ на 1868 годъ (29 чел.). Обстоятельство это вполнѣ объясняется незначительностью самого университетскаго города, въ которомъ никогда не было большого количества лицъ, стремящихся къ полученію академическаго образованія внѣ обычныхъ условій возраста и практическихъ цѣлей жизни.

Общее число присужденныхъ ученыхъ степеней и званій по отдѣльнымъ факультетамъ выражается за описываемый періодъ въ слѣдующихъ цифрахъ. По богословскому факультету: докторовъ—4, магистровъ—15, кандидатовъ—230 и дѣйствительныхъ студентовъ—627. По юридическому факультету: докторовъ—7, магистровъ—14, кандидатовъ—709 и дѣйствительныхъ студентовъ—517. По медицинскому факультету: докторовъ медицины—847, докторовъ медицины и хирургіи—1, лѣкарей—1.986, уѣздныхъ врачей—263, акушеровъ—19,

---

[1]) *G. Otto und A. Hasselblatt.* Von den 14.000 Immatriculirten Dorpats, стр. 45.

операторовъ—5, инспекторовъ врачебной управы—13, магистровъ фармаціи—117, провизоровъ—1.870, аптекарскихъ помощниковъ—2.548, зубныхъ врачей и дантистовъ—694 и повивальныхъ бабокъ—1.042. По историко-филологическому факультету: докторовъ—24, магистровъ—45, кандидатовъ—367 и дѣйствительныхъ студентовъ—261. По физико-математическому факультету: докторовъ 34, магистровъ—46, кандидатовъ—397 и дѣйствительныхъ студентовъ—255. Изъ этихъ цифръ, между прочимъ, видно, что на факультетахъ юридическомъ, историко-филологическомъ и физико-математическомъ число кандидатовъ значительно превышаетъ число дѣйствительныхъ студентовъ, тогда какъ на богословскомъ факультетѣ замѣчается совершенно обратное явленіе: послѣднее объясняется до извѣстной степени тѣмъ, что при замѣщеніи пасторскихъ вакансій кандидатскій дипломъ не даетъ никакихъ видимыхъ преимуществъ по службѣ. На медицинскомъ факультетѣ замѣчается та особенность, что количество докторовъ медицины очень велико сравнительно съ количествомъ выпущенныхъ лѣкарей, значительно болѣе одной трети послѣднихъ. Если принять во вниманіе, что послѣ реформы выпускъ докторовъ медицины сравнительно съ выпускомъ лѣкарей чрезвычайно сократился, то это соотношеніе для до-реформеннаго періода будетъ еще очевиднѣе: сплошь и рядомъ бывали годы, когда число докторовъ медицины было не только не меньше, но больше числа лѣкарей, напр. въ 1869 году 20 докторовъ мед. и 10 лѣкарей, въ 1891 году—73 и 30, въ 1892 году—55 и 26; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ усиленнымъ выпускомъ обладателей высшей медицинской степени передъ фактическимъ наступленіемъ дѣйствія реформы. Отмѣченная особенность создала въ свое время для до-реформеннаго медицинскаго факультета Дерптскаго университета репутацію „фабрики докторовъ“, не безъ оттѣнка упрека, который, съ точки зрѣнія общерусскихъ университетскихъ порядковъ, дѣйствительно носилъ въ себѣ долю истины: огромное количество докторовъ медицины было не столько результатомъ особенно высокаго подъема медицинскихъ занятій въ Дерптѣ—что было и неисполнимо при указанныхъ недостаткахъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета въ теченіе почти всего описываемаго періода—сколько сравнительной легкостью предъявляемыхъ къ докторантамъ требованій со стороны медицинскаго факультета [1]).

[1]) Обстоятельства, при которыхъ въ описываемую эпоху пріобрѣталась въ Дерптѣ

Было бы очень трудно опредѣлить сколько-нибудь точно уровень научныхъ занятій и стремленій студентовъ въ описываемую эпоху. Однимъ изъ видовъ поощренія къ нимъ, какъ и въ старое время, была выдача медалей за сочиненія на заданные отъ факультетовъ вопросы. Къ обычному количеству медалей, которыми ежегодно располагалъ университетъ согласно § 63 устава 1865 года, и къ существовавшей уже съ 1861 года медали имени сенатора фонъ-Брадке [1]) присоединены были въ началѣ 1880-хъ годовъ еще другія: въ 1881 году учреждена была ежегодная выдача одной золотой и одной серебряной медали имени князя А. А. Суворова-Рымникскаго для фармацевтовъ на капиталъ 1.200 руб., собранный по предложенію проф. К. Э. Клауса русскими фармацевтами въ память перваго общаго собранія фармацевтическаго общества въ Петербургѣ въ 1864 году; въ 1883 году учреждена Ст. Ив. Креславскимъ, также для фармацевтовъ, ежегодная золотая медаль на пожертвованный имъ капиталъ въ 1.000 руб.; наконецъ, въ 1901 году утверждено „положеніе" о золотой медали имени бывшаго попечителя Н. А. Лавровскаго на капиталъ въ 1.000 руб., собранный послѣ его смерти въ средѣ преподавателей университета и другихъ лицъ; эта медаль предназначена къ выдачѣ

степень доктора медицины, очень наглядно и живо описаны въ статьѣ проф. Деіо: „Ueber die pädagogische Bedeutung des medizinischen Doctorexamens an der früheren Universität Dorpat. Von Prof. Dr. *K. Dehio*": Baltische Monatsschrift, B. XLIV. 1897, стр. 473—477.—Предшествующія наблюденія основаны на статистическомъ матеріалѣ, собранномъ нами въ особой брошюрѣ „Статистическія таблицы и личные списки по Императорскому Юрьевскому университету. 1802—1901. Юрьевъ. 1902". Въ дополненіе къ имѣющимся тамъ даннымъ сообщаемъ соотвѣтствующія свѣдѣнія за 1902 годъ. Общее число студентовъ—1.824; по факультетамъ: богословскому—133, юридическому—449, медицинскому—767 медиковъ и 91 фармацевтовъ, историко-филологическому—136 и физико-математическому—245. По мѣсту происхожденія: изъ Лифляндской губерніи—296, Эстляндской—73, Курляндской—89, изъ прочихъ губерній—1.360, изъ-за границы—6. Постороннихъ слушателей—5. Полученныхъ ученыхъ степеней и званій: по богословскому факультету: магистровъ—1, кандидатовъ—7, дѣйствительныхъ студентовъ—20; по юридическому факультету: кандидатовъ—13, дѣйствительныхъ студентовъ—54; по медицинскому факультету: докторовъ медицины—6, лѣкарей—144, уѣздныхъ врачей—10, инспекторовъ врачебной управы—1, магистровъ фармаціи—4, провизоровъ—45, аптекарскихъ помощниковъ—88, зубныхъ врачей—60, дантистовъ—77, повивальныхъ бабокъ—89; по историко-филологическому факультету: кандидатовъ—4, дѣйствительныхъ студентовъ—8; по физико-математическому факультету: магистровъ—1, кандидатовъ—10, дѣйствительныхъ студентовъ—14.

[1]) См. т. I, стр. 520.

каждые два года за сочиненія на темы по исторіи русскаго языка и словесности, славянской филологіи, русской исторіи и педагогики.

Общая сумма выданныхъ за годы 1865—1902 медалей—297, изъ которыхъ было 215 золотыхъ и 82 серебряныхъ; по факультетамъ эти медали распредѣляются такъ: на богословскомъ—73 (32 золотыя и 41 серебряныхъ), на юридическомъ — 47 (30 и 17), на медицинскомъ—86 (79 и 7), на историко-филологическомъ — 55 (44 и 11) и на физико-математическомъ—36 (30 и 6). Такимъ образомъ, впереди всѣхъ факультетовъ стоитъ по количеству присужденныхъ медалей, медицинскій, за нимъ идутъ—богословскій, историко-филологическій, юридическій и физико-математическій, что до извѣстной степени соотвѣтствуетъ количеству студентовъ на этихъ факультетахъ. По сравненію съ прошлымъ временемъ [1]), золотыя медали въ общей суммѣ играютъ болѣе видную роль, чѣмъ раньше; это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе не столько въ характерѣ общей оцѣнки, сколько въ томъ, что прежде для высшей оцѣнки требовался въ большинствѣ случаевъ латинскій языкъ, и замѣна послѣдняго нѣмецкимъ понижала въ глазахъ факультета цѣну представленнаго сочиненія, результатомъ чего бывало присужденіе серебряной медали вмѣсто золотой [2]). Однако на богословскомъ факультетѣ перевѣсъ имѣютъ серебряныя медали передъ золотыми, въ полную противоположность медицинскому факультету, гдѣ, напротивъ, перевѣсъ золотыхъ медалей надъ серебряными обнаруживается особенно рѣзко. За описываемое время не было, въ противоположность прежнему, такихъ годовъ, когда бы на весь университетъ не было присуждено ни одной медали, но бывали годы и даже нѣсколько такихъ лѣтъ подъ рядъ, когда это явленіе замѣчалось на томъ или иномъ факультетѣ отдѣльно: именно, на богословскомъ факультетѣ въ 1866, 1874, 1880, 1898 и 1899 годахъ; на юридическомъ—1869, 1871, 1876—1880, 1886 и 1896; на медицинскомъ—1866, 1867, 1872 и 1875; на историко-филологическомъ—1867, 1873, 1882 и 1892; на физико-математическомъ—1867, 1868, 1870, 1871, 1873, 1875, 1879 — 1883, 1894, 1898 и 1899; такимъ образомъ, напримѣръ въ 1867 году на весь университетъ присуждено

---

[1]) Ср. т. I, стр. 521.

[2]) Die Ehrenlegion der 14.000 Immatriculirten, стр. 20. — Для богословскаго факультета мы пользовались результатами новѣйшаго подсчета въ трудѣ г. Фрея: *I. Frey*. Die Preisschriften der Studierenden der Theologischen Facultät 1804—1903. „Ученыя Записки Имп. Юр. Унив.“ 1905, № 2, стр. 1—44.

было только двѣ медали, въ 1866 и 1882—по три медали, въ 1880—четыре медали. Но бывали, наоборотъ, и годы особенно обильные присужденными медалями: въ 1883—9 медалей, въ 1887 — 11 медалей, въ 1889 — 14 медалей, въ 1890—15 медалей, въ 1900 — 1902 годахъ по 14 медалей; причина этихъ отрадныхъ фактовъ лежала, вѣроятнѣе всего, въ общемъ значительномъ количествѣ учащихся въ университетѣ за указанные годы, но относительно 1889—1890 годовъ, т. е. рубежа отъ стараго порядка къ новому, характерное для мѣстныхъ взглядовъ на университетскую реформу объясненіе этого явленія дается въ не разъ уже цитованномъ нами сочиненіи [1].

Не входя въ подробности о характерѣ занятій на факультетахъ въ Дерптскомъ университетѣ до реформы, мы считаемъ однако же нужнымъ указать здѣсь на одну ихъ особенность: особенное развитіе получили въ нихъ такъ называемыя „практическія занятія", производившіяся — не говоря о медицинскомъ и физико-математическомъ — также и на другихъ факультетахъ, посредствомъ „семинарій", частныхъ курсовъ и т. п.; этой особенностью очень дорожили студенты Дерптскаго университета — тѣмъ болѣе, что она не наблюдалась въ такой степени въ другихъ русскихъ университетахъ. Съ реформой, при смѣнѣ нѣмецкихъ профессоровъ русскими и при введеніи общей системы русскихъ университетовъ въ реформируемый Юрьевскій, получила преобладаніе система теоретическаго преподаванія. Когда въ 1899 году, послѣ первыхъ студенческихъ волненій, министерство стало

---

[1]) Die Ehrenlegion der 14.000 Immatriculirten, стр. 18.—Въ дополненіе къ помѣщенному тутъ, впрочемъ по мѣстамъ недостаточно тщательно собранному, матеріалу за годы 1802—1892, приводимъ таблицу количества медалей по отдѣльнымъ факультетамъ за 1893—1902 годы:

ГОДЫ:	Богословскій.		Юридическій.		Медицинскій.		Историко-филологич.		Физико-математ.	
	Золот.	Сер.	Золот.	Сер.	Золот.	Сер.	Золот.	Сер.	Золот.	Сер.
1893 . . .	2	2	—	1	2	—	2	—	2	1
1894 . . .	2	3	—	1	3	—	1	—	—	—
1895 . . .	—	1	—	1	4	—	—	1	2	—
1896 . . .	1	—	—	—	3	—	—	—	1	—
1897 . . .	—	1	1	—	3	—	—	—	1	1
1898 . . .	—	—	2	1	3	—	—	1	—	—
1899 . . .	—	—	1	3	1	2	1	1	—	—
1900 . . .	1	2	2	4	1	1	2	—	1	—
1901 . . .	—	2	1	—	3	—	2	4	1	1
1902 . . .	4	—	2	—	5	1	—	—	2	—

разсматривать вопросъ о причинахъ послѣднихъ, то, какъ на одну изъ мѣръ для болѣе тѣснаго общенія студентовъ съ профессорами, было указано на желательное развитіе практическихъ занятій; въ теченіе 1899—1901 годовъ были собираемы министерствомъ, то путемъ письменныхъ сношеній, то спеціальной командировкой по университетамъ—въ томъ числѣ и въ Юрьевъ—академика И. И. Янжула, необходимыя свѣдѣнія о характерѣ предполагаемыхъ практическихъ занятій и о размѣрѣ необходимаго на то кредита; однако заявленія отдѣльныхъ факультетовъ, подробно разработанныя и основательно мотивированныя, оставлены были безъ дальнѣйшаго движенія: необходимыя средства не были найдены, и вопросъ о практическихъ занятіяхъ—не смотря на то, что онъ, по заявленію министерства попечителю Рижскаго учебнаго округа отъ 29-го сентября 1901 года, являлся „главнѣйшей заботой министерства" — былъ до нѣкоторой степени разрѣшенъ лишь для юридическаго факультета; прочіе же факультеты должны были удовольствоваться тѣмъ, что было раньше.

Что касается, наконецъ, способовъ поощренія со стороны университета къ научнымъ занятіямъ лицъ, уже избравшихъ себѣ по окончаніи университетскаго курса академическую дѣятельность въ качествѣ опредѣленнаго жизненнаго поприща, то тутъ слѣдуетъ упомянуть о достойномъ самой высокой признательности такъ называемомъ „фондѣ Роберта Геймбюргера". Будучи воспитанникомъ юридическаго факультета Дерптскаго университета въ 1828—1832 годахъ, Робертъ Геймбюргеръ незадолго до своей смерти (случившейся 30-го мая 1860 года), оставляя весьма значительное свое состояніе тремъ сестрамъ, выразилъ желаніе, чтобы часть этого капитала была впослѣдствіи употреблена на учрежденіе при Дерптскомъ университетѣ особаго фонда для споспѣшествованія научной дѣятельности воспитанниковъ и доцентовъ этого университета. Эта воля Роберта Геймбюргера, продиктованная ему желаніемъ отблагодарить свою almam matrem за полученное въ ней образованіе, была выполнена наслѣдницами, въ лицѣ Наталіи Геймбюргеръ, въ 1870 году: она предоставила университету пользованіе процентами съ капитала въ 34.000 р., при чемъ отъ 22-го февраля 1870 года выработаны были довѣренными съ ея стороны и со стороны университета лицами „правила" употребленія означенной суммы университетомъ. Именно, 30% дохода съ пожертвованнаго капитала предназначены были на ежегодную выдачу премій за научное сочиненіе—безъ различія спеціальности—автору, который или былъ не менѣе трехъ лѣтъ студентомъ Дерптскаго уни-

верситета, или такой же срокъ отслужилъ при этомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, доцента, профессора, астронома-наблюдателя или ученаго аптекаря; это составляло сумму обыкновенно около 510 р.; затѣмъ, 60% дохода должны были идти на ежегодную выдачу такъ называемой „Reise-Stipendium" для поѣздки съ научною цѣлію въ предѣлахъ Россіи или за границу, также безъ указанія на какую-либо спеціальность: эту стипендію могли получить лишь доцентъ, приватъ-доцентъ, прозекторъ, астрономъ-наблюдатель или ученый аптекарь, находившіеся на службѣ въ Дерптскомъ университетѣ по крайней мѣрѣ три года въ одномъ изъ упомянутыхъ званій; профессора на эту стипендію права не имѣли; сумма этой стипендіи простиралась до 1.020 р. или около того. Наконецъ, 5% дохода предназначались для выдачи пособій вдовамъ или сиротамъ умершихъ бывшихъ членовъ преподавательскаго персонала Дерптскаго университета. Управленіе „фондомъ Роберта Геймбюргера" было и находится внѣ университета. Первое присужденіе и преміи и стипендіи имѣло мѣсто уже на актѣ 12-го декабря 1870 года, при чемъ преміи удостоенъ былъ знаменитый въ лѣтописяхъ русской лексикографіи трудъ бывшаго воспитанника Дерптскаго университета *Вл. Даля* „Толковый словарь живого великорусскаго языка" (Т. I—IV. М. 1863—1866) [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря означенной преміи многіе полезные научные труды получили справедливое поощреніе; но еще болѣе заслуживаетъ быть отмѣченной весьма счастливая мысль о стипендіи для научныхъ поѣздокъ: эта стипендія поддержала въ Дерптскомъ-Юрьевскомъ университетѣ немалое число молодыхъ работниковъ въ наукѣ, давъ имъ возможность расширить свои научные горизонты, собрать нужный отдаленный матеріалъ или закончить тотъ или иной научный трудъ—обыкновенно въ началѣ, т. е. въ наиболѣе трудные годы, своей академической карьеры.

Уже въ концѣ описываемаго періода, передъ самымъ юбилеемъ, учреждена была при медицинскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета и утверждена министерствомъ народнаго просвѣщенія 5-го декабря 1902 года стипендія или пособіе для путешествія съ научною цѣлію имени знаменитаго профессора анатоміи Венцеля Грубера и жены его Августы Груберъ; эта стипендія или пособіе — въ суммѣ

---

[1]) См. Zur Jubelfeier des zehnjährigen Bestehens der Robert Heimbürger Stiftung an der Kaiserlichen Universität zu Dorpat. Zehnjähgirer Bericht des Administrators der Stiftung Dr. Carl Johann *von Seidlitz*. Dorpat 1879.

процентовъ съ капитала 12.451 р. 85 к.—должны были выдаваться, на трехлѣтній срокъ, врачу, посвятившему себя преимущественно научному изученію анатоміи.

Дисциплинарная сторона жизни дерптскаго и затѣмъ юрьевскаго студенчества, подобно предшествующимъ годамъ, представляетъ извѣстную сумму проступковъ, вѣдавшихся до реформы то проректоромъ, то университетскимъ судомъ, а послѣ нея—соотвѣтствующими имъ другими университетскими инстанціями. Разными видами такихъ проступковъ по прежнему являются пьянство и буйство въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и на улицахъ, затѣмъ дуэли, имѣвшія мѣсто впрочемъ почти исключительно въ корпораціонной средѣ. Для примѣра укажемъ здѣсь на нѣкоторые факты. Въ ночь со 2-го на 3-е ноября 1874 года студентъ А., возвращаясь въ нетрезвомъ видѣ домой и поровнявшись съ часовымъ, стоявшимъ у городской тюрьмы, спросилъ его, кто онъ такой, и когда тотъ отвѣтилъ: „часовой", студентъ сказалъ: „ты не часовой, а с—чь"; затѣмъ, на приглашеніе часового идти своей дорогой А. бросился на него, и между ними произошла драка, при чемъ у часового было сломано ружье и разодранъ тулупъ. По поводу этого происшествія, о которомъ попечитель впервые узналъ отъ представителя мѣстнаго жандармскаго управленія, былъ назначенъ университетскій судъ, который постановилъ уволить А. изъ числа студентовъ и передать дѣло уголовному суду, а попечитель на будущее время предложилъ ректору увѣдомлять его своевременно о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся въ университетѣ происшествіяхъ. Иногда подобныя безпорядочныя проявленія студенческой жизни выходили и за предѣлы университетскаго города. Такъ, въ ночь съ 6-го на 7-е марта 1877 года съ поѣздомъ Балтійской желѣзной дороги прибыло изъ Дерпта въ Везенбергъ, Эстляндской губ., 7 человѣкъ студентовъ университета и остановились въ трактирѣ; въ теченіе 7-го, 8-го и части ночи на 9-е марта перебывали они во всѣхъ почти трактирахъ и гостинницахъ, пили и ѣли тамъ, катались на извощикахъ и утромъ 9-го числа уѣхали обратно; по отъѣздѣ ихъ распространился слухъ, что у нихъ въ городскомъ лѣсу, за трактиромъ „Палермо", происходила дуэль.

Особое и довольно видное мѣсто среди подобныхъ эксцессовъ занимали драки университетскихъ студентовъ со студентами мѣстнаго ветеринарнаго института. Такъ, ночью съ 3-го на 4-е сентября 1878

года произошла крупная драка; это было цѣлое побоище, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ принимали участіе около 100 человѣкъ и которое продолжалось цѣлыхъ три часа; главнымъ моментомъ побоища былъ штурмъ университетскими студентами корпораціонной квартиры ветеринаровъ, при чемъ пущены были въ ходъ бутылки, камни и даже огнестрѣльное оружіе. Вечеромъ, 1-го февраля 1887 года двое студентовъ университета Э. и Б., проходя по улицѣ, встрѣтили студента ветеринарнаго института К.; Э. сдѣлалъ нападеніе на К., который скрылся въ близъ находившуюся квартиру, гдѣ было 30—40 студентовъ-ветеринаровъ. Эти послѣдніе вышли на улицу и отняли у Э. его корпораціонную шапочку, чтобы узнать потомъ имя обидчика. Между тѣмъ, студентъ Э., принадлежавшій къ корпораціи Livonia, бросился сзывать товарищей на помощь криками: „Burschen, heraus!“, при чемъ обратился къ одному лицу съ просьбой поскорѣе вызвать корпорантовъ „Ливоніи“, такъ какъ послѣдняя всего ближе находилась къ мѣсту дѣйствія. Вскорѣ собралось до 30 студентовъ университета, которые стали ломиться въ квартиру ветеринаровъ, но были встрѣчены полиціей, заявившей имъ, что квартира пуста; тогда они отправились въ пивную на Петербургской улицѣ искать тамъ студентовъ-ветеринаровъ, но, не найдя ихъ, избили трактирщика, его сестру и работника, перебили посуду и мебель. Университетскій судъ, разбиравшій это дѣло 28-го февраля, отнесся къ виновнымъ студентамъ довольно снисходительно, присудивъ Э. къ увольненію изъ университета менѣе, чѣмъ на полтора года, а двухъ другихъ студентовъ, Р. и кн. Л., за буйство въ пивной къ заключенію въ карцеръ. Однако, попечитель М. Н. Капустинъ, въ своемъ сообщеніи университетскому суду отъ 27-го марта 1887 года, увеличивъ наказаніе главному виновнику Э. и, кромѣ того, находя вообще рѣшеніе суда излишне снисходительнымъ, высказалъ нѣсколько частныхъ соображеній по поводу подробностей дѣла, не принятыхъ или недостаточно принятыхъ во вниманіе судьями, напримѣръ, крикъ „Burschen, heraus!“, которымъ студентъ Э. вызывалъ своихъ товарищей къ нападенію на ветеринаровъ. Университетскій судъ въ своемъ отвѣтѣ попечителю, отъ 24-го апрѣля, объяснилъ, что указанный крикъ „по своему историческому происхожденію образовался изъ мотивовъ, которые сами по себѣ не заслуживаютъ наказанія“, но попечитель въ новомъ своемъ сообщеніи, отъ 27-го апрѣля 1887 года, возразилъ: „желательно сохранить изъ прошедшаго все то, что въ немъ есть хорошаго и плодотворнаго, но измѣнить къ лучшему тѣ остатки старины, которые не согласны

съ новыми требованіями жизни". Вмѣстѣ съ этимъ, попечитель воспользовался настоящимъ случаемъ, какъ новымъ доказательствомъ въ пользу необходимости упраздненія университетскаго суда. По поводу снисходительнаго рѣшенія послѣдняго въ засѣданіи своемъ 28-го февраля, попечитель писалъ министру отъ 27-го марта 1887 года: „Такое потворство буйствамъ студентовъ указываетъ на несостоятельность особаго университетскаго суда и на необходимость подчиненія студентовъ общей судебной власти во всѣхъ случаяхъ, касающихся безпорядковъ въ публичномъ мѣстѣ. До тѣхъ поръ студенты почти безнаказанно могутъ производить буйства въ городѣ. Съ другой стороны, представляется крайне несправедливымъ, что въ случаѣ совмѣстныхъ проступковъ, совершенныхъ студентами двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, одни изъ участниковъ подлежатъ общей власти, а другіе особой университетской" [1]). Не враждебное и тѣмъ не менѣе гораздо болѣе предосудительное по своей сущности общеніе между извѣстными кружками студентовъ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Юрьевѣ, уже въ эпоху реформы, обнаружено было осенью 1896 года. Именно, образовалось два общества—одно изъ ветеринаровъ, подъ именемъ „Зеленаго змія", а другое изъ студентовъ университета, подъ именемъ „Бѣлаго слона"—поставившихъ себѣ совмѣстной цѣлію удовлетвореніе всякимъ излишествамъ, пьянству и разврату, въ самыхъ неумѣренныхъ формахъ; существованіе такихъ „обществъ", оказывавшихъ явное деморализующее вліяніе на остальную массу студенчества, вызвало со стороны нѣкоторыхъ представителей послѣдняго рѣшимость оказать протестъ дальнѣйшему развитію подобныхъ началъ, и съ этой цѣлію 28-го октября 1896 года составилось собраніе нѣкоторой группы студентовъ обоихъ учебныхъ заведеній. По поводу какъ этого собранія, такъ и названныхъ „обществъ" возникло дѣло, которое подверглось разбору и рѣшенію правленія университета 20-го ноября 1896 года, при чемъ изъ студентовъ университета наказанію подверглись, по разнымъ мотивамъ, какъ члены помянутыхъ „обществъ", такъ и участники собранія, протестовавшаго противъ существованія такихъ „обществъ"; свобода студенческихъ собраній тогда еще ни въ какой формѣ не была разрѣшена. Примѣры единоличнаго оскорбленія дѣйствіемъ, а также болѣе или менѣе массовыя драки между студентами, дуэли и разнаго рода шалости могли бы

---

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 3, 1874 года; № 20, 1877 года; № 20, 1878 года; № 20, 1887 года.

быть здѣсь указаны въ значительномъ числѣ, какъ показатели отрицательной стороны нравовъ студенческой среды въ теченіе времени и до реформы, и послѣ нея, въ 1890-хъ годахъ, но столь подробное изложеніе этой стороны дѣла не входитъ въ нашу задачу [1]).

Что касается дуэлей, то этотъ видъ разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній между студентами, такъ сказать, „въ послѣдней инстанціи" очень часто имѣлъ мѣсто и въ описываемое время, особенно въ средѣ студентовъ-корпорантовъ; дѣйствительно опасный характеръ дуэли могли имѣть лишь при употребленіи огнестрѣльнаго оружія, и въ такихъ случаяхъ нерѣдко оканчивались смертельнымъ исходомъ. Дуэли съ такимъ исходомъ особенно участились въ 1870-ые и началѣ 80-хъ годовъ. Попечитель баронъ Штакельбергъ писалъ 1-го сентября 1882 года министру И. Д. Делянову: „Начальство Дерптскаго университета съ самаго основанія онаго вынуждено бороться съ часто случающимися между студентами дуэлями. Долговременная безуспѣшная борьба съ этимъ зломъ, уносящимъ ежегодно по нѣскольку молодыхъ жизней, побудила наконецъ совѣтъ университета въ маѣ 1874 года установить правило, по которому студенты, участвующіе въ дуэли на пистолетахъ, вмѣстѣ съ преданіемъ суду, исключаются изъ числа студентовъ, съ тѣмъ, чтобы впредь не принимать ихъ въ число слушателей Дерптскаго университета. Постановленіе это внесено въ правила для студентовъ. Установляя это правило, совѣтъ университета имѣлъ въ виду уменьшить по возможности число дуэлей на огнестрѣльномъ оружіи, особенно часто имѣющихъ смертельный исходъ. Но нельзя сказать, чтобы мѣра эта оказалась вполнѣ достаточной, потому что и въ послѣдніе годы въ городѣ Дерптѣ и окрестностяхъ по нѣскольку молодыхъ людей было убито въ дуэляхъ на пистолетахъ, хотя эти молодые люди, чтобы обойти выше означенное правило, обыкновенно предварительно выбывали изъ числа студентовъ университета. Поэтому, вскорѣ по вступленіи моемъ въ нынѣ занимаемую мною должность, весною 1881 года я вошелъ въ личное сношеніе съ выборными представителями студенческихъ корпорацій и уговорилъ ихъ къ тому, чтобы сами корпораціи содѣйствовали начальству университета къ прекращенію дуэлей на пистолетахъ" [2]). Однако это доброе намѣреніе попечителя не могло имѣть сколько-

[1]) Ср. *П. Красовскій,* Родной край. Очерки, замѣтки и наброски. Рига. 1902, стр. 261—265.

[2]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 20, 1882 года.

нибудь замѣтныхъ послѣдствій, такъ какъ причина зла заключалась въ условіяхъ, лежавшихъ внѣ вліянія какой бы то ни было изъ университетскихъ инстанцій. Дуэли по прежнему продолжались. Когда, по порученію министра юстиціи, попечитель запрашивалъ въ 1885 году ректора Дерптскаго университета А. А. Шмидта, какое количество дуэлей со смертельнымъ исходомъ имѣло мѣсто въ университетѣ за десятилѣтіе 1876—1885, то послѣдній, отъ 1-го марта 1886 года, отвѣтилъ, что такихъ случаевъ было пять, при чемъ сюда не вошли случаи, когда студенты, для выхода на дуэль, предварительно увольнялись изъ университета, чтобы избѣжать исключенія изъ него навсегда, потому что объ этихъ случаяхъ въ дѣлахъ университета свѣдѣній не имѣется [1]).

Въ своемъ мѣстѣ [2]) мы уже имѣли случай отмѣтить, что дерптское студенчество, особенно въ первую половину XIX вѣка, не было совершенно чуждо политическимъ стремленіямъ, охватившимъ университетскую жизнь въ германскихъ университетахъ; но это были лишь болѣе или менѣе слабые отголоски чужихъ настроеній, не имѣвшіе глубокихъ корней на мѣстѣ. Еще болѣе далека была дерптская университетская молодежь до реформы отъ внутреннихъ политическихъ движеній въ Россіи, имѣвшихъ свое очень замѣтное отраженіе въ жизни русскихъ университетовъ. Въ до-реформенномъ Дерптѣ была своя мѣстная „политика“, образчикомъ отношенія къ которой со стороны мѣстнаго студенчества можетъ служить случай въ 1869 году съ приватъ-доцентомъ Карломъ Валькеромъ. Нѣкоторыя подробности объ этомъ случаѣ мы помѣщаемъ здѣсь лишь по внѣшней связи его съ характеромъ студенческихъ проступковъ въ описываемое время, тогда какъ по самой сущности онъ далеко выходитъ за предѣлы дисциплинарной стороны жизни студенчества и находитъ себѣ объясненіе лишь въ цѣлой системѣ политическихъ воззрѣній большинства образованныхъ людей въ краѣ внѣ круга собственно университетской молодежи.

Ночью съ 16-го на 17-е сентября 1869 года довольно значительная группа студентовъ университета, собравшись передъ квартирою приватъ-доцента политической экономіи Карла Валькера, произвела шумъ и, разбивъ нѣсколько стеколъ, удалилась. Изъ разбора этого дѣла университетскимъ судомъ 18—27 сентября того же года выяснилось,

[1]) Тамъ же: № 20, 1885 года.
[2]) См. т. I, стр. 547—554.

что поступокъ этотъ въ первой части, то-есть въ произведеніи шума, былъ заранѣе подготовленъ; разбитіе же оконъ явилось дѣломъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ участниковъ, бывшихъ въ нетрезвомъ видѣ; въ результатѣ судъ постановилъ: двухъ студентовъ К. и В. удалить изъ университета до начала второго полугодія 1870 года; затѣмъ, 3 студентовъ заключить въ карцеръ на три недѣли, 18—на двѣ недѣли и 15—на восемь дней, по мѣрѣ вины при совершеніи ими шума и съ обращеніемъ вниманія на ихъ поведеніе. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ попечителемъ [1]). Подкладкой этого дѣла было незадолго передъ тѣмъ вышедшее сочиненіе привать-доцента Валькера: „Die Selbstverwaltung des Steuerwesens im Allgemeinen und die russische Steuerreform. Zugleich ein Beitrag zur Kenntniss innerrussischer und baltischer Zustände und Parteien. Von Dr. Carl Walcker. Berlin, 1869“. Сочиненію предпослано предисловіе (стр. I—XLI); нѣкоторое ознакомленіе съ нимъ можетъ дать матеріалъ для выясненія того, чѣмъ руководилась означенная группа студентовъ, устраивая враждебную демонстрацію приватъ-доценту Валькеру, причинная связь которой съ названной книгой точно установлена судомъ и подтверждена попечителемъ округа графомъ Кейзерлингомъ.

Авторъ того мнѣнія, что въ Западной Европѣ относительно русскихъ дѣлъ довольно хорошо освѣдомлены лишь въ вопросѣ о необходимости религіозной свободы; другія же русскія дѣла заграницей или вовсе неизвѣстны, или извѣстны въ самомъ тенденціозномъ, одностороннемъ и неправильномъ освѣщеніи (стр. IV); ссылаясь на свое 12-лѣтнее изученіе русскихъ законовъ, явившихся результатомъ реформаціонныхъ стремленій въ Россіи, и знакомство съ русской литературой по государственнымъ вопросамъ, Валькеръ выражаетъ убѣжденіе, что, несмотря на всѣ тѣневыя стороны русской жизни, онъ нашелъ среди чиновничества и дворянства, среди ученыхъ и вообще въ цѣломъ народѣ гораздо болѣе „нравственной серьезности, дѣльности, патріотизма и гуманности“, чѣмъ это думаютъ въ Западной Европѣ, гдѣ даже въ Берлинѣ нѣтъ профессуры русскаго языка (стр. VII). На западѣ плохо освѣдомлены относительно такъ называемыхъ „политическихъ партій“ въ Россіи: считаютъ, напримѣръ, „Вѣсть“ Скарятина выраженіемъ благороднаго консерватизма и конституціонализма,

[1]) Архивъ Юрьевскаго университета: Acta eines K. D. Universitätsgerichts betreffend einen vor der Wohnung des Hern Privat-docenten Walcker verübten Unfug. 1869. См. также *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1869, № 10, стр. 261—262.

тогда какъ на самомъ дѣлѣ это—органъ вполнѣ реакціонный; затѣмъ, собственно демократической партіи въ Россіи нѣтъ, а есть только: реакціонеры, либералы, славянофилы и соціалъ-демократы (стр. V). Невѣрныя представленія о Россіи, упорно держащіяся въ Западной Европѣ, касаются, главнымъ образомъ, четырехъ пунктовъ: русскаго національнаго характера, Польши и Западнаго края, Прибалтійскаго края и такъ называемаго Восточнаго вопроса (стр. VII—VIII); спеціальнымъ чертамъ дурного національнаго характера русскихъ приписываются заграницей всѣ дѣйствительные недостатки въ Россіи, а равно и всѣ „басни, которыя навязываются со стороны польскихъ и балтійскихъ феодаловъ“ (стр. VIII). Что касается въ частности остзейскаго вопроса, то самая постановка его на мѣстѣ въ корнѣ представляется автору неправильной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неискренней: „нѣмецкая народность для многихъ балтійскихъ феодаловъ является лишь предлогомъ къ тому, чтобы какъ можно дольше удержать свои чрезвычайныя служебныя привилегіи, свои исключительныя преимущества въ отношеніи налоговъ и свою свободу отъ воинской повинности“ (стр. XV). Остзейскій вопросъ представляется ему интереснымъ въ четырехъ отношеніяхъ: свобода вѣроисповѣданія, языкъ, аграрныя отношенія, вопросы суда и администраціи. По первому пункту онъ конечно стоитъ за свободу; по второму—онъ высказывается за оставленіе въ школѣ и въ офиціальныхъ сношеніяхъ нѣмецкаго языка; аграрныя отношенія нуждаются въ нѣкоторой реформѣ; что же касается суда и администраціи, то и тутъ нужны реформы и свобода отъ вредной обособленности отъ остальной Россіи; однако авторъ категорически отвергаетъ нерѣдко обращаемый по адресу балтійскихъ нѣмцевъ упрекъ въ политическомъ сепаратизмѣ и указываетъ на постоянную лояльность балтійскихъ нѣмцевъ и вѣрность ихъ трону: въ этомъ отношеніи онъ усматриваетъ въ направленіи „Московскихъ Вѣдомостей“ и нѣкоторыхъ другихъ органовъ русской печати большія преувеличенія и невѣрности, даже просто „шовинистически-реакціонную клевету“ (стр. XV—XXII). Въ мѣстныхъ прибалтійскихъ политическихъ воззрѣніяхъ авторъ видитъ три главныхъ теченія: консерваторы-партикуляристы, либералы и гнейстіанцы (послѣдователи политической теоріи Гнейста); онъ даетъ рѣзкую характеристику партіи консерваторовъ-партикуляристовъ, обличая ихъ въ исторической неосновательности, эгоистической морали, узости воззрѣній и политической близорукости (стр. XXIV—XXVII). Съ русской прессой, по его мнѣнію, можно столковаться, за исключеніемъ развѣ „Московскихъ

Вѣдомостей“ и „Вѣсти“ (стр. XXX). Таковы были, въ общихъ чертахъ, въ сущности весьма умѣренныя воззрѣнія Валькера, однако же не понравившіяся многимъ въ Дерптѣ въ виду той независимости ихъ отъ мѣстныхъ „феодально-партикуляристическихъ“ воззрѣній, которую усвоилъ авторъ. Мысли его показались многимъ вредной измѣною старымъ традиціямъ прибалтійской политики и вызвали, между прочимъ, рѣзкую критику со стороны весьма извѣстнаго въ свое время В. Бока, котораго Валькеръ въ предисловіи къ своей книгѣ называетъ „феодаломъ-клеветникомъ Россіи и всѣхъ балтійскихъ сторонниковъ реформы“ (стр. XV). Бокъ, въ своихъ „Livländische Beiträge“ [1]) не остается въ долгу у Валькера и въ очень неумѣренныхъ выраженіяхъ нападаетъ на него, насмѣшливо называя своего антагониста „emancipirter Deutsche“ [2]). Эта литературная распря, углубленіе въ которую не входитъ въ предѣлы нашей задачи, способна бросить яркій свѣтъ на студенческій поступокъ въ сентябрѣ 1869 года съ привать-доцентомъ Валькеромъ; не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствія студентовъ являлись въ данномъ случаѣ лишь отраженіемъ извѣстныхъ господствовавшихъ политическихъ воззрѣній въ краѣ, выходившихъ по своимъ причинамъ далеко за предѣлы собственно университетскихъ интересовъ.

Рядомъ съ описаннымъ событіемъ нерѣдко имѣли мѣсто и сочувственныя демонстраціи со стороны студентовъ представителямъ профессорской корпораціи университета; напримѣръ, въ 1885 году устроены были факельныя шествія ректору фонъ-Валю и профессору Штидѣ. „Это очень красиво—писалъ по этому поводу попечитель М. Н. Капустинъ министру И. Д. Делянову 13-го октября 1885 года, изъ Дерпта—но... повторяется слишкомъ часто. Серьезная сторона здѣсь та, что студенты выражаютъ свое мнѣніе о ректорѣ и о профессорахъ; шутовская—заключается въ шествіяхъ по городу, которыя заканчиваются попойкою“ [3]). Въ воспоминаніяхъ В. Ф. Демича, бывшаго студентомъ-медикомъ въ Дерптѣ въ 1878—1888 годахъ находимъ такое описаніе факельныхъ шествій, устраивавшихся студентами: „Дивное зрѣлище представляли эти шествія, происходившія обыкновенно по вечерамъ. Длинною вереницею, по два въ рядъ, соблюдая полный порядокъ, шли студенты съ ярко горящими факелами въ рукахъ по главнымъ ули-

---

[1]) Livländische Beiträge, herausgegeben von *W. von Bock*. Neue Folge, Band I, Heft 2 (Leipzig, 1870), стр. 124—128.

[2]) Тамъ же, стр. 131.

[3]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія: № 168926—4437.

цамъ и собирались въ одну колонну у квартиры виновника торжества. Старый студентъ, испытанный ораторъ, говорилъ рѣчь; ему отвѣчалъ чествуемый профессоръ. Всѣ сердца въ это время бились учащенно, у иныхъ слезы выступали при мысли о разлукѣ съ любимымъ учителемъ. Затѣмъ студенты пѣли вѣчно юную пѣсню „Gaudeamus igitur“ съ непремѣннымъ куплетомъ: Vivat Academia, vivant professores! Разставшись съ героемъ дня, шествіе возвращалось назадъ, мимо главнаго университетскаго зданія, у котораго снова раздавалось „Vivat Academia“! Наконецъ, всѣ шли къ подошвѣ Domberg'а (вышгорода), къ площадкѣ, надъ которою высились живописныя руины св. Діонисія. Подходя къ площадкѣ, студенты живописно бросали факелы въ одинъ большой костеръ, вокругъ котораго образовывался тѣсный кругъ студентовъ, снова пѣвшихъ нѣсколько поэтичныхъ пѣсенъ. Пламя костра ярко освѣщало воодушевленныя лица пѣвцовъ, а вверху величественно и спокойно красовались руины и какъ бы прислушивались“... [1]).

Въ послѣдніе годы описываемаго періода, уже совершенно при другихъ условіяхъ своей внутренней жизни и въ значительной степени при другомъ составѣ учащихся, чѣмъ въ до-реформенное время, Юрьевскій университетъ испыталъ на себѣ отраженіе общестуденческихъ волненій, при чемъ мѣстныя причины для послѣднихъ совершенно не имѣли тутъ мѣста. Въ первый разъ эти волненія обнаружились въ февралѣ и мартѣ 1899 года. 30-го марта университетъ былъ, по распоряженію попечителя отъ 29-го числа того же мѣсяца, временно закрытъ, съ увольненіемъ всѣхъ студентовъ, изъ которыхъ до 9-го іюня 1899 года принято было вновь 768 студентовъ и 220 слушателей фармаціи; относительно 404 студентовъ пріемъ ихъ былъ отложенъ до слѣдующаго осенняго семестра, а отказано въ пріемѣ 84 лицамъ (изъ нихъ 80 студентовъ и 4 слушателя фармаціи); въ осеннемъ семестрѣ большая часть непринятыхъ студентовъ была принята, пріемъ же другихъ опредѣленъ былъ или маемъ, или августомъ слѣдующаго 1900 года, и только 11 молодыхъ людей (9 студентовъ и 2 слушателя фармаціи) были уволены изъ университета. Вопросъ о степени виновности студентовъ былъ разсмотрѣнъ правленіемъ. Въ 1901 году студенческія волненія, принимавшія все болѣе и болѣе политическую окраску, возобновились, опять-таки въ зависимости отъ

[1]) Столѣтіе Дерптскаго университета (1802—1902). „Міръ Божій“ 1903, № 2, отд. II, стр. 19.

общестуденческаго движенія въ остальныхъ университетахъ, съ приблизительнымъ опозданіемъ для Юрьева на одну-двѣ недѣли послѣ университетовъ столичныхъ. Чтеніе лекцій съ 5-го марта было прекращено, и на основаніи „правительственнаго сообщенія“ отъ 1-го апрѣля 1901 года въ теченіе апрѣля было приступлено къ переводнымъ и окончательнымъ испытаніямъ. За участіе въ „обструкціи“ 5-го марта постановленіемъ правленія отъ 19-го марта, утвержденнымъ попечителемъ, были уволены изъ университета 41 студентъ и 3 слушателя фармаціи; другіе участники безпорядковъ подвергнуты были менѣе строгому наказанію. Въ слѣдующемъ 1902 году волненія опять возобновились, по прежнему въ весеннемъ семестрѣ. На многолюдномъ актѣ 21-го февраля, въ память Гоголя, имѣла мѣсто демонстрація политическаго характера, перешедшая изъ актоваго зала университета на городскія улицы; въ мартѣ обструкціонныя дѣйствія въ стѣнахъ университета, предпринятыя группой студентовъ съ цѣлью помѣшать ходу занятій, приняли очень рѣзкую форму; университетъ видѣлъ передъ собой усиленный нарядъ полиціи; мѣстныя части войскъ также не остались совершенно чужды этимъ событіямъ, чрезвычайно волновавшимъ маленькій городъ, живущій главнымъ образомъ интересами университета. Въ виду вполнѣ политическаго характера этихъ волненій, окончательное рѣшеніе по нимъ приняли на себя другія, внѣуниверситетскія, инстанціи. Относительно этихъ волненій 1899—1902 годовъ въ Юрьевскомъ университетѣ мы ограничиваемся здѣсь лишь самыми краткими замѣтками, такъ сказать лѣтописнаго характера, такъ какъ ближайшее разсмотрѣніе ихъ, по близости самыхъ событій, не представляется возможнымъ; къ тому же, вопросъ этотъ по отношенію къ Юрьевскому университету является лишь вопросомъ частнымъ; онъ есть вопросъ не только всѣхъ русскихъ университетовъ, но, въ основѣ своей, и всей русской жизни конца XIX и начала XX столѣтія.

VIII.

Общественная жизнь профессоровъ и студентовъ.—„Ученое Эстонское Общество“; „Общество Естествоиспытателей“; „Учено-Литературное Общество“.— Публичныя и техническія лекціи.—Возникновеніе „Ученыхъ Записокъ“.— Взаимныя отношенія въ профессорской средѣ.—Студенческія корпораціи.— „Академическая Мусса“.—Студенческія общества (ферейны) до реформы и послѣ нея.—Черты жизни русскаго студенчества въ Дерптѣ.

Общественная жизнь профессоровъ и студентовъ въ описываемый періодъ до реформы представляла собою въ общемъ прямое продол-

женіе и развитіе того, какъ она сложилась въ послѣдніе годы предшествующаго періода. Большая или меньшая степень проявленія этой общественности находилась въ зависимости отъ разныхъ условій, лежавшихъ какъ въ самомъ университетѣ, такъ и внѣ его; но общій характеръ жизни по прежнему былъ лишенъ какихъ-либо широкихъ стремленій, свободно укладываясь въ рамки потребностей научнаго общенія и той особой отъединенности небольшаго провинціальнаго университетскаго городка, которой отличался старый Дерптъ въ силу давнишнихъ условій своего положенія въ Прибалтійскомъ краѣ. По прежнему университетъ составлялъ главный центръ жизни города, и университетскіе интересы были въ немъ преобладающими. Отношенія профессоровъ и студентовъ какъ между собою, такъ и къ городскому населенію носили своеобразныя черты прошлаго времени, удерживая свои прежнія, выработанныя ранѣе, основы. Реформа съ конца 1880-хъ годовъ, явившись на почвѣ новыхъ государственныхъ и культурныхъ требованій, принесла новыя вѣянія, и Юрьевскій университетъ, пришедшій на смѣну Дерптскому, внесъ также и въ общественную жизнь университетской профессорской корпораціи и студенчества много новаго, которому—въ силу вещей—старое должно было постепенно уступать свое мѣсто, при чемъ процессъ этой смѣны стараго новымъ не вездѣ и не всегда проходилъ гладко и спокойно. Въ самые послѣдніе годы, опять-таки въ связи съ общими условіями русской жизни, Юрьевскій университетъ почувствовалъ надъ собой новыя могучія вѣянія, въ которыхъ трудно еще пока разграничить, что шло на встрѣчу осужденному реформой старому, что примыкало органически къ этой послѣдней и что, наконецъ, являлось совершенно новымъ пріобрѣтеніемъ культурныхъ условій русской жизни. Все это находится отъ насъ такъ близко, что въ настоящее время не представляется никакой возможности взглянуть на дѣло исторически; поэтому замѣчанія наши объ общественной жизни Дерптскаго—Юрьевскаго университета за послѣдній періодъ его существованія могутъ имѣть только весьма неполный и отрывочный характеръ, могутъ быть лишь по преимуществу фактическими.

Изъ ученыхъ обществъ при университетѣ до реформы продолжали существовать лишь тѣ два, начало которыхъ относится еще къ предшествующему періоду. „Ученое Эстонское Общество“, основанное въ 1838 году, продолжало въ своихъ занятіяхъ держаться того историко-археологическаго направленія, которое обнаружилось въ немъ еще въ началѣ 1860-хъ годовъ; продолжало издавать свои „Verhandlungen“

и „Sitzungsberichte“, умножать свои коллекціи и библіотеку. При реформѣ оно сохранило свой прежній, исключительно мѣстный характеръ, получая новыхъ членовъ преимущественно изъ нѣмецкой среды и оставаясь исключительно при нѣмецкомъ языкѣ, какъ въ устныхъ бесѣдахъ на засѣданіяхъ, такъ и въ печатныхъ трудахъ. При постепенномъ преобладаніи въ университетѣ русскихъ преподавательскихъ силъ надъ нѣмецкими, составъ членовъ общества въ послѣдніе годы пополнялся весьма слабо, засѣданія—даже годовыя—бывали очень малолюдны, и активное участіе въ занятіяхъ общества принимали и принимаютъ лишь весьма немногія лица. Предсѣдателями общества были, послѣ проф. Энгельмана (1864—1867) [1]), доцентъ Эдуардъ Винкельманъ (1867—1869), проф. Левъ Мейеръ (1869—1899) и приватъ-доцентъ Вольфгангъ Шлютеръ (съ 3-го марта 1899 года) [2]).

„Общество естествоиспытателей“, возникшее въ 1853 году при мѣстномъ Лифляндскомъ Экономическомъ Обществѣ, пользовалось, какъ сказано [3]), моральной и денежной поддержкой послѣдняго до 1868 года, а затѣмъ, уже ранѣе связанное фактически съ университетомъ составомъ своихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ, обратилось къ университету съ просьбой принять его въ число своихъ учрежденій, дать помѣщеніе его библіотекѣ и коллекціямъ и разрѣшить устройство засѣданій общества въ стѣнахъ университета. Формально это важное для общества событіе присоединенія къ университету совершилось лишь въ 1878 году [4]), наканунѣ новаго устава общества, утвержденнаго 13-го іюня 1878 года, согласно § 81 устава университета 1865 года; къ этому времени оно имѣло уже 25 почетныхъ членовъ, 164 дѣйствительныхъ и 13 членовъ-корреспондентовъ. Собственно денежной поддержкой со стороны университета общество воспользовалось въ весьма скромномъ размѣрѣ: въ періодъ 1868—1877 годовъ оно получило отъ университета четыре раза по 100 р., всего 400 р. Согласно Высочайше утвержденному 17-го ноября 1881 года мнѣнію государственнаго совѣта, обществу была назначена еже-

---

[1]) См. т. I, стр. 562.

[2]) Ср. *Hasselblatt, A.* Rückschau auf die 50-jährige Thätigkeit der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, въ „Sitzungsberichte der G. E. G. zu Dorpat“ 1888. D. 1889, стр. 21—24. 28—32.

[3]) Т. I, стр. 565.

[4]) Сборникъ постановленій, VII. 586—588.

годная субсидія отъ казны въ 500 р. [1]); 28-го мая 1901 года эта субсидія была увеличена до 1.000 р. Университетскимъ помѣщеніемъ общество пользовалось только до 1889 года, въ такъ называемомъ „старомъ зданіи“ университета, но когда это помѣщеніе понадобилось университету для другого назначенія, то обществу пришлось обратиться къ найму частной квартиры, на что правленіемъ университета отпускалось нѣкоторое время обществу ежегодно по 250 р. Общество продолжаетъ издавать свои періодическіе „Sitzungsberichte“ („Протоколы“) и „Archiv“ („Архивъ“), начатые еще въ прошломъ періодѣ [2]), а съ 1884 года къ нимъ прибавились еще „Schriften“ („Труды“); оно довольно энергично вело до реформы, какъ ведетъ и послѣ реформы университета, свою дѣятельность. Послѣднее обстоятельство находится въ несомнѣнной связи съ тѣмъ, что, при видоизмѣненіи преподавательскаго состава въ университетѣ вслѣдствіе реформы, общество охотно открыло свои двери не только новымъ членамъ университетской среды, но и русскому языку въ научныхъ докладахъ, собесѣдованіяхъ, печатныхъ трудахъ и дѣлопроизводствѣ. Предсѣдателями общества послѣ К. Э. фонъ-Липгардта, были: Г. Г. Самсонъ-Гиммельстіернъ (1862—1868), Г. К. фонъ-Зейдлицъ (1868—1869), К. Э. фонъ-Беръ (1869—1876), Ф. Биддеръ (1877—1889), І. Г. Драгендорфъ (1890—1894), Карлъ Шмидтъ (очень короткое время въ 1894 году), Э. А. Руссовъ (1894—1897), Ю. Ф. фонъ-Кеннель (1898—1899), К. К. Дегіо (1899—1901) и Г. В. Левицкій (1901—1905).

Такимъ образомъ, при реформѣ если члены физико-математическаго и отчасти медицинскаго факультетовъ, благодаря „Обществу естествоиспытателей“, находили извѣстное удовлетвореніе во взаимномъ общеніи на почвѣ научныхъ стремленій, то, напротивъ, члены историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ чувствовали недостатокъ въ такой научно-общественной университетской организаціи, которая, совмѣщая въ себѣ до извѣстной степени научные интересы двухъ названныхъ факультетовъ, не замыкалась бы въ кругъ вопросовъ исключительно мѣстнаго характера. Сознаніемъ такой именно потребности и продиктовано было заявленіе, отъ 7-го марта 1896 года, въ совѣтъ университета отъ профессоровъ Е. В. Пѣтухова, П. П. Пустороcлева и А. Н. Филиппова о томъ, чтобы совѣтомъ разсмотрѣнъ былъ и препровожденъ для утвержденія выработанный

---

1) Сборникъ постановленій, VIII. 315—322.

2) Т. I, стр. 564.

ими и нѣкоторыми другими участниками этого дѣла проектъ устава новаго „Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ“. Уставъ былъ утвержденъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 4-го марта 1897 года. Согласно § 1 этого устава вновь учрежденное общество имѣло цѣлію „содѣйствовать разработкѣ и распространенію знаній въ области археологіи, исторіи, литературы и права и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, относящимся къ упомянутымъ наукамъ, а равно по тѣмъ отдѣламъ біологіи, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными“. Средства общества состояли и состоятъ, кромѣ членскихъ взносовъ, изъ пособія отъ университета въ размѣрѣ отъ 300 до 500 р., а съ 1901 года министерствомъ народнаго просвѣщенія назначается, сверхъ того, ежегодная субсидія въ 500 р. изъ остатковъ отъ смѣтныхъ суммъ министерства. Общество издаетъ „Сборникъ“, приблизительно по одному тому въ годъ; до настоящаго времени вышло восемь томовъ: I—VIII, 1898—1904. Предсѣдателями общества были: А. С. Будиловичъ (1897—1900), А. Н. Ясинскій (1901), М. Е. Красноженъ (съ 1902 года). Не вдаваясь въ оцѣнку дѣятельности этого молодого университетскаго учрежденія, приходится однако же сказать, что ему не удалось, по разнымъ причинамъ, объединить въ достаточной мѣрѣ ту часть университетской корпораціи, которая по роду своихъ научныхъ занятій могла на это расчитывать и дѣйствительно расчитывала.

Изъ другихъ учрежденій, возникшихъ при университетѣ въ эпоху реформы, слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще „Ссудо-сберегательную кассу служащихъ въ Юрьевскомъ университетѣ“, уставъ которой утвержденъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 31-го августа 1893 года и „Общество для пособія нуждающимся студентамъ Юрьевскаго университета“, котораго уставъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 24-го марта 1894 года.

Названныя выше ученыя „общества“ привлекали на свои засѣданія иногда многочисленную публику изъ мѣстныхъ обывателей и служили, такимъ образомъ, однимъ изъ средствъ воздѣйствія университета на внѣуниверситетскіе круги городского населенія. Другимъ, не менѣе важнымъ, средствомъ въ томъ же смыслѣ были публичныя лекціи, читавшіяся профессорами университета то въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій, то въ видѣ такъ называемыхъ „техническихъ лекцій“ отъ имени физико-математическаго факультета. Изъ такихъ лекцій до реформы отмѣтимъ слѣдующія: въ 1865 году—„Объ очкахъ“ проф. Г. фонъ-Эттингена, „О метеоритахъ въ Остзейскихъ

губерніяхъ" проф. Гревинка; въ 1867 году—„О статистикѣ преступленій по значенію ея для нравственнаго общежитія" проф. Ал. фонъ-Эттингена, „О ранахъ отъ огнестрѣльчаго оружія" доц. Бергмана; въ 1868 году—„О статистикѣ нравственности" проф. Ал. фонъ-Эттингена, пользовавшіяся въ свое время громаднымъ успѣхомъ; „О жизни и болѣзни" проф. Бетхера. „Объ именныхъ прозваніяхъ, встрѣчаемыхъ въ Дерптѣ" проф. Л. Мейера, „О техническомъ примѣненіи электричества" проф. Арт. фонъ-Эттингена; въ 1869 году—„О полномъ солнечномъ затменіи въ 1868 году" астр.-набл. Шварца; въ 1870 году—„О средствахъ питанія и процессѣ его у человѣка и животныхъ" нроф. К. Шмидта; въ 1872 году—„О Петрѣ Великомъ и его реформахъ" проф. Энгельмана, „Очеркъ исторіи поединковъ у славянскихъ племенъ" проф. Котляревскаго; въ 1873 году—„Взгляды на бывшую въ 1871 году въ Дерптѣ холерную эпидемію" проф. Вейриха, „Объ успѣхахъ химической технологіи въ послѣднее десятилѣтіе" профессора К. Шмидта; въ 1875 году—„О басняхъ Крылова" проф. Висковатова; въ 1876 году—„Объ истинномъ и ложномъ авторитетѣ" проф. Ал. фонъ-Эттингена, „О спиритизмѣ" проф. Тейхмюллера; въ 1878 году—„Сообщенія съ театра войны" проф. фонъ-Валя, „О благовоніи" проф. Гофмана; въ 1879 году—„Поэзія въ правѣ" профессора Эрдмана, „О работахъ по антропологіи въ Дерптѣ" проф. Стиды, „О сущности образованія" проф. Тейхмюллера и т. п. Изъ числа публичныхъ лекцій, читанныхъ въ годы послѣ реформы, преимущественно русскими профессорами, упомянемъ: въ 1892 году—„Гипнотизмъ и внушеніе" проф. Чижа, „О примѣненіи химіи къ ремесламъ" проф. Таммана, въ 1898 г. „Борьба за удлиненіе жизни" проф. Хлопина, „О ледниковомъ періодѣ" проф. Левинсонъ-Лессинга, въ 1899 году—„Объ элементахъ выраженія въ музыкѣ" проф. Срезневскаго; въ 1900 году—„Причины болѣзней современной женщины" проф. Муратова; въ 1901 году—„Ницше какъ моралистъ" проф. Чижа, „Будущее человѣчество съ біологической точки зрѣнія" проф. Сѣверцова. Конечно, этотъ перечень имѣетъ только характеръ примѣрныхъ и совершенно отрывочныхъ указаній; вообще же чтеніе публичныхъ лекцій въ по-реформенные годы велось менѣе энергично, чѣмъ прежде, что объясняется и инымъ отношеніемъ публики къ новому составу профессоровъ, и болѣе слабымъ интересомъ послѣднихъ къ мѣстнымъ вопросамъ научно-общественнаго характера, и нѣкоторыми другими сторонними причинами, въ числѣ которыхъ

должны быть особенно упомянуты студенческія волненія послѣднихъ лѣтъ описываемаго періода.

Здѣсь же должно упомянуть и о командировкѣ нѣкоторыхъ профессоровъ отъ университета по поводу тѣхъ или иныхъ событій заграничной и русской жизни, имѣвшихъ одновременно и научно-историческій и общественный интересъ. Такъ, въ 1886 году профессора Шоттъ, Тома и Вальцъ были командированы на празднованіе 500-лѣтняго юбилея Гейдельбергскаго университета. Въ 1879 году проф. Висковатовъ былъ командированъ въ Петербургъ на празднованіе 50-лѣтія служебной и ученой дѣятельности академика И. И. Срезневскаго, въ 1881 году—проф. фонъ-Валь въ Москву на 50-лѣтній юбилей Н. И. Пирогова, въ 1885 году—проф. Брикнеръ въ Петербургъ на 50-лѣтній юбилей Императорскаго Училища Правовѣдѣнія; кромѣ того, много разъ бывали командировки цѣлаго ряда профессоровъ и преподавателей университета какъ до реформы, такъ и послѣ нея на періодическіе научные съѣзды въ Россіи и заграницей, упоминаніе о которыхъ было бы здѣсь излишне, и результаты участія на которыхъ университетскихъ депутатовъ входятъ почти исключительно въ кругъ ихъ ученой дѣятельности.

Что касается собственно ученой дѣятельности членовъ университетской корпораціи, поскольку она выразилась въ печати—что также до извѣстной степени является работой на пользу общества—то мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ ея разсмотрѣніе; богатый матеріалъ для этой стороны дѣла представляетъ „Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго университета“ (т. I—II. Юрьевъ, 1902—1903); но интересно отмѣтить, что въ 1870-хъ годахъ въ мѣстной балтійской прессѣ раздавались голоса о томъ, что дерптскіе профессора пишутъ сравнительно очень мало и потому мало участвуютъ въ культурной работѣ края [1]).

Хотя общаго университетскаго органа, для помѣщенія въ немъ печатныхъ работъ профессоровъ и преподавателей университета всѣхъ факультетовъ, до реформы не было, однако, подобно предшествующему періоду [2]), было нѣсколько изданій, предпринятыхъ профессо-

---

[1]) См. т. I, стр. 31—33.

[2]) Т. 1, стр. 565.—Къ названнымъ тамъ изданіямъ прибавимъ: „Beiträge zu den theologischen Wissenschaften, herausg. von den Professoren der Theologie zu Dorpat“, B. I—II. Hamburg 1832—1833; „Jahrbuch für Rechtsgelehrte in Russland, herausg. von Ew. G. *von Bröcker*“, B. I—II. Riga 1822—1824; „Dorpater juristische Studien, heraurg. von *Ed. Osenbrüggen*. D. 1849“.

рами отдѣльныхъ факультетовъ, именно богословскаго и юридическаго, или при ихъ ближайшемъ сотрудничествѣ. Такъ продолжали издаваться въ 1838 году „Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit“—съ 1844 года въ Ригѣ и только въ самое послѣднее время опять въ Юрьевѣ; въ 1859—1872 годахъ издано было въ Дерптѣ 14 томовъ „Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche, herausg. von den Professoren und Docenten der theologischen Facultät zu Dorpat“. Юристами издавались: въ 1869—1892 годахъ „Zeitschrift für Rechtswissenschaft, herausg. von der juristischen Facultät der Universität Dorpat“, а въ 1893—1895 годахъ „Dorpater juristische Studien, herausg. von I. Engelmann, C. Erdmann, W. v. Rohland“—оба въ Дерптѣ-Юрьевѣ.

Общій органъ возникъ только съ 1893 года подъ именемъ „Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго университета. Acta et Commentationes Imp. Universitatis Jurievensis (olim Dorpatensis)“; онъ издается въ объемѣ 4—6 книгъ въ годъ, въ количествѣ сначала 300, а затѣмъ 600 экземпляровъ. Редакторами „Ученыхъ Записокъ“ были: А. М. Гуляевъ (1893—1894), М. А. Дьяконовъ (1894—1896), Е. Ф. Шмурло (1896—1900) и Е. В. Пассекъ (съ 1900 года).

Не могла не чувствоваться также въ средѣ преподавательскаго состава университета и потребность въ извѣстной организаціи для взаимнаго общенія внѣ собственно служебныхъ отношеній. На этой почвѣ возникъ еще въ прежнее, до-реформенное, время такъ называемый „Docenten-abend“, т. е. болѣе или менѣе періодическія собранія профессоровъ и преподавателей университета, для выслушанія научныхъ или литературныхъ сообщеній и для непринужденной бесѣды [1]); въ по-реформенное время, когда въ университетѣ оказалось

[1]) Благодаря любезному содѣйствію профессора Л. К. Мазинга, имѣю возможность сообщить слѣдующія свѣдѣнія о „Docenten-abend'ѣ“. По инициативѣ проф. Г. Ульмана, нѣсколько профессоровъ (кромѣ иниціатора, еще—Л. Мейеръ, Мюлау, Швабе, Шварцъ и Фолькъ) рѣшили 17-го января 1871 года основать „Docenten-abend“, въ цѣляхъ научнаго и общественнаго единенія его участниковъ. Былъ составленъ краткій уставъ предположеннаго общества, въ 12 §§. Членами общества могли быть, согласно этому уставу, преподаватели Дерптскаго университета, а также и другія лица, но число послѣднихъ не должно было превышать четверти общаго числа членовъ; избраніе членовъ происходитъ закрытой баллотировкой. Предсѣдателями въ собраніяхъ являются всѣ члены по очередно, въ алфавитномъ порядкѣ ихъ фамилій отъ A до Z; въ обратномъ алфавитномъ порядкѣ, отъ Z до A, каждый членъ обязанъ представить ко дню собранія какое-либо научное или литературное сообщеніе, продолжительность доклада котораго не должна превышать полу-

немалое количество русскихъ профессоровъ, не могшихъ, конечно, по многимъ причинамъ войти въ составъ уже существовавшей упомянутой нѣмецкой организаціи, явилась мысль устроить аналогичный съ послѣдней такъ называемый „русскій Docenten-abend", въ который вошла, въ качествѣ членовъ, нѣкоторая группа русскихъ преподавателей университета. Обѣ эти организаціи существуютъ и до сихъ поръ совершенно самостоятельно и независимо одна отъ другой.

Конечно, описываемое время слишкомъ къ намъ близко, чтобы можно было касаться вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ профессоровъ между собою, поскольку это можетъ имѣть историческій или общественный интересъ. Мы можемъ только указать на то, что, подобно предшествующему періоду, наряду съ фактами тѣснаго общенія въ той или иной группѣ лицъ, гармонировавшихъ между собою во многихъ отношеніяхъ, не было недостатка и въ несогласіяхъ и разнаго рода конфликтахъ на почвѣ то академическихъ, то внѣакадемическихъ вопросовъ; какъ и прежде, тутъ особую группу составляли иностранцы, которые, со своимъ широкимъ понятіемъ объ идеѣ государства, будучи чужды своеобразнымъ воззрѣніямъ мѣстной балтійской политики и общественности и, по своему положенію иностранныхъ подданныхъ, стоя въ сторонѣ отъ нѣкоторыхъ острыхъ общихъ вопросовъ окружавшей ихъ жизни, далеко не всегда гармонировали съ большинствомъ своихъ коллегъ балтійскаго происхожденія, обнаруживая—съ точки зрѣнія послѣднихъ—излишнюю „объективность" или „либерализмъ". На долю попечителей, проживавшихъ въ Дерптѣ, выпадала нелегкая задача вносить возможное примиреніе между этими двумя группами, балтійской и иностранной: въ такомъ духѣ дѣйствовали графъ Кейзерлингъ, А. А. Сабуровъ, Н. М. Капустинъ. Впрочемъ, послѣднему это мало удавалось—отчасти, можетъ быть, потому, что его собственныя симпатіи склонялись на сторону иностранцевъ.

часа. Собранія бываютъ въ каждыя двѣ недѣли разъ, по субботамъ. Впослѣдствіи, именно 9-го декабря 1895 года, рѣшено было принимать въ члены общества изъ не-преподавателей университета до половины общаго числа его участниковъ. Первое собраніе общества имѣло мѣсто 30-го января 1871 года. Членами состояла въ свое время большая часть университетскаго преподавательскаго персонала; изъ не-профессоровъ, состоявшихъ членами „Docenten-abend'a" и ревностно относившихся къ его занятіямъ, слѣдуетъ здѣсь упомянуть особенно попечителя А. А. Сабурова и знаменитаго натуралиста К. Э. фонъ-Бера, которымъ было предоставлено званіе почетныхъ членовъ. Всего, до апрѣля 1905 года членами общества состояло 132 лица, а въ наличности къ названному сроку 32; 23-го апрѣля 1905 года состоялось 509-е собраніе общества.

„Вчера—писалъ онъ 13-го октября 1885 года И. Д. Делянову изъ Дерпта—былъ профессорскій вечеръ въ честь Ш. Первую рѣчь произнесъ А. Ш. и выразилъ сожалѣніе о томъ, что Ш. покидаетъ Дерптъ. Мнѣ показалось страннымъ, что Ш. въ отвѣтной рѣчи сказалъ, что онъ очень радъ не видѣть болѣе сплетниковъ и интригановъ. Оба... имѣли тактъ не явиться на вечеръ“ [1]); позднѣе онъ писалъ А. А. Борзенко изъ Риги, отъ 24-го декабря 1887 года: „Я вспоминаю о жизни въ Дерптѣ не безъ удовольствія. Моими лучшими друзьями были иностранцы. Это люди науки, очень пріятные и сближающіеся съ русскими“ [2]). Еще нѣсколько позднѣе, М. Н. Капустинъ писалъ, отъ 3-го января 1889 года, тому же лицу изъ Риги по поводу литературныхъ нападокъ на него балтовъ, не чуждыхъ университетской среды: „Надѣюсь, что меня обвинятъ еще въ воровствѣ и убійствѣ по мѣрѣ того, какъ русскій языкъ будетъ вводиться въ большее число училищъ; уголовный кодексъ еще не весь исчерпанъ. Когда дѣлаешь общественное дѣло, нужно быть готовымъ на всякія непріятности“ [3]). Высказанное опасеніе по отношенію къ покойному попечителю не оправдалось, но нѣчто подобное относительно другого представителя университетской администраціи дѣйствительно имѣло мѣсто уже въ стѣнахъ самого университета: это—много нашумѣвшее, поистинѣ нелѣпое „дѣло о дровахъ“ въ февралѣ и мартѣ 1893 года, не представляющее никакого интереса съ фактической стороны по своей полной фантастичности, но весьма характерное въ принципіальномъ смыслѣ, особенно по логической и исторической связи съ приведенными словами М. Н. Капустина.

Съ наступленіемъ реформы прежнія университетскія „партіи“—иностранцевъ и мѣстныхъ балтовъ—начали постепенно ослабѣвать, уменьшаясь въ числѣ своихъ членовъ и теряя—именно послѣдняя партія—свои точки опоры политическаго и общественнаго характера. Но это обстоятельство не устранило причины внутреннихъ несогласій въ профессорской средѣ: на смѣну прежнимъ причинамъ явились другія. Въ новомъ, весьма разнообразномъ составѣ профессорской коллегіи оказались на лицо, рядомъ съ иностранцами и мѣстными балтами, еще нѣсколько группъ русскихъ, изъ которыхъ одни стояли за

---

[1]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія: № 168926—4437.

[2]) Мих. Ник. Капустинъ и его письма къ А. А. Борзенко. *Русская Старина*, 1902, № 3, стр. 536.

[3]) Тамъ же, стр. 537.

реформу не только въ принципѣ, но и въ чуждыхъ всякой уступчивости формахъ ея проведенія, другіе сочувствовали реформѣ по мысли, но желали, чтобы она проведена была съ большими уступками старинѣ; иные, наконецъ, и вообще реформѣ не сочувствовали, видя въ ней политическую ошибку. Все это создавало большое разнообразіе въ оттѣнкахъ отношеній отдѣльныхъ членовъ профессорской коллегіи къ процессу реформы и вообще къ фактамъ университетской жизни. Многое мѣрилось на мѣрку общерусскихъ отношеній и примѣнялось къ юрьевскимъ университетскимъ событіямъ съ горячностью и упорствомъ, создававшими прискорбныя разногласія и конфликты; явились теченія „консервативное“ и „либеральное“, которыхъ ни названіе, ни установившійся въ общерусскихъ условіяхъ смыслъ не соотвѣтствовали очень часто сути дѣла въ ихъ новомъ приложеніи: выходило, что „консерваторы“ именно желали замѣны старыхъ порядковъ новыми, а „либералы“ стояли за старину, но „дерптскую“, въ которой оказывались точки соприкосновенія съ желаемой новизной въ Россіи. Сторонники прежнихъ партій—иностранцевъ и балтовъ—не всегда сразу находили мѣсто въ этой новой борьбѣ русскихъ по происхожденію элементовъ; и если присоединить къ этому неизбѣжную въ такихъ условіяхъ дисгармонію нѣкоторыхъ элементовъ на чисто личной или полуличной почвѣ и извѣстное неумѣнье русскихъ людей къ взаимнымъ уступкамъ для веденія одного общаго дѣла, то въ общемъ получалась очень тяжелая атмосфера жизни въ университетѣ, вліявшая въ той или другой мѣрѣ не только на личное самочувствіе, но и на служебную дѣятельность и на научную продуктивность. Все это еще такъ близко, что говорить фактически объ этомъ пока неудобно, но многое изъ этихъ отношеній зарегистровано въ „дѣлахъ“ университета и достанется на долю будущаго, болѣе отдаленнаго историка. Мы упомянемъ только, напримѣръ, объ осложненіяхъ въ совѣтѣ въ 1896 году по поводу порученія чтенія лекцій по одному изъ предметовъ юридическаго факультета вмѣсто одного лица другому; въ окончательномъ сужденіи объ этомъ дѣлѣ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, отъ 6-го ноября 1896 года, было сказано о „продолжающихся донынѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ нарушающихъ правильное теченіе университетской жизни недоразумѣніяхъ на почвѣ личныхъ отношеній преподавателей“, а также выражено было желаніе, чтобы приняты были мѣры „къ предупрежденію въ засѣданіяхъ совѣта на будущее время пререканій между преподавателями университета, вызываемыхъ ихъ личными непріязненными отношеніями, а не радѣніемъ

о надлежащей постановкѣ академическаго преподаванія и о наилучшемъ устройствѣ университетскаго хозяйства". Однако силою вещей такія пожеланія оказались безъ особенно дѣйствительныхъ послѣдствій: объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ „особыхъ протоколовъ" засѣданій совѣта, требовавшихся именно въ большинствѣ случаевъ при наличности болѣе или менѣе остраго конфликта между сторонами, при чемъ въ корнѣ лежали далеко не одни только „личныя непріязненныя отношенія", а гораздо чаще—это къ чести представителей университетской корпораціи—совершенно противоположныя принципіальныя точки зрѣнія на дѣло: особенно изобиловали такими „особыми протоколами" засѣданія университетскаго совѣта въ осенніе семестры 1897, 1899, 1900 и 1902 годовъ.

Формы студенческихъ организацій, наличность которыхъ въ Дерптскомъ-Юрьевскомъ университетѣ въ теченіе почти всего описываемаго періода составляла отличительную особенность этого учрежденія среди другихъ университетовъ Имперіи, остались прежнія, т. е. корпораціи и общества или такъ называемые „ферейны", при чемъ послѣдніе получили, по сравненію съ прошлымъ временемъ, особенное развитіе.

Четыре корпораціи, возникшія еще въ прежнее время, „Curonia", „Estonia", „Livonia" и „Fraternitas Rigensis" [1]), продолжали существовать и въ позднѣйшіе годы. Въ теченіе 1870—1890 годовъ были попытки основанія новыхъ корпорацій, но не всѣ изъ этихъ организацій обнаружили одинаковую жизнеспособность: такъ, 15-го мая 1879 года основаны были „Neobaltia" (цвѣта свѣтло-голубой—бѣлый—оранжевый), 15-го мая 1881 года „Fraternitas Academica", 9-го мая 1882 года „Lettonia" (цвѣта зеленый—голубой—золотой), 21-го ноября 1884 года „Tarbatonia" и 8-го сентября 1890 года „Fraternitas Viliensis"; по разнымъ причинамъ существованіе трехъ изъ нихъ было весьма непродолжительно, и къ столѣтію университета существовали только „Neobaltia" и „Lettonia", т. е. вмѣстѣ съ прежними всего шесть корпорацій. Причины неустойчивости существованія названныхъ кратковременныхъ организацій заключались какъ въ недостаткѣ со стороны ихъ основателей достаточной инициативы и малочисленности состава ихъ членовъ, такъ и въ образѣ дѣйствій „собранія уполномоченныхъ" (Chargirten-Convent), которое въ высшей степени ревниво относилось, при возникновеніи новыхъ корпорацій, къ своему преобладающему и властному положенію въ студенческой средѣ; на

[1]) См. т. I, стр. 577.

этой почвѣ происходили у него не только съ новыми, но и со старыми вполнѣ упрочившимися организаціями довольно частые конфликты, приводившіе къ кратковременному офиціальному закрытію той или иной корпораціи, вскорѣ потомъ опять возстановляемой. Впрочемъ, стремленія къ объединенію тѣхъ группъ университетской молодежи, которымъ не удавалось организоваться въ прочную корпорацію, находили себѣ выходъ въ образованіи упомянутыхъ „обществъ“: такъ было, напримѣръ, съ русскими студентами, оказавшимися не въ силахъ обезпечить прочное существованіе своей „Рутеніи“, или поляками со своей „Полоніей“ или съ частію богослововъ со своей „Арминіей“ [1]), какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ особо.

Прочное существованіе корпорацій, неизмѣнно пользовавшихся вплоть до реформы поддержкой ближайшаго университетскаго начальства, въ значительной степени обусловливалось также положеніемъ „собранія уполномоченныхъ“ въ средѣ всей университетской молодежи. Число участниковъ корпорацій въ ихъ совокупности никогда не составляло большинства студенчества: въ самые блестящіе для корпорацій 1850-ые годы ихъ всего было около 50%, въ 80-ые годы около 30%, а въ 90-ые годы отъ 10 до 15% общаго числа студентовъ въ университетѣ. „Дикіе“, т. е. не-корпоранты, составляли, такимъ образомъ, всегда довольно большую массу, на которую „собраніе уполномоченныхъ“ корпорацій, въ силу своихъ „особыхъ правилъ“ (не казенныхъ 27-го апрѣля 1885 года), желало простирать и свое моральное вліяніе и свою юрисдикцію, считая для всѣхъ вообще студентовъ университета обязательнымъ признаніе такихъ неотъемлемыхъ органовъ корпораціонной жизни, какъ „Burschengericht“ и „Ehrengericht“ [2]). Понятно, что извѣстныя группы „дикихъ“ постоянно чувствовали желаніе быть свободными отъ этой навязываемой имъ зависимости, но для успѣшной борьбы имъ не доставало сплоченной организаціи, которой именно сильны были корпораціи. Въ исторіи этой—то явной, то скрытой—борьбы „дикихъ“ съ корпораціями особенно характернымъ представляется одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ 1870-хъ годахъ, вообще отмѣченныхъ усиленіемъ протеста не-корпоративнаго студенчества противъ привилегированнаго и властнаго положенія корпорацій. Группа „дикихъ“, числомъ въ 116 человѣкъ, объединившись подъ именемъ „Wildenverband'a“, обратилась 6-го октября 1873 года въ „собраніе упол-

---

[1]) См. т. I, 578. 592.

[2]) Die Deutsche Universität Dorpat, 3 Aufl. 1882, стр. 124—125.

номоченныхъ" съ заявленіемъ о желаніи своемъ быть представителями интересовъ извѣстной не-корпоративной части студенчества и получить въ „собраніи уполномоченныхъ" соотвѣтствующія права и мѣсто; это было имъ предоставлено, но когда, черезъ годъ, „Wildenverband" поставилъ и внесъ въ „собраніе уполномоченныхъ" принципіальный вопросъ о томъ, имѣютъ ли эти „уполномоченные", а черезъ нихъ и самыя корпораціи, право оказывать давленіе на остальную студенческую массу и считать послѣднюю обязанной подчиняться его „правиламъ", то такой шагъ возбудилъ въ средѣ „собранія уполномоченныхъ" большое волненіе. Требованіе „Wildenverband'омъ" ограниченія власти корпорацій только кругомъ членовъ этихъ организацій было признано не только не подлежащимъ удовлетворенію, но и весьма опаснымъ для дальнѣйшей судьбы корпорацій; по существу, конечно, вопросъ не могъ разсматриваться, такъ какъ логическая необходимость на него отвѣта въ пользу мнѣнія „Wildenvenband'a" не подлежала сомнѣнію; оставаясь лишь на точкѣ зрѣнія своихъ прежнихъ правъ, „собраніе уполномоченныхъ" дало отвѣтъ не въ пользу „Wildenverband'a", и 1-го ноября 1874 года „Wildenverband" былъ признанъ „собраніемъ уполномоченныхъ" не существующимъ [1]). Замѣчательно при этомъ то, что въ послѣдовавшей затѣмъ перепискѣ по этому вопросу съ попечителемъ проректоръ университета, вѣдавшій ближайшимъ образомъ дѣла корпорацій, вполнѣ сталъ на точку зрѣнія послѣднихъ, какъ видно изъ донесенія его попечителю отъ 23-го ноября 1874 года.

Въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ большое вниманіе корпоративнаго студенчества привлекалъ къ себѣ вопросъ о дуэли. Какъ мы уже знаемъ [2]), въ 60-хъ годахъ корпорація „Арминія" не пользовалась расположеніемъ „собранія уполномоченныхъ" за несочувствіе дуэли, на которую она смотрѣла съ христіанской точки зрѣнія; на общестуденческомъ праздникѣ 21-го апрѣля 1865 года члены этой корпораціи вызвали, за свое мнѣніе о дуэли, насмѣшливое къ себѣ отношеніе со стороны другихъ корпорацій, усмотрѣвшихъ въ этой „христіанской морали" признаки „нездоровой гражданственности", въ результатѣ чего была сильнѣйшая агитація противъ „Арминіи",

---

[1]) *Eberhard Kraus.* Der Dorpater Chargirten-Convent von seiner Gründung bis 1880. D. 1883, стр. 63—68; *Axel. v. Gernet.* Das Ringen des landsmannschaftlichen und burschenschaftlichen Princips in Dorpat. 1893, стр. 59—60.

[2]) Т. I, стр. 592.

бывшая причиной ея закрытія [1]). Однако позднѣе, подъ вліяніемъ крайне участившихся случаевъ дуэли со смертельнымъ исходомъ въ 1870-хъ годахъ, стали раздаваться и съ другихъ сторонъ голоса противъ этого способа разрѣшенія недоразумѣній на почвѣ вопросовъ чести; особенно много занимались этимъ вопросомъ въ 80-хъ годахъ, при чемъ подвергалась осужденію именно дуэль на пистолетахъ, какъ дѣйствительно опасная, и въ результатѣ было запрещеніе „собраніемъ уполномоченныхъ" своимъ членамъ принимать участіе въ пистолетныхъ поединкахъ [2]). Замѣчательно, что это теченіе противъ дуэли на пистолетахъ и въ пользу замѣны послѣднихъ рапирами, исходя изъ нѣмецкихъ круговъ корпоративнаго студенчества, не было сочувственно встрѣчено представителями другихъ національностей, напримѣръ, поляками и отчасти русскими, предпочитавшими въ извѣстныхъ случаяхъ именно пистолетный поединокъ поединку на рапирахъ. Исключенія въ пользу пистолетной дуэли дѣлались въ случаяхъ наличности тѣлесныхъ недостатковъ для рапирной дуэли, а также при столкновеніяхъ съ „филистерами" [3]). Вообще же дуэль находила себѣ горячихъ защитниковъ, стоявшихъ за ея цѣлесообразность и даже необходимость не столько съ точки зрѣнія права, сколько по требованіямъ логическаго и психологическаго свойства [4]). По поводу вопроса о дуэли, но также и внѣ этого вопроса, корпораціи, въ лицѣ своего „собранія уполномоченныхъ", занимались, особенно въ 80-хъ годахъ, опредѣленіемъ понятія „Burschphilister"; таковымъ положено было считать: всякаго имматрикулированнаго въ студенты, но еще не приступившаго къ своимъ занятіямъ; всякаго окончившаго ученіе въ университетѣ, но еще не получившаго опредѣленнаго общественнаго положенія, живущаго въ Дерптѣ и вращающагося по преимуществу въ студенческихъ кружкахъ; вольныхъ слушателей университета; наконецъ, всякаго учившагося ранѣе въ другой высшей школѣ и явившагося въ Дерптъ для полученія академической степени. Въ

---

[1]) *Axel v. Gernet*. Geschichte der Estonia. Als Manuscript für die Mitglieder der Estonia gedruckt. St. Petersburg 1893, стр. 225—226.

[2]) [*Eduard Fehre*]. Geschichte der Fraternitas Rigensis. St. Petersburg 1898, стр. 169—176.

[3]) Geschichte der Estonia, стр. 237.

[4]) Характерныя разсужденія по этому вопросу можно найти въ брошюрѣ [*W. V. Kiparsky*]. Beitrag zur Verfolgung einzelner Fragen unseres Dörptschen Burschenstaats. Als Manuscript gedruckt. D. 1882, стр. 33—64.

спорныхъ случаяхъ вопросъ этотъ должно было рѣшать „собраніе уполномоченныхъ“ [1]).

Въ теченіе описываемаго времени имѣло мѣсто празднованіе нѣкоторыми корпораціями уже довольно продолжительныхъ періодовъ своего существованія: такъ, въ 1871 году „Эстонія“ праздновала 50-лѣтіе своего существованія; въ 1872 году праздновался 50-лѣтній юбилей „Ливоніи“, въ 1873-мъ такой же юбилей корпораціи „Fraternitas Rigensis“; въ 1883 году „Куронія“ праздновала 75-лѣтіе своего существованія, а въ 1896, 1897 и 1898 годахъ праздновались однородные юбилеи „Эстоніи“, „Ливоніи“ и „Fraternitas Rigensis“. Предпринятыя, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, празднества эти вообще отличались большимъ оживленіемъ и даже блескомъ; продолжаясь обыкновенно нѣсколько дней подрядъ, они дѣлали на это время маленькій университетскій городъ совершенно неузнаваемымъ; въ нихъ участвовало не только все наличное корпоративное студенчество, но и многіе пріѣзжіе „филистеры“ съ ихъ семьями, иногда въ нѣсколько поколѣній. Эти праздники не лишены были и нѣкотораго, въ извѣстномъ смыслѣ, политическаго оттѣнка, особенно въ 1890-ые годы, когда корпораціи могли считать себя наканунѣ окончательнаго закрытія и потому представлялись сохранившимся отъ старины убѣжищемъ мѣстнаго патріотизма и мѣстныхъ культурно-общественныхъ настроеній; все это давало упомянутымъ празднествамъ въ глазахъ ихъ участниковъ и мѣстной публики извѣстный глубокій смыслъ и содержаніе, далеко выходившее за предѣлы простыхъ годовщинъ изъ жизни тѣхъ или иныхъ студенческихъ учрежденій.

Въ 1872 — 1873 годахъ дерптское „собраніе уполномоченныхъ“ отъ корпорацій установило извѣстное соглашеніе и взаимную связь съ аналогичнымъ учрежденіемъ корпорацій Рижскаго политехникума [2]). Въ косвенной связи съ дерптскими корпораціями были и возникшія въ 1860-хъ годахъ аналогичныя организаціи прибалтійской молодежи заграницей, напримѣръ въ Цюрихѣ и Карлсруэ, жившія вмѣстѣ съ дерптскими корпораціями многими общими какъ общественными, такъ и личными воспоминаніями и интересами [3]).

---

[1]) *Axel v. Gernet.* Die Hauptmomente in der Geschichte des Chargirten-Convents. „Baltische Monatsschrift“. B. XLI. 1894, стр. 414—415.

[2]) *Eberhard Kraus*, цит. соч., стр. 62; *Axel v. Gernet.* Geschichte der Estonia, стр. 230—231.

[3]) *H. Stavenhagen.* Album Academicum der weil. drei Corporationen: A. Bal-

Мы не имѣемъ намѣренія касаться здѣсь внутренней жизни корпорацій; изображенію ея посвящены многія интересныя страницы въ трудахъ мѣстнаго происхожденія, не предназначенныхъ для широкаго распространенія [1]). Укажемъ здѣсь только на отмѣчаемый историками корпоративной дерптской жизни переломъ, происшедшій въ ней въ началѣ 1870-хъ годахъ: мѣсто сравнительной простоты, умѣренности и непритязательности занимаютъ болѣе изысканныя наклонности и привычки, вкусъ къ роскоши и комфорту, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются занятія музыкой и литературой [2]). Этому вопросу посвящалось въ свое время вниманіе и въ текущей мѣстной литературѣ, напримѣръ, въ упомянутыхъ уже „Plaudereien" К. фонъ-Гена, хотя рѣчь тамъ шла не спеціально о корпоративномъ студенчествѣ, но о прибалтійской, преимущественно университетской, молодежи вообще; впрочемъ его указанія не остались, съ другой стороны, безъ соотвѣтствующихъ возраженій [3]). Къ сказанному ранѣе о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ корпорацій [4]) мы ничего здѣсь не имѣемъ прибавить, такъ какъ указанныя тамъ черты всецѣло относятся и къ описываемому времени — по крайней мѣрѣ до 1890-хъ годовъ, когда корпораціи, въ силу измѣнившихся общихъ условій университетской жизни, должны были кое въ чемъ потерпѣть измѣненіе, и роль ихъ въ обще-студенческой жизни сдѣлалась несравненно менѣе видной и значительной [5]). Въ это время вопросъ о корпораціяхъ, ихъ внѣшнемъ и внутреннемъ

---

tica in Zürich, B. Livonia in Carlsruhe, C. Baltica in Carlsruhe. Juriew (Dorpat) 1900.

[1]) *Axel v. Gernet.* Geschichte der Estonia, стр. 240 — 283; [*Eduard Fehre*]. Geschichte der Fraternitas Rigensis, стр. 194—225. См. также [*Heyking*]. Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ. 2 изд. 1892, стр. 22 — 37; *А. Харузинъ.* Къ вопросу о корпоративномъ строѣ студентовъ въ Дерптѣ. Ревель 1893, стр. 109 — 111.

[2]) Какъ на примѣръ литературныхъ кружковъ въ средѣ корпорацій, укажемъ на существовавшій въ 1860-хъ и началѣ 70-хъ годовъ среди членовъ „Эстоніи" „Literärischer Abend": *A. v. Gernet.* Geschichte der Estonia, стр. 249—250.

[3]) Baltische Monatsschrift, B. XXI. 1872, стр. 287. 397—400. 484.

[4]) Т. I, стр. 593 — 595.

[5]) Характерный образчикъ разсужденій о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ корпорацій въ 80-ые годы, когда корпоративная жизнь получила окончательное и законченное развитіе, представляютъ многія мѣста уже упомянутой нами брошюры „Beitrag zur Verfolgung einzelner Fragen unseres Dörptschen Burschenstaats": стр. 5—6, 24—29, 82--92. Ср. общія сужденія о „собраніи уполномоченныхъ" въ трудахъ: *Eberhard Kraus*, назв. соч., стр. 70 — 71, и *Axel v. Gernet.* Die Hauptmomente, „В. М.". В. XLI, 1894, стр. 417—418.

строѣ, задачахъ и характерѣ вліянія на вступающую въ нихъ молодежь не разъ подвергался очень оживленному обсужденію „за и противъ", при чемъ діаметральная почти противоположность воззрѣній не могла привести ихъ авторовъ къ какому-либу соглашенію въ оцѣнкѣ этой чрезвычайно важной и характерной особенности студенческой жизни въ Дерптѣ и потомъ Юрьевѣ [1]).

Если мѣстное университетское начальство въ теченіе описываемаго періода до реформы относилось съ неизмѣннымъ сочувствіемъ къ корпораціямъ, то болѣе отдаленная правительственная власть еще съ половины 1880-хъ годовъ начала принимать по отношенію къ нимъ иную точку зрѣнія. Основой этого новаго взгляда было убѣжденіе, что корпораціи, несмотря на формальный отказъ отъ занятія „политикой", носятъ въ своемъ строѣ такіе элементы политическаго свойства, которые становятся во внутреннее противорѣчіе съ общегосударственной точкой зрѣнія на Прибалтійскій край и потому, будучи не только въ университетѣ, но и за предѣлами послѣдняго могущественнымъ средствомъ объединенія мѣстныхъ культурныхъ силъ, могутъ оказать существенное препятствіе къ успѣшному проведенію объединительныхъ реформъ въ краѣ; собственно учебно-педагогическая точка зрѣнія имѣла тутъ очень мало мѣста.

Первымъ изъ попечителей, взглянувшимъ на корпораціи несочувственно, былъ М. Н. Капустинъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ къ министру И. Д. Делянову. 13-го октября 1885 года онъ писалъ, изъ Дерпта: „Для характеристики дерптскихъ корпорацій считаю долгомъ увѣдомить, что во вчерашнемъ Fackelzug'ѣ профессору Ш. принимали участіе исключительно студенты, не принадлежащіе къ корпораціямъ, числомъ отъ 150 до 200. Э. внушили корпорантамъ, что „ученики" Ш. могутъ выразить ему благодарность за его преподаваніе, но что „студенты", какъ представители университета, своимъ Fackelzug'омъ не должны выражать одобренія лицу, которое не сочувствовало истинному (т. е. балтійскому) духу университета. Ш сегодня въ разговорѣ со мною согласился, что онъ ошибся, увѣряя васъ еще недавно, будто корпораціи не имѣютъ въ

[1]) См. съ одной стороны — въ пользу корпорацій — брошюру: [*Heyking*]. Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ. 2 изд. Спб. 1892; съ другой — противъ нихъ—брошюры *А. Н. Харузина*: „По поводу брошюры о студенческой жизни въ Дерптѣ". М. 1891, „Къ вопросу о корпоративномъ строѣ студентовъ въ Дерптѣ". Ревель 1893, и [*А. С. Будиловича*]: „Студенческія корпораціи при Юрьевскомъ университетѣ". Рига 1901.

себѣ ничего политическаго [1]). Я считаю невозможнымъ оставить этотъ случай безъ послѣдствій. Проректору высказалъ я свое неудовольствіе; но — ложью поросла вся прибалтійская страна: проректоръ увѣрялъ, что все случилось неожиданно, ненамѣренно — однимъ словомъ, корпоранты чуть не малыя дѣти, играющія въ куклы. Отчего же на прошлой недѣлѣ проф. В. нечаянно устроенъ былъ Fackelzug съ участіемъ всѣхъ балтскихъ корпорацій? Пора взглянуть на это дѣло серьезно. Это своего рода франмасонство, которое выходитъ далеко за предѣлы товарищества учащихся... Что меня удивляетъ здѣсь—это кошмаръ Э . . . скій. Многіе терпѣть не могутъ самихъ заправилъ, но не смѣютъ высказаться противъ нихъ. Къ сожалѣнію, долженъ признаться, что большинство не надѣется на поддержку и стойкость правительства". Отъ 21-го мая 1887 года, изъ Риги: „Не видно, чтобы корпораціи особенно облагораживали поведеніе учащихся". Въ другомъ письмѣ, писанномъ тоже въ маѣ 1887 года, изъ Риги: „я приступилъ къ изученію исторіи корпорацій, чтобы прійти къ заключенію о томъ, какія мѣры слѣдовало бы принять относительно ихъ; въ настоящемъ видѣ дѣло остаться не можетъ" [2]).

Взглядъ М. Н. Капустина на корпораціи вполнѣ раздѣлялъ и его преемникъ по попечительству Н. А. Лавровскій, внимательно изучившій прошлое и современное ему положеніе корпорацій и составившій о нихъ, отъ 27 іюля 1892 года, подробную записку, которую и представилъ въ министерство, съ предложеніемъ полнаго закрытія корпорацій какъ въ университетѣ, такъ и въ Рижскомъ политехникумѣ, но въ министерствѣ мѣра эта была найдена преждевременной. Интересно отмѣтить здѣсь одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ практикѣ реформированнаго суда въ краѣ. Въ сентябрѣ 1890 года, въ выѣздной сессіи Рижскаго окружного суда въ Дерптѣ разсматривалось нѣсколько дѣлъ о поединкахъ между студентами Дерптскаго университета, носившими громкія аристократическія фамиліи. По донесенію прокурора суда министру юстиціи отъ 15 сентября 1890 года, защитникъ присяжный повѣренный Л. „построилъ свою защиту на развитіи того положенія, что студенческіе поединки въ Дерптскомъ университетѣ являются естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ

---

[1]) Къ этому мѣсту въ подлинникѣ сбоку, карандашомъ, собственноручное замѣчаніе И. Д. Делянова: „На это увѣреніе Ш. я отвѣчалъ ему словами проф. Тейхмюллера, сказанными нашей комиссіи въ присутствіи попечителя Сабурова: Die Corporationen sind viel mächtiger als der Herr Curator selbst".

[2]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія: № 168926—4437.

нравовъ, укоренившихся въ мѣстномъ обществѣ, а главнымъ образомъ существованія корпорацій, ставящихъ студентовъ въ невозможность прибѣгать къ иному способу удовлетворенія своей чести". Прокуроръ не нашелъ возможнымъ занести эту часть рѣчи Л. въ протоколъ судебнаго засѣданія, но сообщилъ объ этомъ министру юстиціи „на случай, если бы было признано необходимымъ воспользоваться краснорѣчивымъ заявленіемъ о вредѣ Дерптскихъ студенческихъ корпорацій, сдѣланнымъ самими подсудимыми устами ихъ защитника (по соглашенію) какъ однимъ изъ аргументовъ въ пользу уничтоженія этихъ корпорацій, вредное вліяніе коихъ, не ограничиваясь стѣнами университета, отражается въ значительной мѣрѣ на всемъ строѣ общественной жизни въ Прибалтійскихъ губерніяхъ" [1]). Однако, эту точку зрѣнія на корпораціи не раздѣлялъ представитель другого вѣдомства, тоже внѣ министерства народнаго просвѣщенія, лифляндскій губернаторъ М. А. Зиновьевъ, который, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по губерніи за 1892 годъ, отъ 12 октября 1893 года, говоря, по поводу перемѣщенія въ Юрьевъ управленія 18-го армейскаго корпуса, объ отсутствіи какихъ-либо непріятныхъ осложненій между офицерами и студентами университета и приписывая это столько же „прекрасному составу" офицеровъ, сколько и воспитанію студентовъ, между прочимъ говоритъ: „существованіе студенческихъ корпорацій, при которыхъ старшіе студенты наблюдаютъ за поведеніемъ младшихъ и является нѣкоторая солидарность между студентами съ развитіемъ чувства корпоративной чести, также несомнѣнно способствовало установленію столь желательныхъ отношеній" (печатный экз. отчета, стр. 23—24). Совсѣмъ другое говорилъ тотъ же М. А. Зиновьевъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1889 годъ, указывая ва студенческія корпораціи въ Дерптскомъ университетѣ, какъ на одно изъ „препятствій къ дѣятельности администраціи по осуществленію въ краѣ правительственной программы". На это противорѣчіе указалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ревизіи имъ Рижскаго учебнаго округа осенью 1893 года; тутъ, между прочимъ, онъ высказывается о корпораціяхъ слѣдующимъ образомъ: „Если съ одной стороны корпораціи могутъ вліять на студентовъ въ смыслѣ сознанія чести заведенія, то съ другой онѣ вносятъ въ среду молодежи и немало растлѣвающихъ началъ: пьянство, разгулъ и драки не даютъ заниматься многимъ студентамъ и

[1]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія: № 175825—4808.

губятъ отдѣльныхъ, часто очень способныхъ молодыхъ людей. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и того, что корпораціи не ограничиваются временемъ пребыванія студентовъ въ университетѣ, а удерживаютъ ихъ и послѣ окончанія курса въ своихъ интересахъ, и окончившій курсъ остается на всю жизнь членомъ-филистеромъ корпораціи, принимающимъ въ ней болѣе живое участіе. Поэтому, и профессора Юрьевскаго университета, бывшіе студенты его, участвуютъ въ корпораціяхъ. Можетъ быть, прежде, до 60-хъ годовъ, такое единеніе взрослыхъ лицъ нѣмецкаго происхожденія съ юношами студентами не оказывало никакого вреда, но теперь на этомъ единеніи зиждется твердость балтійскихъ воззрѣній и тайнаго тяготѣнія къ германскимъ идеямъ" [1]). Эти же мысли, и даже въ тѣхъ же выраженіяхъ, повторены были графомъ Деляновымъ и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по министерству народнаго просвѣщенія за 1894 г. [2]), а также въ мотивировкѣ высочайше утвержденнаго 10 марта 1894 года доклада объ установленіи форменной одежды для студентовъ Юрьевскаго университета, которая, между прочимъ, должна была послужить и къ тому, чтобы „уничтожить внѣшніе знаки принадлежности студентовъ къ корпораціямъ" [3]). Вмѣстѣ съ введеніемъ форменной одежды, членамъ корпорацій запрещено было и ношеніе цвѣтныхъ фуражекъ и корпораціонныхъ лентъ [4]) съ начала, т. е. съ 11 августа, 1894—1895 академическаго года, о чемъ и объявлено было представителямъ корпорацій 10 мая 1894 года. Впрочемъ, постановленіе о ношеніи форменной одежды корпорантами на практикѣ никогда строго не проводилось, и фактически многіе изъ корпорантовъ никогда не имѣли форменной одежды. Это противорѣчіе было устранено высочайшимъ разрѣшеніемъ корпорантамъ отъ 2 октября 1904 года не носить общестуденческой формы и вмѣстѣ съ тѣмъ носить корпораціонные „цвѣта" въ видѣ цвѣтныхъ лентъ и фуражекъ.

Продолжала существовать въ описываемый періодъ также и „Ака-

---

[1]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія: № 182835—1632.

[2]) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1894 годъ. С.-Пб. 1898, стр. 67.

[3]) Сборникъ постановленій, XIII. 95—96.

[4]) Ср. § 5 „правилъ" корпорацій въ редакціи 19 апрѣля 1882 года: нашъ историческій очеркъ „И. Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ", т. I, стр. 592; этотъ § былъ подтвержденъ попечителемъ Капустинымъ 9 октября 1887 года въ томъ смыслѣ, что цвѣтныя фуражки и ленты дозволяется носить лишь въ Дерптѣ, но не за его предѣлами.

демическая Мусса“, имѣвшая характеръ университетскаго клуба, въ которомъ студенты имѣли возможность приходить въ соприкосновеніе съ профессорами и мѣстнымъ городскимъ населеніемъ [1]). Помѣщалась она по прежнему въ университетскомъ домѣ, бывшемъ фонъ-Бока и Левенштерна, вплоть до своего закрытія въ 1891 году. Именно, попечитель Н. А. Лавровскій 21-го февраля 1891 года сдѣлалъ въ министерство представленіе объ упраздненіи „Академической Муссы“ „какъ учрежденія, не имѣющаго ничего общаго съ ходомъ учебнаго дѣла“ и, въ виду нужды университета въ помѣщеніи подъ аудиторіи, о возвращеніи университету занимаемаго ею дома, „въ которомъ въ настоящее время, между прочимъ, помѣщается и кухмистерская и производится продажа пива и спиртныхъ напитковъ“. Ходатайство это было уважено, и, согласно распоряженію министерства отъ 10-го марта 1891 года, „Академическая Мусса“ перестала существовать; вмѣстѣ съ тѣмъ, университету разрѣшено было министерствомъ, отъ 7-го іюня 1891 года, употребить до 5000 р. изъ спеціальныхъ средствъ на перестройку зданія для потребностей университета. Въ настоящее время, кромѣ аудиторій, тамъ находятся нѣкоторыя учебно-вспомогательныя учрежденія физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ. Отъ прежней „Академической Муссы“ осталась въ этомъ зданіи только „студенческая читальня“, болѣе извѣстная подъ нѣмецкимъ названіемъ „Academische Lesehalle“, такъ какъ членами ея состоятъ исключительно студенты не русскаго происхожденія; прежде она существовала только какъ часть „Академической Муссы“, и теперь требовалось опредѣлить ея самостоятельное существованіе. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ однако же только въ 1896 году, когда 26-го іюня этого года были утверждены попечителемъ выработанныя особой комиссіей и одобренныя правленіемъ университета „Правила для пользованія университетской студенческой читальней“. Читальня содержится на средства ея членовъ-студентовъ; въ ней находится значительное количество, преимущественно нѣмецкихъ, періодическихъ изданій. Директоромъ читальни состоитъ одинъ изъ профессоровъ, по выбору общаго собранія ея членовъ; въ этой роли были профессора: Л. І. Мендельсонъ, Ф. Гершельманъ, Б. А. Керберъ и А. Р. Зебергъ. Дѣлами читальни завѣдуетъ выборное изъ среды ея членовъ „правленіе“ [2]). Слѣдуетъ отмѣтить, что русское студенчество, несмотря на

[1]) Ср. т. I, стр. 289—292. 570—573.

[2]) Архивъ Канцеляріи Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа: № 113, 1891 г.. Архивъ Юрьевскаго Университета: „Студенческая Читальня (Academische Lesehalle)“.

свою многолюдность въ послѣдніе годы, подобнаго учрежденія не имѣетъ.

Рядомъ съ корпораціями существовали и менѣе сложныя, менѣе многолюдныя, съ иными цѣлями и интересами, студенческія организаціи, подъ именемъ обществъ или „ферейновъ". Основаніе ихъ предусмотрѣно было для предшествующаго періода „Правилами" 1838 года (§ 61), а для описываемаго „Правилами" 1868 года (§ 2). Но фактически въ прошломъ періодѣ такихъ обществъ было немного. Къ сказанному уже [1]) прибавимъ слѣдующее.

20 октября 1860 года 27 человѣкъ студентовъ обратились къ проректору университета съ просьбой дозволить имъ основать общество (Verein); просьба эта была передана на рѣшеніе попечителю. Имѣя передъ собой первый случай такого обращенія студентовъ послѣ офиціальнаго разрѣшенія корпорацій въ 1855 году, попечитель фонъ-Брадке, давая свое согласіе на основаніе общества—это былъ „Gesellig-wissenschaftlicher Studentenverein"—преподалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ 22-го октября 1860 года, и слѣдующія общія правила для подобнаго рода учрежденій: „1. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы путемъ серьезнаго общенія его членовъ между собою дѣйствовать на пользу научнаго и вообще духовнаго ихъ развитія. 2. Общество состоитъ изъ добровольно соединившихся между собою членовъ, которые согласились неуклонно держаться поставленной ихъ обществомъ цѣли. 3. Общество созываетъ собранія и избираетъ изъ своей среды предсѣдателя; тотчасъ же послѣ избранія предсѣдателя послѣдній долженъ быть извѣстенъ проректору университета. 4. О каждомъ собраніи, по крайней мѣрѣ за часъ до его начала, должно быть сдѣлано письменное, за подписью предсѣдателя, оповѣщеніе относительно времени и мѣста, гдѣ и когда оно должно состояться, и это оповѣщеніе должно быть передано дежурному педелю". Къ этому попечитель прибавилъ, что подробности въ бытѣ этихъ „обществъ" должны быть опредѣляемы университетскимъ начальствомъ на основаніи „правилъ о корпораціяхъ" 27-го апрѣля 1855 года. Общество это, существовавшее до 1864 года, по характеру своихъ задачъ имѣло связь съ образовавшейся позднѣе въ 1865—1866 годахъ корпораціей „Arminia", а затѣмъ, опять въ видѣ „общества", существовало въ 1870—1880-хъ годахъ [2]).

---

[1]) Т. I, стр. 596.

[2]) Album des Theologischen Abends und der Arminia 1850—1900. Juriew (Dorpat) 1902, стр. 3—4.

Въ 1862 году студенты русскаго происхожденія, послѣ существовавшей въ 1820-хъ и 40-хъ годахъ корпораціи „Рутенія“, пожелали организоваться въ „общество“. Попечитель фонъ-Брадке сообщилъ, отъ 14-го марта 1862 года, проректору, что проектируемое общество должно опираться на преподанныя общія основанія 22-го октября 1860 года, и при этомъ пожелалъ узнать, въ какія отношенія станетъ это общество къ „собранію уполномоченныхъ“ существующихъ уже корпорацій. Это было начало *„Общества русскихъ студентовъ“ (Gemeinschaft russischer Studenten) [1]), офиціально разрѣшенное попечителемъ 24-го марта 1862 года. Мы не знаемъ точно, въ какія отношенія стало это общество при своемъ основаніи къ „собранію уполномоченныхъ“, но очень скоро оно вошло съ послѣднимъ въ столь серьезное столкновеніе, что предписаніемъ попечителя графа Кейзерлинга, отъ 28-го ноября 1862 года, было закрыто [2]). Снова возникло это общество согласно разрѣшенію попечителя отъ 2-го октября 1885 года.

7-го ноября того же 1862 года довольно значительная группа студентовъ-некорпорантовъ обратилась къ университетскому начальству съ просьбой о дозволеніи имъ организоваться въ общество подъ именемъ „Sectionen“; попечитель графъ Кейзерлингъ разрѣшилъ, отъ 21-го декабря 1862 года, эту организацію, но съ условіемъ установленія опредѣленныхъ отношеній къ „собранію уполномоченныхъ“, путемъ посылки туда „судей чести“ и „судей для разслѣдованія“. Однако 23-го октября 1864 года это „общество“ перестало существовать [3]).

Затѣмъ, въ описываемый періодъ, въ 1860-ые и 70-ые годы „общества“ возникали очень слабо. 22-го сентября 1867 года возникло „Богословское Общество“ (Theologischer Verein) [4]). 24-го марта 1872 года учреждено было *„Общество учащихся фармацевтовъ“ (Verein

---

[1]) Звѣздочкой обозначены названія „обществъ“, существовавшихъ къ концу 1902 года.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе *Axel v. Gernet.* Geschichte der Estonia, стр. 216—218. Небезынтересныя, хотя недостаточно точныя и отрывочныя, свѣдѣнія объ этомъ обществѣ можно найти въ книгѣ *П. Красовскаго*: Родной край. Очерки, замѣтки и наброски. Рига 1902, стр. 231—241.

[3]) Ср. *A. v. Gernet.* Das Ringen, стр. 57—58.

[4]) Интересная исторія этого общества, въ жизни котораго принимали также дѣятельное участіе нѣкоторые профессора богословскаго факультета, написана Адольфомъ Асмусомъ: „[*Adolf Assmus*]. Der Theologische Verein zu Dorpat (1877—1892). Festschrift zum 25-jährigen Jubiläum. Dorpat 1892“.

studirenden Pharmaceuten). Оно закрыто было распоряженіемъ попечителя Лавровскаго отъ 3-го мая 1896 года за участіе его членовъ въ университетскихъ безпорядкахъ частнаго характера, и хотя 31-го мая того же года бывшіе члены этого „общества“ ходатайствовали о его возобновленіи и ректоръ А. С. Будиловичъ поддерживалъ это ходатайство, но попечитель, въ отвѣтѣ своемъ, увѣдомилъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ предложеніи отъ 9-го января 1897 года, „не находитъ возможнымъ узаконять какія бы то ни было студенческія сообщества“; возобновленное позднѣе ходатайство ректора вызвало отвѣтъ попечителя, отъ 21-го января 1899 года, что министръ народнаго просвѣщенія по прежнему „не призналъ возможнымъ согласиться на возстановленіе общества“, такъ какъ „не считаетъ себя вправѣ разрѣшать организацію какихъ бы то ни было обществъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“. Общество было снова открыто только въ 1903 году.

Всего болѣе студенческихъ „обществъ“ возникло въ 1880-хъ годахъ. 15-го апрѣля 1882 года возникло „Verbindung von Studirenden zu wissenschaftlich-geselligen Zwecken“, но существовало очень недолго. 4-го февраля 1883 года начало свое существованіе *„Научное Общество студентовъ-эстовъ“ (Wissenschaftlicher Verein studirenden Esten), 30-го ноября 1883 года—*„Литературно-музыкальное Общество“ (Literärisch-musicalischer Verein), 9-го декабря 1883 года—*„Академическое Общество для изученія еврейской исторіи и литературы“ (Academischer Verein für judische Geschichte und Literatur). Въ 1883 же году возникъ, исключительно съ цѣлями занятія музыкой, кружокъ „Burschenorchester“, имѣвшій преемственную связь съ существовавшимъ въ 40-хъ годахъ „Liedertafelverein“'омъ [1]), но существовованіе его было не долговременно. Въ 1884 году, 5-го марта, возникло *„Научное Общество исторіи и литературы“ (Wissenschaftlicher Verein für Geschichte und Literatur), а 16-го апрѣля 1884 года—„Научное Общество“ (Wissenschaftlicher Verein), которое 21-го ноября того же года преобразовалось въ корпорацію „Tarbatonia“, просуществовавшую однако лишь до 12-го мая 1887 года. 18-го марта 1886 года возникло „Историческое Общество“ (Historischer Verein), просуществовавшее до закрытія его, по собственному желанію, 17-го сентября 1887 года; въ 1890 году оно снова возникло и 13-го сентября

[1]) См. т. I, стр. 596.

1893 года опять было закрыто по собственному желанію. 27-го ноября 1887 года утверждена была фактически возникшая еще въ 1883 году *„Вспомогательная касса еврейскихъ студентовъ“ (Unterstützungscasse judischer Studirenden). Въ 1888 году были утверждены: 16-го февраля—„Филологическое Общество“ (Philologischer Verein), окончившее свое существованіе въ 1895 году, 19-го апрѣля—*„Общество студентовъ для изученія природы“ (Naturwissenschaftlicher Verein), членами котораго состоятъ главнымъ образомъ поляки, 10-го ноября—„Литературно-научное Общество“ (Literärisch-wissenschaftlicher Verein).

„Правила для студентовъ“ 1893 года не предоставляли имъ права организаціи кружковъ или обществъ, дозволенныхъ прежними „правилами“: въ виду этого, хотя существовавшія ранѣе и названныя нами учрежденія и не были закрыты, но новыя не разрѣшались, а между тѣмъ потребность въ нихъ среди новыхъ элементовъ студенчества ощущалась, что видно изъ ряда обращеній къ проректору и ректору университета съ просьбой объ открытіи новыхъ „обществъ“.

Что же представляли собою въ главныхъ чертахъ эти студенческія организаціи въ до-реформенную эпоху существованія университета?

Эти общества имѣли почти исключительно цѣлію научныя, литературныя или художественныя занятія или же пріятное препровожденіе времени въ товарищеской средѣ; на собраніяхъ читались рефераты, подвергавшіеся потомъ обсужденію. Общества пользовались исключительно частными помѣщеніями для своихъ собраній, нанимая ихъ на собственныя средства, составлявшіяся изъ членскихъ взносовъ. Каждое общество имѣло свой особый уставъ, но эти уставы во многомъ были одинъ на другой похожи. Дѣлами общества обыкновенно завѣдывало бюро, состоявшее изъ предсѣдателя, секретаря и кассира; въ нѣкоторыхъ обществахъ избирались особые библіотекари, экономы и кустосы. Предсѣдатели или секретари обязаны были подавать ректору или проректору отчеты о дѣятельности общества за каждый семестръ. Отчеты эти бывали обыкновенно очень кратки и сухи, такъ какъ начальство университета предоставляло обществамъ полную внутреннюю свободу и наблюдало за ними исключительно только съ формальной стороны. Общества состояли изъ дѣйствительныхъ членовъ, избираемыхъ посредствомъ баллотировки, изъ членовъ почетныхъ, членовъ-корреспондентовъ; на собранія, гдѣ читались рефераты, допускались и гости; иногда, въ видѣ почетныхъ гостей, приглашались и профессора университета. Нѣкоторыя общества имѣли

право исключать изъ числа своихъ членовъ лицъ, не платящихъ установленнаго взноса, не посѣщающихъ извѣстное время собраній общества или подвергшихся троекратному удаленію изъ помѣщенія общества по требованію предсѣдателя. Въ большинствѣ обществъ подробные протоколы собраній не составлялись; рефераты читались обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ или на языкѣ большинства членовъ общества, и точнаго указанія на языкъ рефератовъ въ уставахъ не было. Въ уставахъ нѣкоторыхъ обществъ есть указанія на отношеніе ихъ къ корпораціямъ въ смыслѣ признанія, въ извѣстныхъ случаяхъ, ихъ авторитета; но большей частію такихъ указаній нѣтъ, и подобныя общества были не только независимы фактически отъ корпорацій, но и являлись до нѣкоторой степени противовѣсомъ корпораціямъ съ ихъ замкнутой организаціей и деспотическимъ отношеніемъ къ общей массѣ студенчества. Число членовъ общества обыкновенно не превышало 50, но бывали и такія общества или—вѣрнѣе—кружки, которые насчитывали въ извѣстные годы лишь десятокъ-другой членовъ. Интересы матеріальной взаимопомощи не играли въ этихъ обществахъ сколько-нибудь видной роли, за исключеніемъ „Вспомогательной кассы еврейскихъ студентовъ", которая ставила себѣ спеціальной цѣлью такую помощь и имѣла отъ 200 до 300 членовъ. По преобладающей національности большинство обществъ было нѣмецкое, по одному—эстонское, латышское, русское и польское и нѣсколько еврейскихъ [1]).

Интересъ къ вопросу о студенческихъ обществахъ возникъ въ правительственныхъ сферахъ лишь въ 1899 году, вызванный студенческими волненіями въ университетахъ. Именно, циркуляромъ министра Н. П. Боголѣпова отъ 21-го іюля 1899 года, Юрьевскому университету, какъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, было предложено содѣйствовать образованію „подъ непремѣннымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ", а также учрежденіе „подъ отвѣтственностью избраннаго учебнымъ начальствомъ руководителя студенческихъ хоровъ и оркестровъ"; затѣмъ послѣдовало, послѣ нѣкотораго перерыва, опубликованіе Высочайше одобренныхъ 22-го декабря 1901 года „Временныхъ правилъ организаціи студенческихъ учрежденій", вызвавшихъ министерскій циркуляръ о студенческихъ организаціяхъ отъ 27-го августа 1902 года. На этой новой почвѣ возникли: 4-го мая 1902 года *„Кружокъ польскихъ богослововъ", 28-го марта 1903 года *„Общество слуша-

---

[1]) Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 143, 1899 года.

телей фармаціи", 12-го декабря 1903 года *„Общество студентовъ-медиковъ", 14-го апрѣля 1904 года *„Студенческій педагогическій кружокъ" и 1-го ноября 1904 года *„Клиническій кружокъ студентовъ-медиковъ".

Намъ остается еще здѣсь вкратцѣ остановиться на вопросѣ о жизни русскихъ студентовъ въ Дерптѣ-Юрьевѣ за описываемое время. Число русскихъ студентовъ до реформы въ Дерптскомъ университетѣ было очень невелико и, напр., при началѣ реформы, въ 1889 году, ихъ было втрое меньше, чѣмъ евреевъ, меньше даже, чѣмъ поляковъ; раньше ихъ было и того меньше. Русскій студентъ до реформы въ Дерптѣ былъ большею частію случайнымъ явленіемъ: сыновья мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ и вообще лицъ, имѣвшихъ постоянное жительство въ краѣ; лица, отправлявшіяся или отправляемыя въ Дерптъ ради старой славы университета, его своеобразной учебно-воспитательной обстановки, ради вольностей студенческой жизни, свободы организацій или сравнительной легкости прохожденія курса и облегченнаго пріобрѣтенія ученыхъ степеней, особенно по медицинскому факультету; наконецъ—и это весьма значительный процентъ—лица, уволенныя изъ другихъ университетовъ за участіе въ студенческихъ волненіяхъ или вообще потерпѣвшія крушеніе на этой почвѣ въ другомъ университетѣ. Во всякомъ случаѣ, это были люди самаго разнообразнаго состава, возраста и наклонностей. Послѣ реформы картина значительно мѣняется, особенно съ началомъ пріема въ 1897 году въ Юрьевскій университетъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій—почти сплошь русскихъ по происхожденію, такъ что въ послѣдніе годы передъ столѣтнимъ юбилеемъ русскій элементъ студенчества является преобладающимъ. Объ этомъ послѣднемъ времени мы говорить не будемъ—не только по близости времени, но и потому, что жизнь юрьевскаго русскаго студента этихъ годовъ какъ въ своихъ внутреннихъ основахъ, такъ и во внѣшнихъ проявленіяхъ мало чѣмъ отличается отъ жизни русскаго студенчества въ другихъ университетскихъ провинціальныхъ городахъ Россіи. Что же касается до-реформенной эпохи, то черты жизни русскаго студента представляютъ тутъ нѣкоторыя особенности, достойныя упоминанія.

Несмотря на всю извѣстную неспособность русскаго элемента къ сплоченности, исключительныя условія жизни русскихъ студентовъ въ Дерптѣ, среди чуждой имъ по національности студенческой массы и городского населенія, постоянно питали и поддерживали идею нѣкотораго единства и усиленно вызывали потребность взаимнаго общенія.

Однако, въ виду своей малочисленности, бѣдности и большею частію случайнаго, кратковременнаго пребыванія въ Дерптѣ и отчужденности отъ мѣстныхъ интересовъ, русскіе студенты не могли составить изъ себя сколько-нибудь прочную организацію, особенно при наличности того могущественнаго давленія, которое оказывало на студенческую жизнь въ Дерптѣ корпораціонное „собраніе уполномоченныхъ". Въ 1820-хъ и 40-хъ годахъ возникла среди русскихъ студентовъ особая корпорація „Рутенія" [1]), но существованіе ея было непродолжительно; болѣе прочной оказалась другая организація, упомянутое уже „Общество русскихъ студентовъ", основанное въ 1862 году, но окрѣпшее для болѣе устойчиваго существованія лишь съ 1885 года. Конечно, не всѣ наличные студенты русскаго происхожденія принадлежали въ данное время къ упомянутымъ организаціямъ; многіе изъ нихъ держались особнякомъ; иные, въ видѣ впрочемъ единичныхъ исключеній, принадлежали къ другимъ, не русскимъ обществамъ и корпораціямъ. Какъ протекала жизнь русскаго студенчества въ Дерптѣ въ до-реформенную эпоху университета, объ этомъ мы имѣемъ, къ сожалѣнію, очень скудныя свѣдѣнія; бывшіе русскіе студенты оказались весьма скупы на воспоминанія о своихъ годахъ ученья въ Дерптѣ, и тѣмъ болѣе цѣнными представляются интересныя, хотя и написанныя въ нѣсколько панегирическомъ тонѣ по адресу прошлаго воспоминанія бывшаго студента-филолога *Евгенія Дегена* о жизни русскаго студенчества въ Дерптѣ какъ разъ въ переходную отъ стараго порядка къ новому пору конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ [2]). Мы позволимъ себѣ привести оттуда нѣсколько наиболѣе характерныхъ указаній; несомнѣнно, въ большей своей части они не лишены интереса и для болѣе отдаленнаго времени.

Русскаго студента, особенно новичка, въ дерптской университетской аудиторіи легко было узнать уже по наружности. „Сравнительно съ нѣмецкими юношами, сытыми, румяными, въ чистенькихъ пиджакахъ и крѣпко накрахмаленныхъ воротничкахъ, пришельцы изъ Москвы, Кіева, Казани носили совсѣмъ другой отпечатокъ: худыя и блѣдныя, нервныя, неврастеничныя лица, не всегда аккуратно причесанная шевелюра, нерѣдко мягкія вышитыя сорочки, а то и косоворотки". Однако, вскорѣ особенность относительно костюма сглажи-

---

[1]) См. т. I, стр. 578. 582.

[2]) Воспоминанія дерптскаго студента (изъ недавняго прошлаго). *Евгенія Дегена.* „Міръ Божій" 1902, № 3, стр. 71—105.

валась: „Въ концѣ семестра или года, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, самые истые „семидесятники“ почти всегда заводили манишки и галстухи и по возможности приноровляли свой костюмъ къ средней европейской нормѣ. Послѣ ближайшихъ „безпорядковъ“ въ какомъ-нибудь изъ университетовъ опять нахлынетъ волна кожаныхъ куртокъ, высокихъ сапогъ и вызывающихъ вихровъ, но черезъ нѣкоторое время опять совершается процессъ европеизаціи костюма, и только одни лица сохраняютъ неизгладимую печать національности“ [1]). Менѣе быстро происходило усвоеніе нѣмецкаго языка, съ знаніемъ котораго являлась въ Дерптѣ лишь самая незначительная часть русскаго студенчества; большая же часть должна была учиться этому языку уже на мѣстѣ, при томъ главнымъ образомъ изъ самыхъ лекцій и только частію изъ живого употребленія его внѣ стѣнъ университета; послѣднему мѣшалъ недостатокъ частныхъ знакомствъ русскаго студента, и только нѣкоторымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи являлись обмѣнные уроки нѣмецкаго языка на русскій, добываніе которыхъ въ описываемое авторомъ воспоминаній время было нетрудно въ виду возникшей, силою вещей, потребности въ знаніи русскаго языка мѣстнымъ нѣмецкимъ и эстонскимъ элементомъ: и такъ, „тѣмъ или инымъ способомъ знаніе нѣмецкаго языка пріобрѣталось русскими студентами настолько, что къ концу перваго же года, а для болѣе способныхъ и гораздо скорѣе, пониманіе лекцій и чтеніе книгъ по своей спеціальности не представляло затрудненія, ко времени же экзаменовъ большинство и объяснялось весьма бойко, хотя и съ ужасающими ошибками“ [2]). Нормальныя отношенія къ профессорамъ-нѣмцамъ устанавливались очень скоро; этому способствовало, по словамъ автора, полное благожелательство со стороны послѣднихъ, сильное развитіе „практическихъ занятій“, способствовавшихъ взаимному сближенію обѣихъ сторонъ, и традиціонное уваженіе студентовъ къ университетскимъ преподавателямъ: „ни въ одномъ русскомъ университетѣ я не наблюдалъ такого глубокаго уваженія къ профессорамъ, какъ въ былое время въ Дерптѣ, не всегда даже пропорціональнаго съ ихъ научными и нравственными заслугами“ [3]). Установленіе нормальныхъ отношеній къ товарищамъ-нѣмцамъ было дѣломъ гораздо болѣе труднымъ: причина лежала въ глу-

---

[1]) Стр. 75.
[2]) Стр. 76.
[3]) Стр. 78.

бокомъ различіи какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ условій жизни, воспитанія, міровоззрѣнія, стремленій и идеаловъ русскаго и нѣмецкаго студенчества. „Съ нашей стороны“, говоритъ авторъ, „въ сущности никакой національной непріязни не было. Дѣйствительно, намъ были чужды многія черты ихъ характера, намъ казались смѣшными и иногда дикими нѣкоторыя особенности ихъ корпоративнаго быта, но непосредственнаго злого чувства ни ко всей массѣ, ни къ каждому отдѣльному индивидууму мы не питали, тогда какъ къ себѣ мы именно чувствовали такую слѣпую вражду, безъ вниманія къ личнымъ качествамъ каждаго... Надо думать, что національная вражда въ значительной степени питалась классовыми различіями: нѣмецкая молодежь въ Дерптѣ, какъ и повсюду въ Германіи, сохраняла крѣпкую связь, матеріальную, культурную и идейную, со своей природной средой, т. е. съ земельной аристократіей и городской солидной буржуазіей, тогда какъ русскіе студенты, тоже какъ вездѣ въ Россіи, были разночинцы по происхожденію и демократы по настроенію и по матеріальному положенію“; „враждебность эта, по словамъ автора, ощущалась въ видѣ безмолвно висящей въ воздухѣ тучи, но нерѣдко, по какимъ-нибудь частнымъ поводамъ, дѣло доходило до непріязненныхъ столкновеній“ [1]). Живя вслѣдствіе этого большею частію обособленно отъ своихъ нерусскихъ товарищей, русскіе студенты тѣмъ болѣе охотно организовались въ свои кружки, въ которыхъ, не смотря на всю ихъ малолюдность и бѣдность, черпали для себя моральную и даже матеріальную поддержку: „Въ борьбѣ съ нуждою дерптское студенчество было предоставлено исключительно самому себѣ. Никакихъ благотворительныхъ обществъ тогда еще не существовало. Университетское начальство, какъ и въ германскихъ университетахъ, вовсе не поощряло бѣдности и очень неохотно даже отсрочивало взносъ платы, не говоря уже объ освобожденіи. За то въ нашемъ распоряженіи были различныя студенческія учрежденія, которыя главныя свои усилія направляли на взаимопомощь... Трудно себѣ представить, во сколько разъ невыносимѣе была бы жизнь русскихъ студентовъ въ Дерптѣ, если бы отнята была возможность подобнаго товарищескаго общенія. Кромѣ нѣсколькихъ женатыхъ студентовъ, всѣ были лишены семейной обстановки, а очень многіе не имѣли даже семейныхъ знакомыхъ, такъ что только постоянная и организованная связь съ товарищами могла хоть въ нѣкоторой степени предохранить

---

[1]) Стр. 91, 92.

человѣка отъ апатіи, тоски, одичанія и дурныхъ инстинктовъ" [1]. Авторъ воспоминаній, относящійся съ величайшимъ сочувствіемъ къ этимъ товарищескимъ организаціямъ не только за ихъ, такъ сказать, предохранительную, но и за активную роль въ умственномъ, моральномъ и общественномъ развитіи студента, разумѣетъ подъ ними не одни только офиціально организованные кружки и общества съ научно-литературными и общественными цѣлями, но и „столовыя", которыя нерѣдко, въ извѣстные часы дня, обращались въ клубы, „куда собирались не только обѣдающіе, но и всѣ, кому надо было переговорить съ товарищами, почитать газету или занять денегъ". Кромѣ этихъ организацій, существовало еще въ университетѣ ничѣмъ не регламентированное такъ называемое „общестуденческое собраніе", которое функціонировало не постоянно, а только въ извѣстныхъ случаяхъ. „Само собою разумѣется—говоритъ авторъ воспоминаній—всеобщность этого учрежденія была только фикціей: предполагалось, что каждый студентъ можетъ, если захочетъ, явиться на подобное собраніе, безразлично, къ какой бы національности и къ какому бы языку онъ ни принадлежалъ. Фактически ни одинъ нѣмецъ, конечно, никогда не показывался на нашихъ сходбищахъ, и собиралось на нихъ вообще только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ болѣе 150—200 человѣкъ, хотя приходили не только русскіе, но также, напр., евреи и нѣкоторыя группы поляковъ. Чаще всего „общестуденческое собраніе" созывалось для товарищескаго суда" [2]. Небезынтересныя свѣдѣнія сообщаются въ воспоминаніяхъ и объ отношеніи русскихъ студентовъ въ Дерптѣ къ студенческимъ волненіямъ другихъ университетовъ. „Каждый разъ, какъ въ другихъ университетскихъ центрахъ возникали волненія, русская часть дерптскаго студенчества мучительно билась надъ дилеммой: примкнуть или не примкнуть къ общему теченію. И тутъ предъ наблюдателемъ каждый разъ обнаруживалось весьма знаменательное явленіе: независимо отъ того или другого принципіальнаго рѣшенія, отъ неизмѣннаго глубокаго сочувствія товарищамъ, отъ „агитаціи подстрекателей", для активнаго проявленія мятежныхъ чувствъ необходимъ извѣстный подъемъ недовольства, подготовленный мѣстными столкновеніями и несовершенствами общественно-студенческаго быта". Но такого толчка русское студенчество въ Дерптѣ на мѣстѣ не находило: „Не хватало искры для взрыва. Если бы уни-

---

[1]) Стр. 82.

[2]) Стр. 86.

верситетскія или городскія власти потребовали, чтобы мы были спокойны, или запретили намъ сходки, или предприняли бы какія-нибудь иныя усмирительныя мѣры, то вѣроятнѣе всего и дерптскіе студенты оказались бы не плоше, не лучше всякихъ другихъ. Но начальство и не думало давать намъ поводъ; оно совершенно игнорировало наше взволнованное состояніе, и я увѣренъ, что въ то время, какъ мы ночи на пролетъ до седьмого пота развивали свое краснорѣчіе, проректоръ преспокойно спалъ на оба уха или сидѣлъ за своими толстыми книгами. Основаній приставать къ начальству съ какими-нибудь требованіями у насъ также не было, ибо мы пользовались всѣмъ, о чемъ наши товарищи въ другихъ университетахъ не смѣли и мечтать" [1]).

Въ такихъ чертахъ представлялась современнику недавняго стараго порядка жизнь русскаго студенчества въ до-реформенномъ Дерптскомъ университетѣ.

IX.

Особыя событія въ жизни университета.—Посѣщенія высокопоставленныхъ лицъ.—Участіе университета въ событіяхъ русско-турецкой войны.—Заключительныя замѣчанія объ общихъ задачахъ Дерптскаго-Юрьевскаго университета въ теченіе всего столѣтняго періода его существованія.

Относительно описываемаго періода Дерптскаго-Юрьевскаго университета слѣдуетъ отмѣтить ту особенность, что, въ противоположность старому времени, онъ имѣлъ очень мало случаевъ принимать въ своихъ стѣнахъ лицъ высокаго служебнаго или общественнаго положенія; да и эти немногіе случаи падаютъ исключительно на время послѣ реформы.

Такъ, осенью 1893 года посѣтилъ университетъ министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, имѣвшій цѣлью при этой поѣздкѣ общую ревизію учебнаго дѣла въ Рижскомъ учебномъ округѣ. Свѣдѣнія о впечатлѣніи, которое вынесъ изъ этого посѣщенія университета графъ Деляновъ, имѣются во всеподданнѣйшемъ отчетѣ его о ревизіи отъ 27-го декабря 1893 года. „Императорскій Юрьевскій университетъ—говорится тутъ—въ которомъ еще въ 1886 году все преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ, нынѣ имѣетъ изъ 76 преподавателей 43 профессора и доцента, читающихъ на русскомъ языкѣ;

[1]) Стр. 90—91.

изъ остальныхъ 14 понимаютъ и говорятъ по русски, и только 19 не владѣютъ русскою рѣчью. На юридическомъ факультетѣ всѣ предметы читаются на русскомъ языкѣ, на богословскомъ исключительно на нѣмецкомъ; на остальныхъ факультетахъ на томъ и на другомъ. Изъ посѣщенія лекцій въ разныхъ факультетахъ я вынесъ убѣжденіе, что профессоры относятся къ своимъ обязанностямъ вполнѣ добросовѣстно, и лекціи ихъ отличаются должной серьезностью и обдуманностью изложенія, хотя, конечно, нельзя еще требовать полной гладкости рѣчи отъ профессоровъ-нѣмцевъ, столь недавно перешедшихъ къ чтенію на русскомъ языкѣ. Если среди пожилыхъ уже профессоровъ нѣмецкаго происхожденія есть немало ученыхъ, имена которыхъ могутъ съ достоинствомъ украшать высшее учебное заведеніе, то и вновь вступившія въ университетъ молодыя силы изъ русскихъ представляютъ трудящихся и даровитыхъ людей, которые безъ сомнѣнія принесутъ пользу университету. Я позволяю себѣ надѣяться, что теперь какъ остающіеся въ университетѣ нѣмецкіе профессоры, такъ и вновь поступившіе русскіе поведутъ свое дѣло въ должномъ единеніи, при чемъ первые будутъ мало по малу замѣняться вторыми, и черезъ нѣсколько лѣтъ Юрьевскій университетъ устроится совершенно одинаково съ другими подобными заведеніями въ Россіи. Для примѣненія къ сему университету общаго устава 1884 года не достаетъ нѣсколькихъ каѳедръ, требуется значительное улучшеніе и расширеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, особенно библіотеки, клиникъ и нѣкоторыхъ кабинетовъ и лабораторій медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ, изъ коихъ одни находятся въ тѣсныхъ и крайне неудобныхъ комнатахъ, другіе нуждаются въ обновленіи и лучшемъ приспособленіи сообразно съ требованіемъ современнаго состоянія науки. Въ настоящее время я вошелъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ отпускѣ 50.000 руб. въ годъ для большаго и скорѣйшаго обезпеченія послѣдовательнаго привлеченія русскихъ преподавательскихъ силъ на вакантныя каѳедры и намѣренъ затѣмъ внести представленіе въ государственный совѣтъ о единовременномъ отпускѣ суммъ до 400.000 руб. на устройство и улучшеніе указанныхъ выше учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, а равно и на постройку университетской православной церкви, въ которой нуждаются какъ преподаватели, такъ и студенты православные. Поведеніе студентовъ въ стѣнахъ университета, какъ по отзыву начальства, такъ и по впечатлѣнію, мною вынесенному, вполнѣ приличное: они вѣжливы, сдержанны и весьма исправны въ посѣщеніи лекцій.

Къ сожалѣнію, однако, въ поведеніи студентовъ внѣ стѣнъ университета замѣчаются многія нежелательныя явленія“ [1]). Далѣе идутъ сужденія о корпораціяхъ, на которыя отчасти было нами уже указано. Второй разъ графъ И. Д. Деляновъ посѣтилъ университетъ въ ноябрѣ 1895 года, по случаю освященія университетской домовой православной церкви.

6-го іюля 1897 года университетъ посѣтилъ министръ финансовъ С. Ю. Витте. Онъ осматривалъ какъ главное зданіе университета, такъ и помѣщенія разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Сколько извѣстно изъ устныхъ отзывовъ министра, убожество и тѣснота университетскихъ помѣщеній произвели на него тяжелое впечатлѣніе, особенно библіотека своей темнотой и крайнимъ недостаткомъ мѣста.

Въ мартѣ 1900 года посѣтилъ университетъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣревъ для обсужденія на мѣстѣ вопроса объ устройствѣ студенческаго общежитія.

Изъ особыхъ обстоятельствъ въ жизни университета, не нашедшихъ себѣ мѣста въ предшествующемъ изложеніи, слѣдуетъ здѣсь указать на участіе нѣкоторыхъ его представителей въ событіяхъ русско-турецкой войны 1876—1878 годовъ. Въ 1877 году студенты университета собрали между собою 1.000 рублей и передали эту сумму въ распоряженіе особаго, образовавшагося въ Дерптѣ по поводу войны, дамскаго комитета, за что имъ объявлена была попечителемъ А. А. Сабуровымъ въ актовомъ залѣ университета 11-го мая 1877 года высочайшая благодарность. Въ томъ же году профессоръ хирургіи Э. фонъ-Бергманъ былъ командированъ въ дѣйствующую дунайскую армію, участвовалъ въ переправѣ черезъ Дунай и въ битвахъ подъ Плевной, при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ; профессоры Георгъ фонъ-Эттингенъ и Фридрихъ Гофманъ были начальниками двухъ этапныхъ лазаретовъ въ Болгаріи, снаряженныхъ Дерптскимъ комитетомъ общества Краснаго Креста; профессоръ фонъ-Валь состоялъ начальникомъ военнаго госпиталя, учрежденнаго Евангелической полевой діаконіей въ Систовѣ; доцентъ Карлъ Рейгеръ былъ главнымъ врачомъ лазаретовъ Кавказскаго отдѣленія Краснаго Креста. Вмѣстѣ съ профессорами принимали участіе въ дѣятельности Краснаго Креста, а также для врачебной помощи раненымъ, являясь въ качествѣ добровольцевъ въ эту войну на полѣ сраженія, и нѣсколько студентовъ; изъ нихъ Ѳедоръ Шредеръ, Николай Боянусъ, Александръ Кулябко-Корецкій и

---

[1]) Архивъ департамента народнаго просвѣщенія: № 182835—1632.

Генрихъ Гахъ награждены орденами св. Станислава 3 ст. „за усердіе и полезную дѣятельность“ по обществу Краснаго Креста; затѣмъ студенты-медики Эдуардъ Пихлау, Адольфъ Бергманъ, Александръ Ленцъ и Николай Жаланъ-де-ла-Круа награждены орденами св. Станислава 3 ст. за услуги по Красному Кресту въ дѣйствующей Кавказской арміи, а студенты Александръ Андрезенъ и Карлъ Раушенбахъ — знакомъ отличія военнаго ордена 4 ст. за поданіе начальной помощи раненымъ на перевязочныхъ пунктахъ при первой блокадѣ Карса. Были организованы нѣкоторыя мѣры и въ самомъ университетѣ: въ хирургической клиникѣ 30 кроватей было предоставлено для раненыхъ, при чемъ, въ отношеніи порядка смѣны выздоровѣвшихъ больныхъ другими, Дерптъ былъ причисленъ къ району московской эвакуаціонной комиссіи. Выраженіемъ общаго патріотическаго настроенія университета по поводу военныхъ событій явился всеподданнѣйшій адресъ отъ лица всего его состава [1]).

1-го мая 1897 года имѣла мѣсто ужасная катастрофа съ воинскимъ поѣздомъ близъ станціи Бокенгофъ, на Балтійской желѣзной дорогѣ. Близость мѣста этого выдающагося желѣзнодорожнаго несчастія къ Юрьеву дала возможность лицамъ изъ состава медицинскаго факультета явиться немедленно на помощь пострадавшимъ. Хирургическая клиника университета обнаружила въ этомъ случаѣ самую широкую и энергичную дѣятельность, принявъ въ свои стѣны большое число больныхъ; многіе получили тутъ излѣченіе; другія жертвы этого несчастія нашли себѣ вѣчное упокоеніе въ одной братской могилѣ на русскомъ кладбищѣ въ Юрьевѣ; преданіе землѣ одновременно нѣсколькихъ десятковъ гробовъ представляло траурную картину, незабвенную для каждаго, кто былъ свидѣтелемъ этой глубоко печальной грандіозной похоронной церемоніи. 17-го мая 1897 года великій князь Владиміръ Александровичъ, лично посѣтивъ университетъ, устно передалъ профессорамъ и студентамъ благодарность Государя Императора за помощь, оказанную университетомъ при Бокенгофской катастрофѣ. Кромѣ того, по этому же случаю удостоились разныхъ наградъ орденами, медалями и выраженіемъ монаршаго благоволенія профессоры Кохъ, Афанасьевъ, Курчинскій, Цеге-фонъ-Мантейфель, врачи Крупецкій и Боль и студентъ Михневичъ.

Изъ случаевъ участія университета въ событіяхъ научно-общественнаго и при томъ не столь печальнаго характера, можно упомянуть

---

[1]) Напечатанъ въ *Журн. Мин. Народн. Пр.* 1877, № 7, стр. 181—182.

здѣсь о Всероссійской промышленно-художественной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году и о десятомъ Археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ въ томъ же году, гдѣ отъ имени университета были выставлены нѣкоторыя коллекціи, и профессорами университета было сдѣлано немало научныхъ сообщеній.

Этимъ кончается пройденный нами путь судебъ Дерптскаго-Юрьевскаго университета за сто лѣтъ его существованія. Но прежде чѣмъ положить перо, мы хотѣли бы сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, при торжествѣ открытія Дерптскаго университета въ 1802 году, профессоръ всеобщей исторіи, статистики и географіи Г. Ф. Пешманъ произнесъ интересную рѣчь на тему „о вліяніи западной культуры на Россію“ [1]). Исполненный горячей вѣры въ высокую культурную будущность этого созданія просвѣщенной мысли императора Александра I и желая указать на идеалъ, который долженъ былъ имѣть передъ собою этотъ новый разсадникъ высшаго просвѣщенія въ Россіи, ораторъ ставитъ въ самомъ началѣ вопросъ: „какимъ образомъ новый университетъ можетъ оказать вліяніе на благо русскаго государства?“ и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что благотворное вліяніе будущаго университета на Россію должно быть обусловлено его ролью посредника въ пересажденіи благъ западной культуры на русскую почву. Не отрицая наличности своеобразной культуры въ тогдашней Россіи и полагая, что благо Россіи требуетъ проникновенія этой культуры началами болѣе высокой культуры—западно-европейской, ораторъ ставитъ, въ связи съ первымъ вопросомъ, второй: „совмѣстима ли культура западно-европейская съ культурой русской, и какое отношеніе имѣютъ одинъ къ другому эти оба рода культуры?“ Въ этомъ сопоставленіи двухъ вопросовъ сказалась чрезвычайно характерная для того времени точка зрѣнія на совершенно опредѣленныя задачи вновь основаннаго университета—вносить начала западной культуры въ матерьяльную и духовную жизнь Россіи. Съ этой точки зрѣнія, ораторъ снова обращается къ первому вопросу, видоизмѣняя его такимъ образомъ: „какую пользу можетъ для себя

---

[1]) Uber den Einfluss der abendländischen Kultur auf Russland. Bey Gelegenheit der Eröffnung der Dörptschen Universität. Von *G. F. Pöschmann*, Professor der Geschichte. Dorpat 1802.

ожидать отъ новаго университета Россія, для которой это учрежденіе основано?“ [1]). Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является цѣлая программа будущей дѣятельности членовъ вновь основаннаго университета. Прежде всего, члены этого университета должны обнаруживать „особенный и многосторонній“ интересъ къ успѣхамъ наукъ и искусствъ въ западной Европѣ, чтобы имѣть возможность къ перенесенію плодовъ этихъ послѣднихъ въ Россію. Однако далеко не всѣ пріобрѣтенія западной культуры примѣнимы къ Россіи, не всѣ могутъ быть для нея благодѣтельны и полезны; они должны быть соображены съ ея собственными потребностями, выработанными характеромъ народа и его исторіей: въ виду этого, дѣятели университета должны тщательно изучать Россію въ разныхъ отношеніяхъ, чтобы примѣненіе плодовъ западной цивилизаціи достигло своей настоящей цѣли. „Если—говоритъ ораторъ—новый университетъ прежде всего и преимущественно обратитъ вниманіе на Россію; если ея особенности и свойства сдѣлаетъ онъ предметомъ своихъ серьезныхъ разысканій и, насколько возможно, будетъ стараться расширять свое знакомство съ этимъ замѣчательнымъ государствомъ въ отношеніи его физическаго, политическаго, статистическаго и географическаго положенія, то это немедленно должно пробудить въ сердцѣ каждаго патріотическаго юноши желаніе самому ближе и непосредственнѣе изучить то, къ чему лекціи могутъ возбудить только неудовлетворенную жажду. Новый университетъ обезпеченъ средствами, которыя могутъ повести къ исполненію подобнаго желанія. Изученіе языка и предварительное ознакомленіе съ предметами, какіе сочтетъ онъ достойными своего изученія, укажутъ ему путь, по которому онъ безъ большого затрудненія можетъ дальше идти и быть полезнымъ Россіи въ своей спеціальности, какъ историкъ, минералогъ, физикъ, ботаникъ, зоологъ, географъ, технологъ или художникъ. Какіе прекрасные виды открываются въ этомъ направленіи для будущаго! какая богатая жатва ожидается съ дѣвственнаго поля! Сколько мѣстъ въ Россіи еще неизвѣстны въ такой степени, какъ это могли бы желать друзья науки! И какъ благодѣтельно должно дѣйствовать болѣе основательное знакомство съ отечествомъ на національный духъ и чувство патріотизма! Глубокимъ чувствомъ достоинства и самоуваженія должно наполниться сердце гражданина, принадлежащаго къ такому государству, которое не только въ политическомъ и научномъ

[1]) Стр. 6. 8. 42.

отношеніи возбудило уже вниманіе и удивленіе иностранцевъ, но также многое обѣщаетъ и для расширенія области человѣческаго знанія". Далѣе, ораторъ съ одушевленіемъ говоритъ о возможности „союза человѣчности" между остзейскимъ юношествомъ и русскими молодыми людьми на почвѣ научныхъ занятій въ университетѣ, въ атмосферѣ взаимнаго сочувствія и довѣрія: „нѣмецъ научится любить, цѣнить и восхищаться прекрасными способностями къ образованію, энергическимъ характеромъ и замѣчательными успѣхами русскихъ, а русскій, въ свою очередь, отдастъ дань уваженія нѣмцу за тѣ похвальныя качества, которыя признаны за нимъ другими народами" [1]). Рядомъ съ этими болѣе отдаленными (mittelbar) цѣлями дѣятельности членовъ новаго университета, въ интересахъ культурнаго преуспѣянія всей Россіи, ораторъ указываетъ и на задачи болѣе близкія (unmittelbar) — въ отношеніи къ мѣстному коренному населенію Прибалтійскаго края въ частности. Онъ считаетъ необходимымъ поднятіе народной массы эстовъ и латышей на болѣе высокую степень культуры духовной и матеріальной; для этого настоятельно рекомендуетъ изученіе ихъ языка, нравовъ и обычаевъ, природныхъ склонностей, особенностей міровоззрѣнія, даже предразсудковъ и суевѣрій, словомъ — какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ склада ихъ жизни и характера: въ этихъ видахъ открывается широкое поприще для дѣятельности богослова, педагога, юриста и медика [2]).

Такими глазами смотрѣлъ въ будущее Дерптскаго университета одинъ изъ первоначальныхъ его дѣятелей; такія возлагалъ надежды, такія ставилъ онъ идеальныя цѣли. Приведенныя мысли интересны для насъ не столько какъ выраженіе точки зрѣнія отдѣльнаго лица, но въ гораздо большей степени какъ взглядъ цѣлаго круга лицъ, ставшихъ на мѣста первыхъ по времени руководителей учебной и ученой стороны дѣятельности новаго университета; эти же воззрѣнія легли въ основу тѣхъ традицій, съ которыми приходилось такъ или иначе считаться и позднѣйшимъ дѣятелямъ этого учрежденія. Въ какой же мѣрѣ идеалъ, начертанный для Дерптскаго университета столь воодушевленно и съ такой вѣрой въ будущее профессоромъ Пешманомъ, получилъ свое осуществленіе или видоизмѣненіе въ теченіе послѣдовавшаго вѣкового періода его существованія?

---

[1]) Стр. 50—51.
[2]) Стр. 53—59.

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является все наше предшествующее изложеніе; съ другой стороны, этотъ отвѣтъ находится также и въ матеріалахъ „Біографическаго Словаря“. Данныя того и другого рода свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что́ сдѣлала преподавательская корпорація, что́ достигнуто ею по части образованія мѣстнаго и русскаго юношества, каково было общекультурное вліяніе университета на ближайшую и болѣе отдаленную общественную среду. Не подлежитъ сомнѣнію, что политическаго элемента въ извѣстной степени не чуждъ былъ Дерптскій университетъ по условіямъ и цѣлямъ своего существованія уже съ самаго его основанія. Мысль о его миссіи въ роли культурнаго посредника между Россіей и Западной Европой красной нитью проходитъ черезъ все время его существованія до реформы въ концѣ 80-хъ годовъ 19-го столѣтія: эта идея много разъ высказывалась и съ каѳедры [1]), и въ книгахъ [2]), и при другихъ подобныхъ случаяхъ, находя себѣ постоянное признаніе и сочувствіе въ кругахъ, близкихъ къ университету. Значительныя колебанія на вѣсахъ времени испытали, такъ сказать, оба конца этой идеи, въ силу которой университету ставилась двойная задача—служить наукѣ вообще и просвѣтительнымъ интересамъ края въ частности. Не разъ затуманивался также передъ дѣятелями университета и вопросъ объ отношеніи къ интересамъ „Россіи“, т. е. того государственнаго и культурнаго организма, небольшую часть котораго въ политическомъ смыслѣ составлялъ Прибалтійскій край. Забвеніе этихъ отношеній со стороны университета вызывало на борьбу съ господствовавшими въ немъ теченіями русскую центральную власть, но нужно признаться, что борьба эта, начатая еще въ 1830-хъ годахъ, не-отличалась ни ясностью программы, ни послѣдовательностью ея проведенія. Конецъ этому положенію вещей былъ положенъ реформой университета и всей учебной системы въ краѣ въ концѣ 80-хъ годовъ, но теперь еще трудно сколько-нибудь опредѣленно судить о результатахъ этого важнаго въ государственномъ отношеніи шага; во всякомъ случаѣ, университетъ вышелъ, путемъ этой реформы, на болѣе широкую дорогу культурнаго служенія—не только интересамъ Прибалтійскаго края, но и всей остальной Россіи.

---

[1]) Напр., Festrede zur Jahresfeier der Stiftung der Universität Dorpat am 12 December 1871, gehalten von *Leo Meyer*. D. 1871, стр. 7.

[2]) *W. Chr. Gläser*. Der erste Rector der Dorpater deutschen Universität. Livländisch-deutsche Hefte. I Heft. Lübeck 1876, стр. 1.

УКАЗАТЕЛИ.

1. ЛИЧНЫЯ ИМЕНА.

2. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ССЫЛКИ.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Другіе труды того же автора, находящіеся въ продажѣ:

Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888. 2 р.

Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893. 50 коп.

Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Вып. I. Кіевъ. 1894. 60 коп.; вып. II. Спб. 1905. 30 коп.

Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. 2 р. 50 коп.

Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института князя Безбородко. Кіевъ. 1895. 50 коп.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Изд. 2. Кіевъ. 1895. 60 коп.

Гимназія Высшихъ наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ. Спб. 1895. 50 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ. 1895. 25 коп.

О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Юрьевъ. 1895. 25 коп.

Изъ бумагъ П. I. Шафарика и В. В. Ганки. Юрьевъ. 1896. 50 коп.

О пессимизмѣ И. С. Тургенева. Юрьевъ. 1897. 25 коп.

Объ отношеніяхъ Императора Николая I и А. С. Пушкина. Юрьевъ. 1897. 20 коп.

Лужицкіе Сербы. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Юрьевъ. 1898. 25 коп.

Два года изъ жизни А. С. Пушкина (1824—1826). Юрьевъ. 1899. 30 коп.

Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Юрьевъ. 1900. 1 р.

И. В. Ѳедоровъ-Омулевскій. Томскъ. 1900. 25 коп.

Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727). Юрьевъ. 1901. 5 р.

Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія. Т. I (1802—1865). Юрьевъ. 1902. 4 р.

Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ. 1903. 60 коп.

